

История
Общество
Политика
2026
№1(37)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

№ 1(37)
2026

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2026. №1 (37)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 31.03.2026

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов.**

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Л.В. Ланник - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

А.В. Сагимбаев - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Л. Черноперов - доктор исторических наук, доцент, профессор Ивановского государственного университета;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2026
© Коллектив авторов, 2026

**HISTORY
SOCIETY
POLICY**

**N 1 (37)
2026**

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2026. №1 (37)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 31/03/2026

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, Associate Professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

L.V. Lannik - doctor of historical sciences, Leading Researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences;

A.V. Sagimbayev - doctor of historical Sciences, Associate Professor, head of the department of general history and international relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.L. Chernoperov - doctor of historical sciences, associate professor, professor, Ivanovo State University;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2026

© Authors, 2026

Содержание

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

<i>Ксензов С. В.</i> Гражданская война в США: сепаратизм и его последствия	6
<i>Прилуцкий В.В., Калашиников А.В.</i> Трудовые конфликты и профсоюзное движение на послевоенном Юге США в эпоху Реконструкции и Позолоченного века (1865–1887 гг.)	15
<i>Назин В. Ю.</i> Вынужденная агрессия или имперский расчёт: <i>casus belli</i> Второй англо-бурской войны (1899-1902)	27
<i>Назин В. Ю.</i> Вещественные артефакты и визуальные свидетельства англо-бурской войны (1899-1902) как исторический источник: возможности и интерпретации	36
<i>Порунов А. Е.</i> От профсоюза к инструменту диктатуры: Германский трудовой фронт в нацистской Германии	49
<i>Аксенова В. А.</i> Частная жизнь подданных Российской империи (по материалам законодательства второй половины XIX – начала XX вв.)	55

ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Слюнкин А. А., Евстифеев Ф. Е.</i> Брянский край XVII века и его жители в восприятии архидиакона Антиохийской церкви	60
<i>Умерова М. А.</i> Суфийская обитель на территории Евпатории	68

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКУ

<i>Ельоньшев И. А.</i> «Части 18-го июня» как попытка борьбы с разложением русской армии	72
О сетевом издании «История. Общество. Политика»	82

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

УДК 94 (73)

С. В. Ксензов

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В США: СЕПАРАТИЗМ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация: В свете усиления идеологического раскола в США после президентских выборов 2024 года вновь становятся актуальными вопросы сепаратизма. Исторический прецедент - создание Конфедеративных Штатов Америки (КША) в 1861 году - позволяет проанализировать причины и последствия сепаратизма, а также провести параллели с современностью. В статье на основе анализа первоисточников рассматриваются **причины сепаратизма Юга:** глубокие экономические, политические и социальные различия между Севером (индустриальным, либеральным) и Югом (аграрным, рабовладельческим); стремление южных штатов сохранить свою автономию и традиционные институты, включая рабство; конституция КША, закреплявшая суверенитет штатов, но не предусматривавшая их право на выход из Конфедерации. Приводятся доказательства провала конфедеративного проекта в силу внутренних противоречий между центром и штатами, особенно в вопросах военной мобилизации и управления; экономической несостоятельности КША; из-за децентрализации и отсутствия единства. На основе анализа итогов гражданской войны проводятся **параллели с современностью**, связанные с углублением политико-географического раскола после выборов 2024 года: «трампистский» Юг и Центр и «демократический» Запад и Северо-Восток. Предложен гипотетический сценарий сепаратизма Калифорнии и других либеральных штатов при поддержке внешних сил. Гражданская война 1861–1865 гг. продемонстрировала, что сепаратизм ведёт к разобщённости и поражению. Однако институциональные и идеологические противоречия между регионами США сохраняются, создавая потенциал для новых кризисов.

Ключевые слова: гражданская война в США, сепаратизм, Конфедеративные Штаты Америки, идеологический раскол, федерализм, современные США

Ksenzov S.V. The American Civil War: Secessionism and Its Consequences

Abstract: In light of the growing ideological rift in the United States following the 2024 presidential elections, issues of separatism became relevant once again. A historical precedent — the creation of the Confederate States of America (CSA) in 1861 — allows us to analyze the causes and consequences of separatism, as well as draw parallels with modern times. This article, based on the analysis of primary sources, examines the causes of separatism in the South: deep economic, political

and social differences between the North (industrial, liberal) and the South (agrarian, slave-owning); the desire of the Southern states to preserve their autonomy and traditional institutions, including slavery; the CSA Constitution which enshrined the sovereignty of the states, but did not provide for their right to secede from the Confederacy. Evidence is provided for the failure of the Confederate project due to internal contradictions between the center and the states, especially in matters of military mobilization and governance; the economic insolvency of the CSA due to decentralization and lack of unity. Based on the analysis of the results of the Civil War, parallels are drawn to the present day. Namely, the deepening of the political and geographic rift after the 2024 elections: the Trumpist South and Center and the Democratic West and Northeast. A hypothetical scenario of secession of California and other liberal states with the support of external forces is envisioned. The Civil War of 1861-1865 demonstrated that secessionism leads to disunity and defeat. However, institutional and ideological contradictions between the regions of the United States remain, creating the potential for new crises.

Keywords: American Civil War, secessionism, Confederate States of America, ideological rift, federalism, modern USA

Идеологический раскол, четко проявившийся во время президентских выборов США 2024 года, оживил сепаратистские тенденции в стране. Гипотетическая доселе перспектива штата Калифорния выйти из состава федерации приобретает реальную перспективу. Подобный прецедент имел место во время Гражданской войны 1861 – 1865 годов. Институциональное здание страны испытало последствия землетрясения, вызванного поиском идеологического императива, когда одна часть США отстаивала старые правила, а другая стремилась к новым. В этих обстоятельствах вызывает интерес история Гражданской войны в США, которую можно рассматривать в новом аспекте - как возникает сепаратизм и каковы его последствия. Исторический опыт помогает экстраполировать его на современность. История не может повториться на 100%, но базовые институты данного этноса не изменились. А значит, правовые, политические, экономические и социальные институты в условиях идеологического раскола опять будут способствовать сепаратизму. В данном исследовании используется методология исторического неинституционализма.

Источники по истории Гражданской войны в США: документы, мемуары, историография

Документы, важные для анализа особенностей американского сепаратизма, начали издаваться еще в период гражданского конфликта середины XIX века. В первую очередь, это сборник *The Rebellion Record: A Diary of American Events* [1]. В него вошли такие уникальные свидетельства событий, как: 1) публикации в средствах массовой информации каждой из воюющих сторон; 2) тексты публичных выступлений политических лидеров, в том числе – прокламации губернаторов; 3) сецессионные ордонансы; 4) материалы военных сводок и т.п.

Через полтора десятка лет после завершения войны началась поэтапная публикация фундаментального издания – *The War of the Rebellion: A Compilation of the Official Records of the Union and Confederate Armies* [2]. Этот фундаментальный труд, состоящий из 130 томов, включает множество официальных документов, издававшихся армиями как Севера, так и Юга. Сюда также вошли переписки видных политических деятелей - президента Конфедерации Джефферсона Дэвиса, губернаторов южных штатов. Деятельность госструктур КША представлена многочисленными детальными отчетами. В письмах генерала Роберта Ли, адресованные руководителям Конфедерации, раскрываются сложности, с которыми столкнулось централизованное управление в условиях военных действий. Как формировалась расстановка сил в правительстве Юга, какие политические процессы происходили в Конгрессе КША, можно увидеть из документов Зебулона Вэнса, а также губернаторов Северной Каролины и Джорджии.

Особый интерес представляют мемуары непосредственных руководителей Конфедерации. Например, Джефферсоном Дэвисом и Александром Стефенсом (бывшие президент и вице-президент) оправдывался институт рабства. В своих документах они также акцентируют внимание на борьбе за права штатов. А. Стефенс отводит суверенитету штатов роль ключевой причины конфликта и основы южной конфедеративной модели [3.159]. При этом Д. Дэвис, в целом разделяя подобные взгляды, считал, что поражение Юга было также обусловлено серьезным противостоянием между централизацией и стремлением штатов к автономии [4. 266].

Понять, какие настроения господствовали среди элит Юга, помогают такие документы, как, например, дневники Мэри Бойкин Чеснат – жены Джеймса Чесната, бывшего в период Гражданской войны сенатором одного из южных штатов. Из ее записей можно увидеть особенности взаимоотношений между центром и штатами, посмотреть на внутренние противоречия Конфедерации глазами частного лица. Ее личные оценки, которые отражают мнение окружения Чеснат, помогают лучше понять, как работала конфедеративная власть и в чем заключаются причины ее краха [5].

В историографии Гражданского конфликта в США насчитываются тысячи исследований, главное место среди которых принадлежит, конечно, американским ученым. При этом проблемы суверенитета штатов и сепаратизма долгое время не привлекали должного внимания. Как правило, историческая традиция исходила из того, что отставание Юга было обусловлено, главным образом, аграрной ориентацией и использованием рабского руда.

Данная точка зрения была подвергнута сомнению в исследовании Р. Фогеля и С. Энгермана «Время на кресте: Экономика американского рабовладения». С помощью количественных методов анализа ученые убедительно доказали, что рабовладельческие хозяйства Юга превосходили по эффективности аграрные фермы свободного от рабства Севера. А непосредственно перед войной Южные штаты превосходили северные по темпам экономического роста. В итоге авторы делают вывод, что негативные изменения на Юге были обусловлены не столько экономическими, сколько идеологическими факторами [6].

Для советской историографии по Гражданской войне в Соединенных Штатах Америки был характерен марксистский подход. Главные причины конфликта виделись в классовой борьбе. Красной нитью проходила критика рабовладения. Данная традиция частично просматривается и в постсоветской науке [7] [8] [9] [10]. При этом в последнее время ученые из стран Восточной Европы проводят более объективный анализ как факторов, так и последствий вооруженного гражданского конфликта середины XIX века в США [11] [12] [13] [14] [15].

Сепаратизм в действии. Создание Конфедеративных Штатов Америки

Начиная с 1776 года, когда страна обрела независимость от Великобритании, в ее развитии наметились противоречия между двумя географическими частями. Юг и Север пошли по разным траекториям политического, экономического и социального устройства. К середине XIX века назрело глобальное столкновение двух систем. Южные штаты отличались господством патриархальных традиций с их аграрным антиунитарным вариантом развития капитализма, основанным на рабском труде. Индустриальная система Севера, с ее либерализмом, оказалась более прогрессивной в плане потенциала для демографического роста за счёт эмиграции из Европы. Будучи включенным в федеральную политическую систему страны, Юг поневоле следовал за Севером, сохраняя при этом свои характерные особенности. Нарастающие противоречия вынуждали южан искать способы сохранения привычных институтов, таких, как плантационное рабство и основанная на нем свобода белого населения. Выходом стало создание КША (Конфедеративных Штатов Америки).

Для решения вопроса о государственности [2. Ser. 1. Vol. 443-444] были проведены консультации глав штатов. Результатом стала договоренность о встрече представителей всех штатов Юга в Монтгомери (Алабама) 4 февраля 1861 г. Такая дата была выбрана не случайно. Поскольку 4 марта должна была состояться инаугурация Авраама Линкольна как президента САСШ (Северо-Американских Соединенных Штатов), на которой предполагалось четко провозгласить отмену рабства в качестве важнейшей политической миссии. А это угрожало самим основам Юга. На съезде каждого южного штата определялись составы делегаций в Монтгомери. При этом важно отметить, что количество делегатов не влияло на тот факт, что на один штат приходился лишь один голос [16. 43].

Председателем Конвента был избран Г. Кобб, министр финансов в администрации президента. Также было принято правило единого голосования. После чего делегаты Джорджии предложили сформировать временное правительство и наделить его функциями законодательного органа. Итогом стало создание 5 февраля 1861 г. Комитета по разработке Конституции [7. 136]. В основу была положена конституция Северо-Американских Соединенных Штатов с внесением ряда изменений, которые отражали интересы представителей Юга. Проект обсуждался в течение одного дня и был принят с небольшими поправками [1. Vol. 2. 321-327].

По решению Конвента, 18 февраля 1861 года Дж. Дэвис, представитель штата Миссисипи, был избран президентом Конфедерации. В инаугурационной речи он подчеркнул важные для Юга принципы политического устройства, заявив, что «право на создание Конфедерации исходило от народов суверенных штатов, представленных здесь. Это не имело ничего общего с революцией, и я считаю оскорбительным любое предположение о выходе штатов из Союза как о революции». Далее он отметил, что «штаты Конфедерации создали новый союз, но в пределах каждого штата сохранились свое правительство и законодательные органы. Таким образом, права личности и собственности не были нарушены» [17. 34-36].

Дж. Дэвис отметил, что конфедерация была отражением волеизъявления народа. Он напомнил мнение Томаса Джефферсона о праве нации избавиться от неугодного правительства для сохранения независимого существования: «В течение многих лет, — продолжал Дж. Дэвис, — которые были отмечены разногласиями с нашими бывшими согражданами из северных штатов, мы тщетно пытались сохранить мир и добиться уважения наших законных прав. Мы вышли из Союза, поскольку это было крайне необходимо, у нас просто не было другого выбора» [17. 34-36].

28 февраля 1861 г. Началось обсуждение проекта постоянной конституции Конфедеративных Штатов Америки, которая единогласно была принята 11 марта. В преамбуле документа дается определение государства как суверенной и независимой политической единицы. Подчеркивается, что суверенные государства (в лице южных штатов) объединились, чтобы «создать парламентское правительство, установить справедливый порядок, обеспечить мир и свободу» [1. Vol. 2. 321-323].

Конституцией нового государственного объединения были расширены полномочия президента. Срок правления увеличивался до шести лет. В первой статье говорилось, что «любой служащий любого исполнительного органа, а также все лица, находящиеся на дипломатической службе, могут быть уволены со своей должности по воле Президента. Все другие гражданские лица, находящиеся на гражданской службе любого исполнительного органа, могут быть уволены со своей должности в любое время лично Президентом Конфедерации по причине неудовлетворительного исполнения обязанностей, нечестности, неспособности исполнять свои обязанности, служебного проступка или неуважения к своим обязанностям» [1. Vol. 1. 31-37].

В разделе 7 Конституции говорилось, что президент может одобрить или отклонить любой законопроект. Если законопроект отклонен, президент должен вернуть копию законопроекта в палату, в которой он был подготовлен [18. 651]. Новые штаты могли быть приняты в Конфедерацию двумя третями голосов членов парламента, в то время как в Сенате каждый штат должен был голосовать отдельно [19. 29-30].

Согласно новому закону, Конгресс был лишен права вносить поправки в конституцию. При этом, если любые три штата желают внести коррективы в основополагающий документ, то парламент обязан созвать всеобщий съезд. Если последний решает, что предложенные изменения в конституции необходимы и оправданны, то он представляет данные предложения на рассмотрение и ратификацию штатами. Если две трети из них соглашаются принять поправки, это становится официальным решением о включении изменений в основной закон страны [1. Vol. 2. 321-327].

Хотя Дж. Дэвис неоднократно подчеркивал, что Конституция не ставила целью создание неразрывного союза, она не давала штатам права выхода из Конфедерации. Поэтому на протяжении всего существования КША в Конгрессе периодически появлялись законопроекты и резолюции, обосновывающие право штатов на выход из состава государства [20. 243-244].

До своего принятия Конституция была ратифицирована съездами сепаратистов всех южных штатов, за исключением Южной Каролины. Последняя выступила против пункта, разрешающего нерабовладельческим штатам присоединиться к Конфедерации. Особое положение Южной Каролины неоднократно приводило к негативным последствиям для штата. В частности, он не получил представительного места в Палате представителей Конгресса США [21. 18-19].

Вновь созданное государственное объединение получило название Конфедеративные Штаты Америки. Предложения назвать страну Аппалачия, Аллегания, Чикора, Саутленд, Содружество, Лига Наций, Союзные Республики были отклонены [19. 59-60]. В состав КША вошли штаты Алабама, Арканзас, Вирджиния, Джорджия, Кентукки, Луизиана, Миссисипи, Миссури, Южная Каролина, Северная Каролина, Теннесси, Техас и Флорида. Столицей стал город Ричмонд (Вирджиния).

Началось активное формирование государственных структур. Первым было образовано Министерство юстиции, состоявшее из типографии, патентного бюро и отдела местных дел. Однако главную роль в вопросах правосудия играло не министерство, а суды штатов [22. 5, 111]. Еще во время создания Верховного суда штаты начали протестовать против его права рассматривать и разрешать апелляции, касающиеся деятельности судов штатов. По мнению чиновников Юга, такая прерогатива усилила бы централизацию и нанесла ущерб суверенитету штата. В результате этого сопротивления Верховный суд так и не был создан, хотя Конституция требовала, чтобы главные судьи штатов были членами Верховного суда [1. Vol. 2. 325-327]. Одним из последствий такого положения дел стали ситуации, когда отдельные судьи или суды штатов просто аннулировали законодательство КША [2. Ser. 4, Vol. 3. 176-177].

Одновременно шел процесс создания финансовой системы Конфедерации. 28 февраля был одобрен «Акт о сборе средств для поддержки правительства Конфедеративных Штатов Америки», согласно которому населению предоставлялся первый заем в размере 25 млн. долларов. Кредит был с энтузиазмом поддержан общественностью [18. 659]. Государственные займы дали Конфедерации 712 млн. долларов, что составило почти 40 % от общей суммы ее доходов.

В меньшей степени правительство КША использовало систему налогообложения. Первый закон о налогах был одобрен Конгрессом 19 августа 1861 года. Он принёс в казну 17,5 млн. долларов. Ставка налогообложения к 1865 году поднялась до 15 %, но доходы не увеличились, так как налоги выплачивались обесцененными деньгами [23. 84, 150]. Фактически система налогообложения была подорвана непродуманной монетарной политикой. Из финансовых инициатив штатов можно отметить пример Алабамы. Чтобы доказать свою преданность делу Юга, штат Алабама по собственной инициативе добился поступления в казну 6000 долларов по займу КША [24. 118].

Правительство под руководством Дж. Дэвиса создавалось на основе принципа представительства всех штатов. Р. Тумбс занимал пост государственного секретаря и представлял штат Джорджия, Дж. Бенджамин — Луизиану, К. Меммингер (министр финансов) — Южную Каролину, Л. Уокер (министр обороны) — Алабаму, С. Мэллори — Флориду, Дж. Рейган — Техас [5.15]. Каждый из штатов Конфедерации имел своего представителя в правительстве. За исключением Миссисипи, который был представлен самим президентом.

«Я видел бесконечные проблемы и препятствия на нашем пути, — писал Дж. Дэвис в первые дни своего президентства, — у нас нет государственного аппарата, и мы чувствуем постоянную угрозу со стороны мощной оппозиции. Но я не падаю духом» [4. 123]. Однако, настроившись на сильное сопротивление в начале создания нового государства, президент и его кабинет столкнулись, к своему немалому удивлению, с временным затишьем. В первый

год существования КША в обществе преобладали идеи нежелательности конфликтов. Губернаторы штатов занимались своими внутренними делами, не особенно обращая внимание на заботы центрального правительства. При этом, выступая летом 1861 г. в Ричмонде, президент Дж. Дэвис заявил, что «объединение суверенных штатов в Союз, о котором так много мечталось, стало реальностью» [2. Vol. 1. 176-177].

Вице-президент А. Стефенс, который впоследствии станет лидером оппозиции, заявил тогда, что «если мы будем разделены, если начнут доминировать глупые приказы, если появятся разногласия, если возникнут разногласия, если дух партий из-за личных амбиций поднимет голову гидры, то я не могу обещать ничего хорошего в этом случае» [3. 725].

В этой атмосфере относительного спокойствия 1 ноября 1861 года состоялись перевыборы президента и вице-президента Конфедерации. Кампания характеризовалась пассивностью избирателей. В некоторых местах людей попросили подойти к урнам для голосования, а в ряде штатов даже были приняты законы, обязывающие солдат голосовать. Отсутствие сепаратизма штатов в КША в 1861 году объяснялось относительным экономическим благополучием государства и успехами на фронтах Гражданской войны. Как только эти факторы исчезли, начался сепаратизм внутри сепаратизма.

Сепаратизм внутри сепаратизма. Противостояние штатов и центральных органов власти КША.

Первым шаткое равновесие между федеральным правительством Конфедеративных Штатов Америки и штатами нарушил Дж. Браун, губернатор Джорджии. Он всячески оттягивал отставку войск с подчиненной ему территории, когда министр обороны КША Л. Уокер обратился к губернаторам с просьбой сформировать и затем отправить в национальную армию полки от штатов. Дж. Браун забросал Министерство обороны письмами, в которых объяснял причины своих действий и выражал несогласие с политикой министра. В итоге он вообще обвинил Л. Уокера в том, что тот не ответил на его письма [2. Ser. 5. Vol. 1. 119-218].

Дж. Браун прославился фразой: «Каждый сам за себя, к черту общие интересы». Главы других штатов взяли в качестве образца его политику несогласия. Так, губернатор Алабамы отказался передать вооружение и армию штата Министерству обороны. В это время ему самому удалось собрать 2500 солдат и вооружить шесть полков для армии штата [2. Ser. 4. Vol. 1. 420, 702, 704-705]. Т. Мур, губернатор Луизианы, также отказался передать оружие из арсенала штата армии Конфедерации. «Я действительно не хочу оставлять штат без достаточного количества оружия для местной обороны», — сказал он [2. Ser. 4. Vol. 1. 420, 702, 704-705].

Ф. Пикенс, губернатор Южной Каролины, в сентябре 1861 г. написал министру обороны, что он «не в состоянии вооружить свою квоту войск Конфедерации, потому что он сам должен оставить оружие для 15 000 войск штата». Более того, он потребовал от Минобороны вернуть государству оружие, которое оно когда-то передало армии КША [2. Ser. 1. Vol. 6. 372].

С середины 1861 г. многие губернаторы штатов демонстрируют оппозиционные настроения по отношению к правительству Конфедерации. Что создавало огромную опасность в связи с обострением отношений с Севером. Однако в таком поведении военного и политического руководства южных штатов не было ничего неожиданного. Президент Дж. Дэвис одобрил создание такой структуры Министерства обороны, в соответствии с которой страна фактически была разделена на автономные военные округа/ведомства, не привязанные к границам штатов [2. Ser. 4. Vol. 1. 631-633]. А поскольку губернаторы отвечали за защиту только своей территории, то в росте их противостояния центру по военным вопросам не было ничего удивительного.

Для успеха в гражданской войне требуются жесткая централизация и единство. Однако Конфедерация не смогла это обеспечить из-за внутренних противоречий, что привело к ее ослаблению в борьбе с Севером. Южные штаты, вместо того, чтобы сплотиться ввиду опасности поражения, стали рьяно отстаивать свой внутренний суверенитет – отзывать солдат с фронта, создавать свои собственные локальные силы самообороны. Результатом стало неизбежное ослабление общей боеспособности армии КША. Конфликты между регионами и центром лишь усугублялись. Именно разобщенность стала одним из ключевых факторов поражения Юга.

Введение закона о воинской повинности было воспринято на уровне отдельных штатов крайне отрицательно. Что привело к усилению противостояния с правительством Конфедерации. Например, губернатор Миссисипи Кларк, ранее избегавший прямого конфликта с властями, мобилизовал 5 тысяч резервистов и 8 тысяч полицейских. В Алабаме губернатор Уоттс после жарких дебатов передал Конфедерации один полк, но затем отказался отпускать новобранцев за пределы штата. Флорида сформировала 39 военных подразделений общей численностью 2780 человек. Губернатор Техаса Мюррей располагал 5 тысячами резервистов, которых использовал для сбора хлопка, в то время как армия Конфедерации терпела поражения на фронте. Южная Каролина и вовсе отказалась от обязательств перед правительством КША, переподчинив всех военнообязанных местным властям [2. Ser. 4. Vol. 35. 3, 786—789, 726—727].

Особенно показателен пример штата Джорджия, где сепаратизм проявил себя наиболее ярко. В июне 1864 года, когда войска генерала Шермана двинулись на Атланту, губернатор Браун обвинил президента Конфедерации в бездействии и призвал всех мужчин штата, включая ранее освобожденных от призыва, вступить в армию. В его распоряжении были 8 тысяч бойцов ополчения и 800 тысяч долларов на их содержание. Хотя Браун временно передал часть войск генералу Худу, вскоре он начал действовать вопреки интересам Конфедерации. В разгар сражений за Атланту он отправил 10 тысяч солдат в 30-дневный отпуск, сорвав планы военного министра Седдона. А в марте 1865 года и вовсе приказал целой дивизии игнорировать распоряжения конфедеративного командования, оставив их под контролем штата. 13 марта 1865 г. Браун приказал: «Все люди в дивизии майора Смита сейчас находятся на службе штата. Никто из них не должен подчиняться приказам офицеров Конфедерации. Вам предоставлен отпуск» [2. Ser. 4. Vol. 52. 736—740, 680—681, 687, 688—691, 709--710, 717, 724—725, 735—740, 754, 758, 778 – 790].

Заключение или Последствия сепаратизма в контексте современной истории США.

Сепаратизм южных штатов привел к их разобщенности и послужил мощным фактором поражения в Гражданской войне с Севером. Федерация же северных и западных штатов США в период с 1861 по 1865 гг. была основана на сильном централизованном правительстве. При этом руководство Юга постоянно подчеркивало, что любой северный штат вправе присоединиться к Конфедерации. Однако политический конфликт между конфедеративным Югом и федеративным Севером выявил, что именно сильное централизованное руководство может сплотить народ в период активных военных действий и обеспечить успех на поле боя. Итогом стало то, что на протяжении большей части войны агрессивные, индустриально развитые северные штаты постепенно захватывали земли Конфедерации. Конфедеративные Штаты Америки просуществовали всего четыре года.

Гражданская война нанесла тяжелейший удар по экономике Соединённых Штатов. Потери страны были огромны: 623 тыс. человек погибли, 471 тыс. получили ранения (при общем населении около 30 млн). Финансовый ущерб превысил 9 млрд. долларов, включая 4,1 млрд.

долларов прямых военных расходов федерального правительства (вплоть до 1869 г.) и 4,8 млрд долларов — совокупные потери Севера и Юга [25. 508].

Освобождённые рабы, не получив земли, вынуждены были становиться батраками. Их заработок составлял лишь около 50 центов в день. При этом зарплату часто просто не выплачивали, что фактически приводило к усилению зависимости бывших рабов от своих работодателей. Афроамериканцы не могли ни купить, ни арендовать землю из-за отсутствия средств, а также из-за конкуренции с белыми фермерами, бывшими плантаторами и земельными спекулянтами. При этом побеждённые белые южане получили от властей значительные послабления: им вернули конфискованные земли и имущество.

Несмотря на все потери и разрушения, главная цель была достигнута: территориальная целостность США сохранилась, сепаратизм был подавлен, а капитализм получил возможность свободно развиваться как на Севере, так и на Юге. Страна получила мощный стимул к развитию и отлично им воспользовались. Уже к концу XIX века объединенное государство вышло на первое место в мире как по темпам экономического роста, так и по темпам промышленного развития.

Однако глубинные институциональные причины своеобразного водораздела между Севером и Югом сохраняются до сих пор. Это, несомненно, в первую очередь, раскол идеологический. Что и проявилось в ходе последней президентской кампании. Выборы президента США 2024 года показали, что страна условно разделена на два лагеря – демократический и «трампистский». Причем граница такого своеобразного деления имеет четкую географическую привязку. За Д. Трампа голосовал Центр и Юг страны, за демократические идеалы – Запад и Северо-Восток.

При определенных условиях этот территориальный и идеологический раскол создаёт, на наш взгляд, предпосылки к новой гражданской войне. Конечно, нельзя целиком переносить ситуацию середины XIX века на современность. Но по ряду признаков нынешние демократы напоминают белых южан времен рабовладения, а трамписты – северян. И если позиции трампистов к 2028 году укрепятся, то центр и юг страны станут оплотом США. Инициатором новых Конфедеративных Штатов Америки может стать штат Калифорния, к которому вполне возможно присоединение Орегона и Вашингтона на Западе, Нью-Йорка, Массачусетса и других штатов – на Северо-Востоке. Так как армия и полиция будут на стороне действующего президента, то шансы на успешную сецессию у новых КША будут только при экономической и военной поддержке со стороны ЕС и Канады, идеология которых близка к демократам США.

Библиографический список

1. The Rebellion Record. A Diary of American Events with documents, narratives, illustrations, incidents, poetry. - New York. 1864-1869.
2. The War of the Rebellion (A Compilation of the official Records of the Union and Confederate Armies). - Washington D.C.. 1880 – 1901.
3. Alexander H. Stephenes in public and private. - Philadelphia. 1866..
4. Davis J. Private Letters 1823-1889. - New York. 1966.
5. Chesnut M. A Diary From Dixie. New York: Appelton and Company, 1949
6. Fogel R., Engerman S. Time on the Cross: The Economics of American Negro Slavery. - New York. 1995.
7. Иванов Р. Ф. Конфедеративные Штаты Америки: (1861-1865 гг.). Москва: ИВИ РАН. 2002. - Ч. 1. 275 с.; Ч. 2. 254 с.
8. Куропятник Г. П. Гражданская война в Северной Америке, 1861-1865. - М.: Наука, 2009. 354 с.

9. Латов Ю. В. Американское рабство как неотрадиционная экономическая система // Историко-экономические исследования. - 2003. - Т. 3. - № 2-3. - С. 89-117.
10. Латов Ю. В. Новая экономическая история Гражданской войны в Америке и ликвидации плантационного рабства // Экономический вестник Ростовского государственного университета. - 2004. - Т. 2. - № 1. - С. 97-116.
11. Дружинин Н. Л., Мисько О. Н. Экономические аспекты Гражданской войны в США // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. - 2010. - №1. - С. 82 – 91.
12. Согрин В.В. История США: учебник. М.: Международные отношения. 2019. 600 с.
13. Тетерин П. В. Осмысление причин и итогов Гражданской войны в США // Философия. История. Образование. - 2022. - 3(5).
14. Латыпова Н. С. Дискуссия о причинах Гражданской войны в США (1861–1865): периодизация историографии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. - 2022. - Т. 27. - №2. - С. 8–20.
15. Поддубный Е. Н. Процесс сецессии южных штатов: Путь к Гражданской войне в США // История. Общество. Политика. - 2025. - 1(33). - С. 15-37.
16. Eaton C. The mind of the Old South. - Baton Rouge. 1961.
17. A Compilation of the messages and Papers of the Confederacy. - Nashville, 1906, Vol. 1. P. 34-36.
18. Davis J. The Rise and Fall of the Confederate Government. - New York. 1958.
19. Coulter E.M. The Confederate states of America 1861-1865. - Baton Rouge. 1976.
20. Flippin P. Hezschel Johnson of Georgia. - Richmond. 1931.
21. Warner E., Years B. Biographical register of the Confederate Congress. - Baton Rouge. 1975.
22. Robinson W. Justice in Gray. - Cambridge. 1941.
23. Todd R. Confederate Finance. - Athens. 1954.
24. Luraghi R. The rise and fall of the plantation south. - New York. 1978.
25. Faulkner H. American Economic History. - New York; London. 1960.

Сведения об авторе:

Ксензов Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Белорусского государственного экономического университета, e-mail: sksenzov@mail.ru

УДК 94(73)"1865/1887"

В. В. Прилуцкий, А. В. Калашников

ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ И ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ПОСЛЕВОЕННОМ ЮГЕ США В ЭПОХУ РЕКОНСТРУКЦИИ И ПОЗОЛОЧЕННОГО ВЕКА (1865-1887 ГГ.)

Аннотация: Рассмотрены трудовые конфликты и профсоюзное движение в южных штатах США в 1865–1887 гг. Послевоенный Юг переживал радикальные перемены, вызванные отменой рабства, разрушением рабовладельческого плантационного уклада и начавшимся переходом экономики региона от преимущественно аграрного хозяйства к аграрно-индустриальному. Период Реконструкции и последовавшая за ним эпоха Позолоченного века стали временем серьезных конфликтов между рабочими, владельцами предприятий и государством. Низкая заработная плата, тяжелые условия труда и жизни вызвали недовольство не только афроамериканцев, но и белых рабочих. Трудовые споры стимулировали развитие профсоюзного движения, которое постепенно начало приобретать влияние в южных штатах, оказывая определенное воздействие на их политическую и экономическую жизнь.

Ключевые слова: история американского рабочего и профсоюзного движения, социальные и расовые конфликты в США в XIX в., послевоенный Юг США, Реконструкция Юга, Позолоченный век

Prilutsky V. V., Kalasnikov A. V. Labor Disputes and the Union Movement in the Postwar Southern United States during Reconstruction and the Gilded Age (1865-1887)

Abstract: This article examines labor disputes and the union movement in the Southern United States from 1865 to 1887. The postwar South experienced radical changes caused by the abolition of slavery, the destruction of the slave plantation system, and the beginning of the regional economy's transition from a predominantly agricultural to an agrarian-industrial one. The Reconstruction period and the subsequent Gilded Age were a time of serious conflict between workers, business owners, and the government. Low wages and harsh working and living conditions caused discontent not only among African Americans but also among white workers. Labor disputes spurred the development of the union movement, which gradually began to gain influence in the southern states, exerting a certain influence on their political and economic life.

Keywords: history of the American labor and trade union movement, social and racial conflicts in the United States in the XIX-th century, postwar South of the United States, Reconstruction of the South, Gilded Age

Традиционно эпоха Реконструкции на Юге США воспринимается с развитием капиталистической экономики, заменявшей отжившие формы трудовых отношений. Можно выделить две наиболее сильно проявившихся тенденции в трудовых отношениях обозначенного периода — расизм в трудовых отношениях и численный рост членов профсоюзов в развивающихся отраслях промышленности. Однако несмотря на то, что в 1870-е гг. в ряде штатов «чёрные кодексы» были формально отменены, расовая сегрегация, порожденная данными законами, сохранилась, несмотря на нападки на эту практику на протяжении всей Реконструкции. Аналогичные положения, которые содержались в «кодексах», были включены в конституции и уголовные законы штатов. Компромиссом, который позволил так быстро объединить непокорных демократов Юга, вернувшихся в Союз и ратифицировавших все конституционные поправки, и республиканцев Севера, стремившихся отменить рабство, но при этом примирившихся с «Чёрными кодексами», стала т.н. система «кабалы». Именно такая система была положена в основу трудовых и арендных отношений на Юге в период Реконструкции. В ряде случаев ей пользовались земельные арендодатели, получая тем самым дешёвую рабочую силу. Рабочий при этом оставался в зависимом положении до тех пор, пока не соберет весь урожай и выплатит арендодателю всю сумму за пользование землей. Местные власти, в свою очередь, всецело поддерживали подобную практику. Рассматриваемая система позволяла сохранить экономическое благосостояние южных плантаторов, обеспечивая замену рабского труда и привнося в систему элементы капиталистического хозяйствования. Плантаторы с радостью приветствовали новую форму трудовых отношений, и на подобных условиях были вполне согласны подчиняться республиканскому Конгрессу. Формально соблюдая

Конституцию (Тринадцатую поправку), бывшие рабовладельцы сохранили свою власть над чернокожими рабами, превращая их в поденщиков. Меры, предпринятые плантаторами с целью восстановления своего привилегированного положения («черные кодексы», система «кабалы») рассматривались политиками и Верховным судом только с юридической точки зрения, считая, что все они вполне соответствовали закону. Северные конгрессмены, в свою очередь, признали формальную отмену рабства достаточным изменением правового положения афроамериканцев. Их совесть была чиста, так как эмансипация достигла своих целей и рабы получили юридическую свободу. Экономическая сторона вопроса, а именно – распределение ресурсов и капитала, финансовое положение бывших рабов и наличие (или отсутствие) у них земли и средств производства, политиками не учитывалась [1, с. 125].

Самую большую группу нерабовладельческого населения Юга представляли мелкие белые фермеры, которые располагались в районах, примыкавших к «черному поясу». Здесь судьба Реконструкции зависела от того, чью сторону примут мелкие белые фермеры. Вслед за мелкими белыми фермерами по численности шли белые бедняки — та группа белого населения, которую плантаторы презрительно называли «крекеры», «пожиратели земли» и т.д. Это был своеобразный люмпен-пролетариат плантационной системы. Зачастую они имели несколько акров обрабатываемой земли, но паразитировали в основном на плантационной системе. Именно из их среды в период рабства плантаторы вербовали надсмотрщиков, погонщиков и охранников рабов. Значительную группу белого населения составляли жители района Аппалачских гор — мелкие фермеры и охотники. Хозяйство их носило сугубо натуральный характер, а роль в экономической и политической жизни была ничтожна. И, наконец, среди белого населения Юга надо указать на тех, кто прибыл в южные штаты с федеральной армией, руководимый стремлением оказать помощь освобожденным неграм. На Юг пришли и такие северяне, которых гнала жажда наживы. Многим из них удалось осуществить свои планы и нажить здесь громадные состояния. Подобные факты вполне объяснимы, даже закономерны, так как всякая буржуазная «деловая активность» неизбежно сопровождается спекуляциями и аферами.

Из белого населения Юга наиболее важную роль в Реконструкции сыграли мелкие белые фермеры. Их позиция в отношении Реконструкции отличалась большой противоречивостью. С одной стороны, белые фермеры выступали за радикальную Реконструкцию, так как она была направлена против интересов крупных землевладельцев и способствовала реализации экономических и политических требований мелких белых фермеров. С другой — ряд пунктов этой программы противоречил интересам мелких белых землевладельцев. Это относилось в первую очередь к вопросам тарифного, финансового и железнодорожного законодательства, проводившегося в интересах крупного капитала. Кроме того, значительная часть белых фермеров выступала против предоставления права голоса чернокожим.

Кровавые события произошли в Мемфисе (штат Теннесси) 1-3 мая 1866 г. Главной причиной беспорядков являлась конкуренция за труд (низкооплачиваемый) между выходцами из Ирландии и чернокожими. Расследование, проведенное Конгрессом США, свидетельствовало о гибели в результате бунта не менее 46 афроамериканцев и 2 белых. Ранения получили 75 афроамериканцев. Были сожжены 91 дом (в основном хижины и лачуги), и все 4 церкви и 8 школ, принадлежавшие афроамериканцам. В результате около четверти афроамериканцев, составлявших половину населения Мемфиса, вынуждены были после резни навсегда покинуть город [2, с. 94].

Послевоенное соотношение заработной платы в сельском хозяйстве подорвало силу прямой торговли между мелкими лавочниками и вольноотпущенниками. Ветеран Конфедерации, державший небольшой магазин в округе Самтер, был заключен в тюрьму за то, что

получил украденный хлопок, который он приобрел в октябре 1866 г. у вольноотпущенника, который настаивал на том, что у него не было контракта и что «все, что у него было для продажи, было его частной собственностью». Даже торговцы, получившие лицензию от военных, в послевоенный период попадали под подозрение. Ограничения натурального хозяйства, более сложные задачи, связанные с выращиванием хлопка, и необходимость обменивать рабочую силу на использование тягловых животных и сельскохозяйственных орудий подрывали независимость, которую освобожденные люди пытались закрепить в договорах, гарантировавших им определенное количество времени для работы на плантаторов. К концу 1860-х гг. сложилась ситуация, которая уже не мешала плантаторам получать более двух-трех дней работы на плантации в рамках номинально двух- или трехдневной «системы» [14, pp. 129, 135].

В то же время некоторые представители Республиканской партии явно предполагали, что самая фундаментальная в истории страны перестройка политических институтов никак не повлияет на существующие социальные отношения. Как и в случае с другими мобилизациями рабочего класса в XIX в., общественное движение Юнионистских Лиг включало в себя кратковременные союзы между мелкими землевладельцами, священнослужителями и мирянами, квалифицированными ремесленниками и наемными работниками. «Кооперативные магазины, религиозное просвещение, начальное обучение грамоте и распространение письменных законов требовали поддержки со стороны формирующихся групп среднего класса, которые еще не были враждебно настроены по отношению к рабочему большинству, и получали ее» [14, pp. 159, 185].

Рабочие организации и профсоюзы афроамериканцев упоминаются и в книге 1937 г. американского историка-марксиста Дж. С. Аллена [3, pp. 145, 165]. Однако нельзя утверждать, что дискриминации подвергалось только чернокожее население южных штатов. В трудовой сфере того времени стал широко распространяться т.н. Контракт «желтой собаки» (пункт контракта, также известный как «железная клятва») — соглашение между работодателем и работником, в котором работник соглашается, в качестве условия приема на работу, не быть членом профсоюза. В Соединенных Штатах такие контракты использовались работодателями для предотвращения создания профсоюзов, чаще всего позволяя работодателям возбуждать судебные иски против профсоюзных организаторов [23]. В 1870-е гг. письменное соглашение, содержащее обязательство не вступать в профсоюз, обычно называлось «печально известным документом». Это укрепляет убеждение в том, что американские работодатели, прибегая к индивидуальным контрактам, сознательно следовали английским прецедентам. Договоры будут признаны незаконными и отменены только в эпоху «Великой депрессии», в 1932 г.

В эпоху Реконструкции профсоюзное движение на Юге было представлено следующими объединениями: «Цветной национальный трудовой союз» (CNLU) или «Национальный трудовой союз» (NLU), созданный афроамериканцами для коллективной организации труда на национальном уровне. Основанный в 1869 году, CNLU, как и другие профсоюзы в Соединенных Штатах, был создан с целью улучшения условий труда и качества жизни своих членов. Афроамериканцы были исключены из некоторых существующих профсоюзов, например, когда белые рабочие создали Национальный профсоюз. Уильям Сильвис, президент NLU, выступил с речью, в которой согласился с тем, что в рядах его организации не должно быть «никаких различий по расе или национальности». В 1869 году несколько чернокожих делегатов были приглашены на ежегодное собрание NLU, в том числе Исаак Майерс (1835-1891), видный организатор афроамериканских рабочих. На съезде он красноречиво высказался за солидарность, заявив, что белые и черные рабочие должны объединиться для повышения заработной платы и комфортного уровня жизни. Однако белые профсоюзы отказывались пускать афроамериканцев в свои ряды. В ответ на это Майерс встретился с другими афроамериканскими

рабочими, чтобы сформировать собственную национальную рабочую организацию, в 1869 г. был сформирован Национальный трудовой союз, часто называемый Национальным союзом цветных, первым президентом которого стал Майерс.

Вторым довольно крупным профсоюзом, как правило, считается «Сыны Вулкана», существовавший с 1858 г. по 1876 г. Профсоюз набирал в свои ряды пудлинговщиков, опытных мастеров, которые обрабатывали чугуны для получения стали. В 1870-е гг. это был самый сильный профсоюз в Соединённых Штатах [10]. В 1876 г. он объединился с двумя другими профсоюзами работников металлургической и сталелитейной промышленности, тем самым образовав Объединённую ассоциацию работников металлургической и сталелитейной промышленности — предшественницу Объединённого профсоюза работников сталелитейной промышленности [6]. На съезде профсоюза 7 августа 1865 года, Хамфрис сообщил, что в Иллинойсе, Кентукки, Мэриленде и Западной Вирджинии были созданы «кузницы» (так назывались местные союзы организации), и число членов профсоюза утроилось. В следующем году профсоюз начал нанимать оплачиваемых организаторов по всему Востоку. В 1867 г. в союзе насчитывалось 36 действующих «кузниц» и 1 514 членов.

Однако, как бы странно это не звучало, забастовочная политика профсоюза едва не привела к его краху. Первоначально бастовали только рабочие, у которых были претензии, в то время как большинство других рабочих на заводе продолжали работать. В отсутствие профсоюзной солидарности работодатели легко попирали и подавляли забастовки. Финансовая поддержка бастующих оказывалась за счет добровольных взносов других членов «кузниц», а вовсе не национального профсоюза. Эта неправильная забастовочная «политика» привела к распаду 11 местных союзов в 1867 г. и еще 16 — в 1868 г. В 1868 г. данный союз насчитывал всего 600 членов. Но как известно, на ошибках учатся. В 1870 г. «Сыны Вулкана» ввели новую политику, в соответствии с которой только национальный союз мог одобрить забастовку, а все рабочие местной «кузницы» должны были выйти на забастовку, если она одобрена. Кроме того, национальный союз начал оказывать ограниченную финансовую поддержку бастующим. Эти изменения значительно повысили стабильность союза, и к 1873 году число членов выросло до 3331 в 83 «кузницах» в 12 штатах [12].

Крупнейшим же американским рабочим движением XIX в., насчитывавшим в то время почти миллион членов, были «Рыцари труда» (K of L, «Благородный и Святой Орден Рыцарей Труда»), представленные также в Канаде и даже имевшие отделения в Великобритании и Австралии. Его наиболее значимым лидером был Теренс В. Паудерли (1849—1924). «Рыцари труда» выступали за социальный и культурный подъем рабочего и в первую очередь, требовали введения восьмичасового рабочего дня. Движение было примечательно своим стремлением к организации независимо от пола и расы, а также включением как квалифицированной, так и неквалифицированной рабочей силы. Профсоюз объединил всех работников, независимо от рода занятий, в единый орган. Однако после быстрого расширения в середине 1880-х он внезапно потерял своих новых членов и стал жертвой юридической «битвы» с новой Американской федерацией труда. «Рыцари труда» послужили первой массовой организацией рабочего класса в Соединённых Штатах [9].

Основанные Урией Стивенсом 28 декабря 1869 г., «Рыцари труда» достигли 28 тыс. членов в 1880 г. и 100 тыс. — в 1884 г. К 1886 г. в данной организации насчитывалось почти 800 000 членов: 20% всех рабочих. Его хрупкая организационная структура не справилась с обвинениями в провале, насилии, обвинениях и негативной реакции после бунта на Хеймаркет-сквер в 1886 году. Большинство членов покинули движение в 1886-1887 гг., оставив не более 100 тыс. членов в 1890 г. В его состав входили низкоквалифицированные рабочие, железнодорожники, иммигранты, сталелитейщики. Это помогло работникам получить

организационную идентичность. По мере расширения членского состава «Рыцари» стали функционировать скорее как профсоюз, а не как тайная организация. В 1880-х годах «Рыцари труда» играли огромную роль в независимых и сторонних движениях. Местные собрания стали делать упор на кооперативные предприятия и инициировать забастовки, чтобы добиться уступок от работодателей. «Рыцари труда» объединили рабочих разных религий, рас и полов и помогли им всем создать связь и объединить всех ради общего дела. Новый лидер, Паудерли, выступал против забастовок как «пережитка варварства», но размер и разнообразие рыцарей предоставляли местным собраниям большую автономию. В первое десятилетие, с 1869 по 1879 гг., организация была сосредоточена в угледобывающих городах в Пенсильвании, Огайо, Западной Вирджинии и Иллинойсе. Но в начале 1880-х годов ремесленные и смешанные собрания появились в больших городах и небольших поселках по всему Среднему Западу, а затем после 1885 г. движение распространилось на Юг и через шахтерские и железнодорожные города Запада [8].

Рыцари стремились обучать и поднимать рабочих и вести переговоры о зарплатах и контрактах с работодателями. У «Рыцарей» было несколько основных требований, которые они хотели бы видеть. Во-первых, они хотели, чтобы рабочие видели надлежащую долю богатства, которое они создали; иными словами, они пытались уменьшить или хотя бы уменьшить разрыв в заработной плате. Они хотели обучать рабочих, создавать кооперативные учреждения и принимать законы о труде, такие как законы о детском труде. Рыцари также хотели убедиться, что рабочие защищены и что их рабочее место улучшено.

Развитие капитализма в США в 1870-1880-е подразумевало создание широкой сети железнодорожных путей сообщения. Особенно ярко это проявилось на Юго-Западе страны. А за перспективными отраслями промышленности неотъемлемо «по пятам» следовали споры, связанные с регулированием трудовых отношений. Из наиболее известных трудовых конфликтов указанного периода выделяется Великая железнодорожная стачка 1877 г., в некоторых источниках называемая «Великим восстанием», начавшаяся 14 июля в г. Мартинсберге в Западной Вирджинии. Поводом к стачке послужило урезание руководством железнодорожной компании «Baltimore and Ohio Railroad» (B&O) третий раз за год зарплаты в связи с экономическим кризисом. Стачка закончилась 52 дня спустя, будучи подавленной неофициальными вооружёнными отрядами, национальной гвардией и федеральными войсками. Железнодорожные рабочие во многих других городах поддержали стачку. Всего по всей стране было убито около 100 человек. В Мартинсберге, Питтсбурге, Филадельфии и других городах рабочие уничтожали имущество железнодорожных компаний.

В течение 3 лет, предшествовавших стачке, заработок железнодорожных рабочих компании «Baltimore and Ohio Railroad» уменьшился на 50 %. в общем и целом, их заработок сократился на 30 %, чем у рабочих в других железнодорожных компаниях. Эти рабочие были почти самими нищими в США, поскольку беднее их были рабочие Нью-Йоркской центральной линии. Зарплата кочегаров компании за 1873-1877 гг. сократилась с 55 долл. до 33 долл. Зарплата тормозных кондукторов за тот же период времени упала с 70 долл. до 30 долл. зарплата проводников данной компании уменьшилась с 90 долл. до 50 долл. Все эти категории рабочих беспощадно эксплуатировались хозяевами: они терпели издевательства надсмотрщиков; их рабочий день был достаточно длительными. Более того, многие работники брали сверхурочные. А 11 июля 1877 г. было объявлено, что рабочим будут платить 90 центов в день. Кочегары и тормозные кондукторы, узнав эту новость, заявили, что им придётся «воровать или голодать» в данном случае. 15 июля газета the Sun опубликовала отчёт хозяина компании Гаррета, который утверждал, что прибыль компании является удовлетворительной. На следующей день та же газета опубликовала следующее заявление владельца компании Baltimore and

Ohio Railroad: Гаррет объявил о 10-процентном сокращении зарплат всех категорий рабочих, отметив, что он надеется, что все осознают, что сокращение расходов «является необходимостью».

Забастовка началась на железнодорожном узле Камден, который располагался в двух милях от Балтимора. Данный железнодорожный узел связывал Балтимор с Вашингтоном. Незадолго до обеда 16 июля кочегары 32-го локомотива прекратили работу, покинув поезд. Однако агенты компании сумели нанять штрейкбрехеров. Стачечники решили остаться в районе Камдена, чтобы убедить других кочегаров приостановить работу. В район стачки вызвали полицию под предводительством майора Фердинанда Латроба, который арестовал трёх стачечников за организацию мятежа. Однако в дальнейшем обвинение признали смехотворным, и отложили судебное разбирательство. Вечером к стачке присоединился Мартинбург. В Мартинбурге практически все железнодорожные рабочие были членами местного профсоюза, и общественное мнение было целиком и полностью на стороне стачечников. 16 июля более двадцати мартинбургских кочегаров расцепили вагоны, пригнали их в депо, заявив начальству, что ни один поезд не покинет Мартинбург до тех пор, пока зарплату не повысят. Шатт, мэр Мартинбурга, имеющие тесные контакты с компанией, приказал арестовать стачечников, но ему не дали этого сделать, поскольку общественное мнение было на стороне бастующих рабочих. Затем Шатт попытался восстановить железнодорожное сообщение, наняв штрейкбрехеров, но у него ничего не вышло [7, pp. 33-35]. К утру следующего дня тормозные кондукторы присоединились к стачке, остановив грузоперевозки. Однако пассажирские перевозки не были ими остановлены. В Мартинбурге собственность компании не подверглась порче или уничтожению, и никаких проявлений мятежа не было. Несмотря на отсутствие признаков мятежа, Джон Кинг, вице-президент компании, заявил Генри Мэтьюзу, губернатору Западной Вирджинии, что в Мартинбурге организован погром, которые местные власти не в силах остановить.

Джон Кинг, вице-президент, встретился с Джон Ли Кэрроллом 16 июля, чтобы обсудить сложившееся положение. Губернатор заявил Кингу, что не видит смысла в применении армии. Однако уже 17 июля 38 машинистов присоединились к стачке, а вечером того же дня 800 членов местного профсоюза пильщиков и коробочников забастовали, чтобы поддержать железнодорожников. Увеличение числа стачечников не затронуло пассажирские поезда, и 15 зафрахтованных поездов двигались по линии, образуя 3 конвоя. Мэтьюз выслал роту ополченцев, состоящую преимущественно из железнодорожников-добровольцев, для охраны собственности. Рота под командованием полковника Фолкнера была направлена в Мартинбург по просьбе Кинга. Некий штрейкбрехер в сговоре с ополченцами пытался вывести паровоз с грузом со сортировочной станции. Ему пытался помешать стачечник Уильям Уандергрифф, однако ополченцы выстрелили 3 раза в него, раздробив его левую руку. В тот же день у него отняли руку, а через 9 дней он скончался, оставив беременную жену без средств к существованию. Вскоре штрейкбрехер сбежал, а его место никто не занял. Полковник Фолкнер сообщил губернатору Западной Вирджинии, что он ничего не может поделать со своей ротой. Вскоре ополченцы были уволены из-за отказа подчиняться полковнику [7, p. 35-36].

Из Великой железнодорожной забастовки выросла Всеобщая забастовка в г. Сент-Луис. Данная забастовка была в значительной степени организована «Рыцарями труда» и марксистской Рабочей партией, главной радикальной политической партией той эпохи. На протяжении всего 1885 г. происходила серия протестных акций, переговоров и временных соглашений. «Рыцари труда» и «Юнион Пасифик» Гулда достигли соглашения, которое включало принцип, согласно которому «ни один человек не должен быть уволен без надлежащего уведомления и расследования». Это якобы было нарушено, когда рыцарь по имени Чарльз А.

Холл в Маршалле, штат Техас, был уволен за участие в профсоюзном собрании в рабочее время. Окружное собрание «рыцарей» и его лидер Мартин Айронс объявили забастовку.

Мартин Айронс, который впервые стал членом «Рыцарей труда» в 1884 г., сыграл важную роль в формировании Окружной ассамблеи 101, которая состояла из рабочих, нанятых юго-западными железными дорогами Джея Гулда. В конце концов Айронс стал председателем исполнительного комитета союзной ассамблеи, а позже стал известен как лидер забастовки. Айронс верил и боролся за широкий и всеобъемлющий профсоюз трудящихся, исходя из предположения, что он уравнивает силу агрегированного и инкорпорированного богатства.

На противоположной стороне Окружной ассамблеи «Рыцарей» и Мартина Айронса был Джей Гулд — руководитель железной дороги, финансовый спекулянт и безжалостный монополист. Его описывают как строгого и беспринципного бизнесмена, что сделало его одним из самых богатых людей своего времени. Гулд не испытывал угрызений совести по отношению к рабочим, руководителям и рынку, на котором он работал. Он всегда пытался загнать в угол почти всех, с кем имел дело, чтобы пожинать плоды всего, что связано с железной дорогой. Из-за этого Гулд был непопулярной фигурой при жизни и остается противоречивым. Гулд был выбран как зловещая, помешанная на власти фигура, которая намеренно и методично заманивала лидеров Окружной ассамблеи 101 в конфронтацию, которая позволила бы ему уничтожить рыцарей на его железных дорогах.

В течение недели марта 1886 г. более 200 тыс. рабочих бастовали в Арканзасе, Иллинойсе, Канзасе, Миссури и Техасе. Заголовок в газете «St. Louis Post-Dispatch» гласил: «Движение затруднено: система Гулда во власти рыцарей труда». На момент забастовки Гулду принадлежало около 12% всех железнодорожных путей в США. Однако Братство машинистов локомотивов и машинистов отказалось признать забастовку, и его члены продолжали работать. Тем временем Гулд немедленно нанял штрейкбрехеров для работы на железной дороге, некоторые из них были агентами Пинкертона. До 10 марта 1886 г. не было зарегистрировано ни одного серьезного насилия. Сообщается, что один штрейкбрехер был избит в Форт-Уэрте. Тем не менее, участвовавшие акты саботажа граничили с беззаконием: нападения на движущиеся поезда и выведение из строя их, записки с угрозами и визиты в адрес работающих инженеров, поджоги во дворах и толпа из 600 рыцарей и сочувствующих в Де-Сото, штат Миссури, маршировавших на депо, чтобы осушить котлы локомотивов. Излюбленной тактикой железнодорожников было дать паровозам остыть, заставляя железную дорогу тратить до 6 часов на медленный подогрев локомотивов для использования.

19 марта 1886 г. Великий мастер Теренс В. Паудерли из «Рыцарей труда» встретился в Канзас-Сити, штат Миссури, с другими лидерами «Рыцарей», губернаторами Канзаса и Миссури, а также железнодорожными чиновниками, чтобы попытаться положить конец забастовке. Встреча продолжалась два дня, но стороны так и не смогли прийти к соглашению. Гулд и его руководители железной дороги продолжали сопротивляться выполнению любых требований забастовки. 3 апреля депутат округа Таррант по имени Ричард Таунсенд был застрелен в столкновении между офицерами и толпой из примерно 500 человек в Форт-Уэрте, штат Техас. Двое других депутатов также были ранены. 9 апреля в Ист-Сент-Луисе, штат Иллинойс, где около восьмидесяти стрелочников вышли на забастовку солидарности против железной дороги Луисвилля и Нэшвилла, вспыхнуло насилие, когда толпа забастовщиков встретилась с восемью депутатами, охранявшими товарный поезд. Охранники открыли огонь по угрожающей толпе, убив шестерых прохожих и едва избежав выстрела в мэра Мориса Джойса. Разгневанная толпа ответила тем, что подожгла железнодорожные станции.

После этих инцидентов Гулд обратился за военной помощью к губернаторам пострадавших штатов. Губернатор Миссури мобилизовал ополчение штата; губернатор Техаса

мобилизовал как ополчение штата, так и техасских рейнджеров. Губернатор Канзаса отказался после того, как местные чиновники не сообщили об инцидентах с применением насилия, несмотря на заявления руководителей железных дорог о том, что толпа захватила контроль над поездами и что горят железнодорожные станции.

26 апреля 1886 г. в результате диверсии грузовой поезд сошел с рельсов недалеко от Вайандотта (Канзас), где двое членов экипажа, не участвовавших в забастовке, были погребены под обломками и грязевыми наносами реки Коу. Шестерым «рыцарям» было предъявлено обвинение в преступлении на основании показаний информатора. А 8 апреля в Сент-Луисе забастовщик по имени Джон Гиббонс был смертельно ранен «стрелочником и частным сторожем, не состоящим в профсоюзе». Жёсткие действия полиции штата в отношении забастовщиков по просьбе руководства железных дорог привело к ответным действиям членов профсоюза. По мере того, как насилие распространялось, общественное мнение поворачивалось против рабочих. Нападения с применением физической силы агентов Пинкертона напугали тысячи рабочих, заставив их вернуться на работу. Забастовка была официально прекращена 4 мая 1886 г.

Провал Великой забастовки железнодорожников Юго-Запада стал первым крупным поражением, понесенным «Рыцарями труда». Когда забастовка не получила поддержки со стороны инженеров и других промышленных рабочих, видение рыцарей о промышленном союзе также увяло. Внутренний конфликт вспыхнул между различными фракциями внутри «Рыцарей», парализовав союз. Великая забастовка железнодорожников на Юго-Западе, «Хеймаркетская бойня» и крах сахарных забастовок 1887 г. в Луизиане деморализовали «Рыцарей труда» и активизировали управление. К 1890 г. количество членов «Рыцарей труда» уменьшилось на 90%. Работодатели приняли модель подавления забастовок, которая отличалась крайней жестокостью и привлечением правительственных войск. В то время как крах забастовки железнодорожников отбросил американское рабочее движение назад, предполагаемые организационные проблемы внутри «Рыцарей труда» также стали очевидными. Это привело к тому, что Сэмюэл Гомперс из профсоюза производителей сигар, Питер Макгуайр из профсоюза плотников и другие создали то, что они считали более эффективной рабочей организацией. 8 декабря 1886 г. эти люди и несколько других делегатов встретились в г. Колумбус, штат Огайо, чтобы создать Американскую федерацию труда.

Нередко трудовые конфликты на Юге были связаны с расово-этническими проблемами, с расовым конфликтом. Серьезная проблема возникла в начале 1880-х годов, когда владельцы плантаций начали сокращать заработную плату и вынуждать работников сахарной промышленности соглашаться на бумажные деньги в качестве оплаты из-за спада на международном рынке сахара [4, р. 825]. Эти «картонные билеты» можно было обменять только в фирменных магазинах, которые работали с высокой прибылью. По закону рабочие должны были погасить долги, и они стали, по существу, привязаны к плантации в состоянии, похожем на рабство. Большинство работников тростниковой промышленности были чернокожими, но были и белые. «Рыцари труда» использовали этот выпуск для организации рабочих, и тысячи людей присоединились к этой группе.

В октябре 1877 г. Дункан Ф. Кеннер, миллионер-плантатор, основал «Ассоциацию производителей сахара Луизианы» (LSPA), состоящую из 200 крупнейших плантаторов штата, и стал ее президентом. Влиятельная LSPA лоббировала в федеральном правительстве тарифы на сахар, финансирование поддержки дамб для защиты своих земель и исследования для повышения урожайности. В течение следующего десятилетия эти члены также работали над тем, чтобы получить контроль над своим трудом. Они приняли единую шкалу оплаты труда и удерживали 80 % заработной платы до конца сезона сбора урожая, чтобы удержать рабочих на

плантациях до конца сезона. Они положили конец системе «работы». Крупнейшие плантаторы, которые содержали склады, требовали от рабочих принимать плату в бумажной форме, (в «талонах»), которую можно было обменять только на их складах. Рабочие сопротивлялись, каждый год проводя некоторые акции, оспаривая ту или иную часть программы LSPA. Правительство штата поддерживало могущественных плантаторов, отправляя ополчение штата, когда плантаторы использовали труд заключенных из тюрем для сбора и обработки тростника. [11, p. 190].

Самый известный эпизод насилия сторонников превосходства белой расы, произошел в районе г. Тибодо, штат Луизиана, 23 ноября 1887 г. В 1887 г. «Рыцари труда» организовали крупную трехнедельную забастовку сахарников против плантаций тростника в приходах Лафурш, Терребонн, Сент-Мэри и Успенская. Большинство плантаций простаивало. Забастовка была организована национальной организацией «Рыцари труда», которая за год до этого основала в Шривере Местную ассамблею 8404. В октябре 1887 г. представители профсоюзов предъявили LSPA требования, которые включали повышение заработной платы до 1,25 долл. в день, выплаты раз в две недели и оплату в валюте вместо «картонных билетов», или бумажных билетов, которые можно обменять только в магазинах компании. Поскольку LSPA проигнорировала требования, «Рыцари труда» объявили забастовку на 1 ноября, приуроченную к критическому «периоду уборки» урожая, когда его нужно было собрать и переработать. Остановка работы поставила под угрозу весь урожай сахарного тростника за год. Забастовка 1887 г. стала крупнейшей рабочей акцией в отрасли, в которой приняли участие около 10 тыс. рабочих, десятая часть из которых были белыми. Это был первый случай, когда официальная профсоюзная организация возглавила забастовку в этом регионе [5].

Плантаторы обратились к губернатору Луизианы Сэмюэлю Дугласу МакИнери, который также был плантатором. Мак-Инери, заявив: «Всемогущий Бог сам провел линию знамению», вызвал 10 пехотных рот и артиллерийскую роту ополчения штата, отправив последнюю в Тибодо, приходской центр и «сердце забастовки». По просьбе плантаторов государство направило милицию (ополчение штата) для защиты штрейкбрехеров от нападений забастовщиков из засады. Ополченцы должны были защищать штрейкбрехеров и подавлять забастовщиков. В результате на некоторых плантациях возобновились работы. Чернокожие рабочие и их семьи были выселены с плантаций в приходах Лафурш и Терребонн и отступили в Тибодо. Ополченцы выселяли рабочих из жилья на плантациях. Ополчение подавило забастовку в приходе Святой Марии, в результате чего 5 ноября 1887 г. в негритянской деревне Паттерсонвилль было убито или ранено «до 20 чел.». Милиция защитила около 800 контрактных рабочих, привезенных в приход Терребонн, и помогла захватить и арестовать 50 бастующих, в основном за профсоюзную деятельность. Забастовка там сорвалась, и рабочие вернулись на плантации. [11, p. 191]. Резня последовала за трехнедельной забастовкой во время критического сезона сбора урожая, в ходе которой около 10 тыс. наемных рабочих протестовали против условий жизни и труда, существовавших на плантациях сахарного тростника в 4-х приходах: Лафурш, Терребонн, Сент-Мэри и Успение. Забастовка была крупнейшей в истории отрасли, а также первой забастовкой, проведенной и скоординированной официальной рабочей организацией «Рыцари труда».

Напряженность вылилась в насилие 21 ноября 1887 г., когда неизвестный белый мужчина вошел в бар, принадлежащий афроамериканцам, и убил одного чернокожего рабочего, а другого ранил [21]. Насилие продолжилось 23 ноября 1887 г., когда 5 городских стражников попали в засаду. Двое из них были ранены. Местные военизированные формирования белых ответили нападением на чернокожих рабочих и их семьи. Хотя общее число жертв неизвестно, консенсус заключается в том, что по меньшей мере 35 чернокожих были убиты в течение

следующих 3-х дней (некоторые историки полагают, что было убито 50 афроамериканцев), а общее число убитых, раненых и пропавших без вести, по слухам, исчисляется сотнями [13, р. 826]. Данное обстоятельство делает этот конфликт одним из самых ожесточенных трудовых споров в истории США. Сообщается, что среди жертв были старики, женщины и дети. Все убитые были афроамериканцами [15, р. 85].

Многие чернокожие рабочие в приходе Лафурш прекратили сопротивление после выселения в густонаселенный «черный» жилой район Тибодо, а ополчение штата отступило. Управление ситуацией в городе перешло к местным чиновникам. Газеты сообщили, что 1 ноября 1887 г., в тот же день, когда «Рыцари труда» объявили забастовку, забастовщики, укрывшиеся на тростниковом поле, открыли огонь по белым рабочим на плантации Лакассань в г. Тайгервилле (современный Гибсон) в приходе Терребонн, ранив четырех рабочих. [20, р. 1]. В течение следующих трех недель, предшествовавших резне, бастующие якобы использовали угрозы и выстрелы из засады, чтобы запугать замещающих рабочих. Несколько человек были ранены во время нападений на сахарные заводы, один потерял глаз, а один человек, как сообщается, умер от ран [16, р. 1]. Согласно газетным сообщениям, около 13 ноября примерно в миле ниже Тибодо был обстрелян сахарный котел Теодуле Байе, стоявший на дамбе залива. Сообщается также, что выстрелы велись по белым рабочим на двух плантациях недалеко от Тибодо [18, р. 8].

Газета из Нового Орлеана сообщала, что «в течение 3-х недель негритянские женщины города угрожали тем, что если белые мужчины прибегнут к оружию, они сожгут город и [покончат] с жизнью белых женщин и детей своими тростниковыми ножами» [19, р. 1]. Точно так же, в дни, предшествовавшие кульминационному событию в Тибодо, сообщалось, что «некоторые цветные женщины открыто угрожали народу и обществу, заявляя, что они разрушат любой дом в городе» и что «некоторые из негров хвастались, что в случае драки они полностью готовы к ней». [22, р. 6.] Один историк добавлял, что даже 21 ноября некоторые из них все еще держались уверенно и призывали к беспорядкам. Мэри Пью, вдова Ричарда Пью, владельца плантации «Лайв Оук» в округе Лафурш, рассказывала: «Встречала негритянских мужчин поодиночке или по двое или троих вместе с оружием на плечах, идущих по городу, и негритянских женщин повсеместно, которые говорили: «Пойдем в южных штатах сражаться!» [15, р. 84]. После этого события одна из газет Тибодо повторила утверждение, что до 23 ноября 1887 г. «негры были в движении, и хвастались, что готовы поджечь город» [22, р. 2]. Белый редактор газеты «Lafourche Star» (участвовавший в убийствах) также попытался оправдать суровость реакции комитета линчевателей: «Крикливые «девицы» должны иметь в виду, что, хотя у них и есть язык, они не имеют привилегии использовать такие угрозы, как «сжечь город», «вырезать белых от колыбели до могилы» и т.д. Резня и принятие дискриминационных законов штата белыми демократами, в том числе лишение избирательных прав большинства чернокожих, положили конец организации работников сахарной промышленности на десятилетия, вплоть до 1940-х гг. По словам историка Джона К. Родрига, «побежденные рабочие вернулись на плантации сахарного тростника на условиях своих работодателей». Необходимо обозначить условия труда работников — сбор и переработка сахарного тростника состояли из сложного ряда этапов, которые требовали больших усилий, поскольку рабочие вынуждены были работать до физического истощения. Сахарные плантации назывались «заводами в поле», и их рабочие умирали в больших количествах в эпоху рабства. Условия после Реконструкции лишь немного улучшились.

Таким образом, в 1865-1887 гг. в США происходили многочисленные трудовые конфликты, возникло рабочее движение, сформировались профсоюзы. Данный период стал важной вехой в истории американского рабочего движения. Рабочие стремились улучшить

условия труда, добиться повышения заработной платы и уменьшить рабочее время. Однако борьба рабочих за свои права в южных штатах оказалась осложнена расовыми предрассудками и дискриминацией афроамериканцев на Юге. Нередко стачки перерастали в расовые бунты и кровопролитные столкновения. После Гражданской войны многие бывшие рабовладельцы пытались сохранить контроль над рабочей силой, используя различные методы, включая систему кабальных условий аренды и другие формы экономического угнетения. Период Реконструкции и начала Позолоченного века стал ключевым моментом в формировании рабочего движения в США, которое столкнулось с многочисленными вызовами, включая расовый конфликт и социальные противоречия. Профсоюзы оказались перед сложной задачей и часто нерешаемой задачей: им необходимо было объединить трудящихся разного расово-этнического и социального происхождения для достижения общих целей. Тем не менее, рабочие продолжали борьбу за свои права, несмотря на трудности, и это обстоятельство создало основу для будущих изменений в законодательстве и общественном сознании.

Библиографический список

1. Латыпова Н.С. Система «кабалы» как компромисс Севера и Юга в период Реконструкции (1865-1877) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12-1 (50). С. 124-126.
2. Прилуцкий В.В. Вооруженное политическое насилие на Юге США во время Президентской и Конгрессовской Реконструкции (1865-1870 гг.) // Американистика на Дальнем Востоке: ежегодный бюллетень. Вып. 3 (10) / гл. ред. Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2024. С. 91-99.
3. Allen J.S. Reconstruction: battle for democracy. N.Y.: International publishers Co, 1937. — 256 p.
4. Arnesen E. Encyclopedia of U.S. Labor and Working-class History, Volume 1. N.Y.: Routledge, 2007. — 1561 p.
5. Bell E.B. Thibodaux Massacre // Encyclopedia of Louisiana. URL: <https://web.archive.org/web/20170519020702/http://www.knowlouisiana.org/entry/thibodaux-massacre>
6. Boswell T. Racial Competition and Class Solidarity. Albany, N.Y.: SUNY Press, 2006. — 268 p.
7. Foner Ph. S. The Great Labor Uprising of 1877 Pathfinder Press, 1977. — 383 p.
8. Garland J. Knights of Labor History and Geography. 1869-1899 // Mapping American Social Movements Project. URL: https://depts.washington.edu/moves/knights_labor_map.shtml
9. Grob G.N. The Knights of Labor and the Trade Unions, 1878-1886 // The Journal of Economic History. 1958. №18 (2). P. 176–192.
10. Gulick C.A. Labor Policy of the United States Steel Corporation. N.Y.: Columbia University Press, 1924. — 200 p.
11. Hogue J. K. Uncivil War: Five New Orleans Street Battles and the Rise and Fall of Radical Reconstruction. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 2006. — 227 p.
12. Robinson J.S. The Amalgamated Association of Iron, Steel, and Tin Workers. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1920. — 166 p.
13. Rodrigue J.C. Thibodaux Massacre // Encyclopedia of U.S. Labor and Working-class History. Vol. 1. 2007. URL: https://gropedia.com/page/Thibodaux_massacre.
14. Saville J. The Work of Reconstruction: From Slave to Wage Laborer in South Carolina, 1860-1870. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1994. — 221 p.
15. Scott R.J. Degrees of Freedom: Louisiana and Cuba After Slavery. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 2005. — 379 p.
16. The Daily Picayune. 1887. November 21. P. 1.
17. The Dayton Herald (Ohio). 1887. November 3.
18. The Opelousas Courier. 1887. November 26. P. 8.

19. The New Orleans Daily Picayune. 1887. November 25. P. 1.
20. The New Orleans Times-Democrat. 1887. November 24. P. 1-2.
21. The New York Herald. 1887. November 24. P. 1-2.
22. The Weekly Thibodaux Sentinel. 1887. November 26. P. 2.
23. Witte E. Yellow Dog Contracts // Wisconsin Law Review. 1930. № 6. P. 21.

Сведения об авторах:

Прилуцкий Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), e-mail: bgu.fimo.kafedra29@yandex.ru

Калашников Алексей Валерьевич, аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, e-mail: alekseykalashnikov2000@gmail.com

УДК 94(410)

В. Ю. Назин

ВЫНУЖДЕННАЯ АГРЕССИЯ ИЛИ ИМПЕРСКИЙ РАСЧЁТ: *CASUS BELLI* ВТОРОЙ АНГЛО-БУРСКОЙ ВОЙНЫ (1899-1902)

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу причин Второй англо-бурской войны (1899–1902). В исследованиях, посвящённых этому конфликту, обычно выделяют два противоположных лагеря: одни воспроизводят официальный британский нарратив о бурской агрессии, другие возлагают политическую ответственность на Лондон. Настоящее исследование предлагает иной угол зрения через разграничение формально-юридической (*de jure*) и материально-политической (*de facto*) ответственности за произошедшее. На процедурном уровне инициатива принадлежала Претории: бурский ультиматум и переход границы формально квалифицируют Трансвааль как нападающую сторону. Картина, однако, меняется при обращении к правовому измерению: конституционный строй Трансвааля, восходящий к Грондвету 1858 года, не давал Лондону оснований вмешиваться в вопросы избирательного права; Лондонская конвенция 1884 года договорных оснований для такого вмешательства также не содержала. Наконец, требуя арбитража, Претория апеллировала к Гаагской конвенции 1899 года - документу, подписанному самой Британией, но намеренно ею проигнорированному. Анализ дипломатической переписки и военного развёртывания 1897–1899 годов позволяет квалифицировать политику Лондона как стратегию «правового саботажа». В этом свете бурский ультиматум октября 1899 года представляет собой не акт беспричинной агрессии, а вынужденный шаг гос-ударства, исчерпавшего все правовые инструменты защиты суверенитета.

Ключевые слова: Англо-бурская война, Трансвааль, Британская империя, Южная Африка, международный арбитраж, международное право, *casus belli*, британский империализм, Альфред Милнер, колониальная политика

Nazin V. Yu. Compelled Aggression or Imperial Calculation: The *casus belli* of the Second Anglo-Boer War (1899-1902)

Abstract: This article is devoted to a comprehensive analysis of the causes of the Second Anglo-Boer War (1899–1902). Studies devoted to this conflict usually distinguish between two opposing camps: some reproduce the official British narrative of Boer aggression, while others place political responsibility on London. This study offers a different perspective by distinguishing between formal legal (*de jure*) and material political (*de facto*) responsibility for what happened. At the procedural level, the initiative belonged to Pretoria: Boer ultimatum and the crossing of the border formally qualify the Transvaal as the aggressor. However, the picture changes when we turn to the legal dimension: the constitutional system of the Transvaal, dating back to the Grondwet of 1858, gave London no grounds to interfere in matters of suffrage; nor did the London Convention of 1884 provide any contractual basis for such interference. Finally, in demanding arbitration, Pretoria appealed to the Hague Convention of 1899, a document signed by Britain itself but deliberately ignored by it. An analysis of diplomatic correspondence and military deployments between 1897 and 1899 allows us to characterise London's policy as a strategy of «legal sabotage». In this case, the Boer ultimatum of October 1899 was not an act of unprovoked aggression, but a necessary step by a state that has exhausted all legal instruments for protecting its sovereignty.

Keywords: Anglo-Boer War, Transvaal, British Empire, South Africa, international arbitration, international law, *casus belli*, British imperialism, Alfred Milner, colonial policy

Начало Второй англо-бурской войны, которая велась в период с 1899 по 1902 год, стало одним из крупных военно-политических событий на рубеже XIX и XX веков. 11 октября 1899 года две небольшие южноафриканские аграрные республики, Трансвааль и Оранжевое Свободное государство, бросили открытый вызов Британской империи, крупнейшей державе того времени.

В отечественной и зарубежной историографии до сих пор идут споры о том, кто был виноват в развязывании этого масштабного конфликта. На первый взгляд, ответ кажется очевидным. Официальная британская пропаганда и пресса того времени утверждали, что буры проявили неспровоцированную агрессию, подкрепляя свои заявления неоспоримым фактом: правительство Пауля Крюгера первым выдвинуло ультиматум и отдало приказ о переходе колониальных границ. Ярче всего эту имперскую позицию выразил Артур Конан Дойл.

Апеллируя к слабости британского гарнизона накануне конфликта, писатель заявлял: «Политик, желающий войны, обычно готовится к ней, и это именно то, что мистер Крюгер делал, а британские власти нет» [4, С. 62].

Однако такой линейный подход не позволяет в полной мере раскрыть истинную природу эскалации конфликта. Как показывает анализ международных отношений конца XIX века, простое указание на то, кто подписал документ об объявлении войны, не всегда даёт ответ на вопрос о реальных причинах конфликта. Как отмечают современные исследователи, британский верховный комиссар в Южной Африке сэр Альфред Милнер ещё после победы Пауля Крюгера на выборах 1898 года пришел к окончательному выводу, что внутренние реформы в Трансваале невозможны без жесткого внешнего давления. В своих депешах в Лондон он фактически безальтернативно рассматривал войну как единственный реальный инструмент окончательного решения «бурского вопроса» [14, р. 24].

Парадокс ситуации заключается в том, что две небольшие аграрные республики, которые «и на карте мира-то нелегко было разыскать» [3, С. 108], открыто бросили вызов крупнейшей империи в мире, находившейся в зените своего могущества. Если следовать логике официального британского нарратива, этот беспрецедентный шаг выглядит как проявление иррациональной воинственности или дипломатического самоубийства. В этом смысле трактовка бурского ультиматума исключительно как акта «неспровоцированной агрессии» создает логический тупик, игнорируя те структурные условия, которые заставили Преторию пойти на столь радикальный шаг.

При этом в историографии конфликта сложились два магистральных направления. Апологетическая традиция воспроизводила официальный нарратив о бурской агрессии, в частности, в журналистике Джулиана Ральфа, специального корреспондента Daily Mail, чьи репортажи отражали официальную имперскую позицию издания [15]. С другой стороны, ревизионистское направление, представленное прежде всего работами Кивиета [12] и Джадда [11], апеллировало к политической вине Лондона. В дальнейшем комплексные историографические обзоры фиксировали устойчивость этого ревизионистского сдвига [9]. Тем не менее системный правовой анализ *casus belli*, комплексное соотношение конституционной базы Грондвета 1858 года, конвенционных норм 1884 года и Гаагского прецедента 1899 года остаётся в литературе недостаточно разработанным.

Цель данного исследования - провести комплексный анализ проблемы возникновения *casus belli* накануне Англо-бурской войны. Для этого мы чётко разделим два уровня исторической ответственности: формально-юридический (*de jure*) и материально-политический (*de facto*). Такой подход позволит ответить на ключевой вопрос: был ли бурский ультиматум актом слепой агрессии или же это была вынужденная мера самообороны, предпринятая в условиях, когда имперская политика Лондона уже заблокировала все дипломатические пути и сделала войну неизбежной.

Чтобы определить, кто юридически инициировал конфликт, обратимся непосредственно к событиям осени 1899 года. 9 октября правительство Трансваала направило в Лондон официальную депешу. Ультиматум содержал три ключевых требования: урегулирование всех спорных вопросов, включая положение «уйтлендеров», «путём дружественного арбитража» (*by the friendly course of arbitration*), немедленный отвод британских войск от границ республики, а также прекращение переброски новых контингентов в регион [19, р. 57–61]. На исполнение требований британскому кабинету отводилось время лишь до 17:00 среды, 11 октября. В документе прямо заявлялось, что в случае отсутствия удовлетворительного ответа, правительство Трансваала «будет с огромным сожалением вынуждено рассматривать действия правительства Её Величества как формальное объявление войны» (*as a formal declaration of war*).

Реакция Британской империи была молниеносной и категоричной. Уже 10 октября министр колоний Джозеф Чемберлен от имени правительства передал через сэра Альфреда Милнера ответ, в котором с сожалением указал, что ультимативные условия, выдвинутые Преторией, таковы, что «правительство Её Величества считает невозможным даже обсуждать их» (deem it impossible to discuss) [19, p. 61]. Фактически этот отрицательный ответ был равносителен объявлению войны. Сразу после истечения установленного срока, объединенные вооруженные силы Трансвааля и их союзника, Оранжевого Свободного государства (официально заявившего о поддержке Трансвааля 27 сентября) перешли границы британских владений [19, p. 61]. Бурские командос первыми открыли боевые действия, приступив к осаде стратегически важных британских городов: Мафекинга, Ледисмита и Кимберли.

С формально-юридической точки зрения конца XIX века оценка действий сторон была двоякой. Поскольку буры первыми предъявили ультиматум и первыми начали переход границы, формально они считались нападающей стороной. Британская пропаганда активно использовала этот факт, чтобы представить войну как ответ на неспровоцированную агрессию республик против владений короны. Характерно, что на открытии сессии Парламента 17 октября 1899 года бурский шаг был охарактеризован как акт, в котором «трудно отличить дерзость от безумия», а британское стремление к миру может пойти слишком далеко ведь: «если на него давить сверх меры, само слово „мир“ становится синонимом слабости» [22, p. 6]. Тем не менее, начало Англо-бурской войны стало серьезным вызовом для только что сформировавшихся норм международного права. Всего за 2,5 месяца до начала конфликта, 29 июля 1899 года, завершилась первая Гаагская мирная конференция, созванная по инициативе русского императора Николая II. Её итогом стала «Конвенция о мирном решении международных столкновений». Великобритания выступала одной из стран-подписантов.

В этом контексте требование П. Крюгера передать спор на рассмотрение независимого третейского суда было не дерзостью, а точным следованием букве и духу нового международного права. Статья 16 Гаагской конвенции прямо гласила, что арбитраж признается «наиболее эффективным и в то же время наиболее справедливым средством урегулирования споров, которые не удалось разрешить дипломатическим путем» [8, p. 364].

Парадокс ситуации заключался в том, что механизмы Конвенции носили факультативный (добровольный), а не строго обязательный характер. Следовательно, категоричный отказ Лондона от арбитража де-юре не являлся нарушением «твердого» права, так как Британская империя воспользовалась дипломатической лазейкой. Тем не менее, де-факто британский кабинет фактически проигнорировал недавно провозглашенные принципы мирного урегулирования, тогда как Трансвааль апеллировал к букве и духу нового международного права. Более того, британские дипломаты (в частности, Альфред Милнер) утверждали, что арбитраж возможен только между полностью суверенными государствами, а Трансвааль находится под британским сюзеренитетом и является «вассалом», во внутренние дела которого Британия имеет право вмешиваться. Исходя из этой позиции она также пригрозила бойкотировать конференцию, если на нее будут приглашены представители буров [13, p. 57]. В результате ни Трансвааль, ни Оранжевое Свободное государство не получили приглашения. Позже Лондон утверждал, что, поскольку буры официально не подписывали Гаагскую конвенцию, ее правила (включая посредничество и третейский суд) не применимы к текущему конфликту [13, p. 205]. Эта правовая коллизия и расхождение между декларируемыми принципами и реальной политикой Лондона вызвали резкую реакцию современников. В России действия Лондона характеризовались мыслящей общественностью как тревожное проявление надвигающегося «культа броненосного кулака» [1, С. 213], так народоволец Д.А. Клеменц обозначил общую тенденцию империалистической политики великих держав. Однако, несмотря на призывы

использовать гаагские механизмы для посредничества, правительства руководствовались принципами реальной политики и не желали открытой конфронтации с Британской империей, позволив мирным декларациям остаться на бумаге.

Если формальный критерий указывает на инициативу Претории, то анализ глубинных причин конфликта заставляет сместить фокус на долгосрочную стратегию Лондона. Однако для ответа на вопрос о том, кто подготовил сам конфликт, необходимо обратиться к структурным экономическим и геополитическим факторам, которые определили саму логику эскалации.

К концу XIX века бурские республики из бедной аграрной периферии превратились в ключевой узел мирового капитала. Открытие месторождений алмазов в Кимберли и золота на Витватерсранде сделало регион стратегически важным призом. Сам же Трансвааль превратился из бедной пасторальной окраины в экономический центр Южной Африки. К 1899 году доходы республики выросли с 200 000 до 4 000 000 фунтов [23, р. 109]. Это позволило правительству Пауля Крюгера начать масштабное перевооружение, закупая в Европе современную артиллерию и винтовки. Таким образом, вопрос золота вышел для Лондона вопросом имперской безопасности.

Одним из главных экономических раздражителей стала так называемая «динамитная монополия» в виде исключительного права на поставку взрывчатки, дарованное правительством Крюгера частной компании. Компания не производила динамит на месте, а ввозила готовую взрывчатку беспошлинно, перепродавая её шахтам по завышенным ценам. Это искусственно удорожало добычу золота, заставляя британских промышленников терять около 600 000 фунтов ежегодно [7, р. 37]. При этом для Крюгера эта монополия не была лишь вопросом коррупции. Он утверждал, что доходы от неё позволяют содержать армию, не облагая налогами самих буров-фермеров и даже заявлял в Фольксраде, что готов уйти в отставку, если монополия будет отменена [23, р. 124]. Подобный взрывной рост доходов (в 20 раз за тринадцать лет) превратил Трансвааль в самостоятельного игрока, способного диктовать свои условия в Южной Африке. Однако британская сторона использовала эту статистику как инструмент политического давления. И здесь на первый план вышел вопрос об уитлендерах. В имперской прессе и официальных отчетах подчеркивалось, что «девятнадцать двадцатых» (95%) государственных доходов формируются за счет капитала и налогов «уитлендеров» [23, р. 110]. Достоверность этой цифры, циркулировавшей прежде всего в проимперских источниках, остаётся дискуссионной, однако сам факт её активного использования красноречиво свидетельствует о характере британской пропагандистской риторики.

Так в Лондоне сложился устойчивый нарратив о несправедливом распределении. Британские подданные создают богатство страны, в то время как «узкая олигархия» бурских землевладельцев распоряжается этим капиталом, отказывая налогоплательщикам в политических правах. Экономический успех Трансвааля стал для Британии не только поводом для зависти, но и своего рода поводом для разжигания конфликта. Империя не могла допустить, чтобы контроль над золотом, обеспечивающим стабильность мировых финансов, находился в руках враждебного и богатеющего соседа.

Описанное экономическое противостояние получило своё первое практическое воплощение ещё до начала дипломатической эскалации 1897–1899 годов. Рейд Джеймсона стал первым прямым нарушением территориальной целостности республики и существенно подорвал основы взаимного доверия. В конце 1895 года вооруженный отряд под командованием доктора Линдера Старра Джеймсона вторгся на территорию Трансвааля с целью спровоцировать восстание «уитлендеров» в Йоханнесбурге. Эта авантюра, за которой стоял премьер-министр Капской колонии Сесил Родс, закончилась полным провалом и арестом заговорщиков

[6, С. 135]. Как показывает анализ ранней историографии конфликта, после этого инцидента отношения между британцами и бурами резко обострились [5, С. 33]. Именно Рейд Джеймсона стал катализатором гонки вооружений: буры начали активно закупать оружие в Европе, осознав, что конвенция больше не гарантирует их безопасность.

Парадокс ситуации с «уйтлендерами» заключался в смещении правовых акцентов британской дипломатией. С точки зрения государственного суверенитета, требования Лондона выглядели неправомерно: любое независимое государство имеет исключительное право устанавливать правила натурализации. Иностранцы, прибывшие в страну на заработки, не могли по праву претендовать на участие в управлении государством. Однако Британия использовала лозунг «нет налогам без представительства» как инструмент вмешательства. Претория, помня об аннексии 1877 года, справедливо видела в требовании быстрой натурализации «Троянского коня»: массовое предоставление голосов британцам означало бы политическую ликвидацию республики изнутри [10, р. 178].

При этом правовая позиция Претории опиралась на четкий конституционный фундамент. Согласно Грондвету 1858 года, Основному закону Южной Африканской Республики, разграничение гражданских гарантий и политических прав носило системный характер. Статья 6 Конституции гарантировала всем лицам на территории республики равную защиту личности и собственности, вне зависимости от их гражданства [20, р. 5], однако доступ к управлению государством был регламентирован: статьи 12, 22, 31 и 32 закрепляли избирательное право исключительно за бюргерами, прошедшими установленный ценз оседлости и принадлежащими к протестантским общинам [20, р. 6-8].

В этой связи британские требования 1899 года о форсированной натурализации «уйтлендеров» могут быть интерпретированы не как защита поправленных прав мигрантов, а как попытка ревизии конституционного строя суверенного государства.

Конечно, это вызывало недовольство Трансвааля ещё до начала конфликта. Если первоначальный текст Конституции 1858 года устанавливал лишь трехлетний ценз для участия в управлении государством, то после начала «золотой лихорадки» законодательство начало стремительно ужесточаться. Ключевым моментом стал закон 1894 года, увеличивший срок натурализации до 14 лет. Британская дипломатия использовала этот факт как доказательство тирании, требуя возврата к либеральным нормам 1882 года (пятилетний ценз). В соответствии с официальной британской позицией, Конан Дойл прямо называл новую поправку года главным катализатором конфликта: «никогда не возникли бы ни уйтлендерский вопрос, ни Большая бурская война» [4, С. 39]. Характерно, что даже после того, как летом 1899 года буры сократили ценз до семи лет, Лондон продолжал стоять на своём.

Милнер, в свою очередь, обосновывал интервенцию через образ рабочих в республике «угнетённых гелотов», чьё бесправие подрывает престиж Империи. Он также осознавал парадоксальную цель своих требований: «единственный эффективный способ защитить наших подданных - помочь им перестать быть нашими подданными» [21, р. 352] (путем их натурализации в Трансваале). Таким образом, вопрос избирательных прав был сознательно выбран Милнером как политическое оружие. Однако, Грондвет такой логике не оставлял места. Согласно конституции, Фольксраад имел прямую компетенцию устанавливать условия натурализации, и ни одна из статей 6, 12, 22, 31, 32 этого не запрещала. Как отмечает исследователь Р. Шютце, в тот период господствующая правовая парадигма, особенно в рамках немецкого идеализма и Исторической школы права, признавала абсолютный приоритет государственного суверенитета во внутренних делах [18, р. 110-112]. Хотя современные точки зрения могут критиковать такую политику исключения как дискриминационную или противоречащую

добросовестным ожиданиям между государствами, в то время эти стандарты ещё не были кодифицированы или общеприняты.

Все вышеперечисленные аргументы Претории, основанные на международном праве и нормах Грондвета, имели бы решающее значение в споре между двумя полностью суверенными государствами. Однако у британской дипломатии был свой «козырь», который позволял Лондону игнорировать любые ссылки буров на их внутреннее законодательство. Этим инструментом стала интерпретация Лондонской конвенции 1884 года.

После Первой Англо-бурской войны в 1881 году была подписана Преторийская конвенция, в которой прямо указывалось, что Трансваалю даруется самоуправление «под сюзеренитетом Ее Величества» [17, р. 489]. Однако уже в 1884 году, по настоянию буров, была подписана новая, Лондонская конвенция. В ее тексте слово «сюзеренитет» отсутствовало, а контроль Лондона ограничивался лишь Статьей IV, требовавшей одобрения международных договоров республики британской короной [17, р. 499]. Претория справедливо считала, что отсутствие термина означает признание ее полного суверенитета.

Тем не менее, когда правительство Трансвааля предложило передать накопившиеся споры на независимый арбитраж, Лондон прибегнул к расширительному толкованию, которое современные исследователи квалифицируют как юридически уязвимое. В официальной депеше от октября 1897 года британский кабинет заявил, что Конвенция 1884 года заменила лишь «статьи» документа 1881 года, но «сохранила в силе его преамбулу». На этом основании Британия утверждала, что сохраняет статус сюзерена, а потому «было бы несовместимо с этим положением передавать на арбитраж толкование условий, на которых она предоставила республике самоуправление» [16, р. 35]. Этот ответ вызвал резкую реакцию Претории. В ответной депеше от 16 апреля 1898 года правительство Южно-Африканской Республики документально доказало несостоятельность британских претензий. Буры указали на исторический факт, когда в 1884 году лорд Дерби лично предоставил проект Конвенции, в котором преамбула 1881 года была физически вычеркнута [16, р. 36]. Самое примечательное, что правота бурской дипломатии полностью подтверждается современными архивными изысканиями. Как указывает историк Д. Шрёдер, в архивах британского Министерства колоний до сих пор хранится тот самый экземпляр Конвенции, на котором лорд Дерби собственноручно, густыми черными чернилами, вычеркнул всю преамбулу целиком [17, р. 433].

Таким образом, правовые основания британского отказа от арбитража представляются, по меньшей мере, дискуссионными. Дипломатическая переписка демонстрирует, что Британия категорически не желала признавать Трансвааль равноправной стороной и намеренно блокировала любые легальные пути урегулирования кризиса.

Не менее цинично Лондонская конвенция использовалась и в вопросе об уитлендерах. Статья XIV этого документа четко регламентировала статус иностранцев, гарантируя им право на въезд, владение имуществом, ведение торговли и равенство в налогообложении [17, р. 501]. Текст конвенции не содержал ни единого упоминания о предоставлении мигрантам политических или избирательных прав. Таким образом, ультимативные требования А. Милнера в 1899 году о немедленном предоставлении уитлендерам представительства не имели под собой никаких договорных оснований. В этом смысле, если конституционный аргумент апеллировал к внутреннему праву, то конвенционный, к международному.

Провал Блумфонтейнской конференции стал финальным аккордом в дипломатической игре Британии. Сэр Альфред Милнер, британский верховный комиссар в Южной Африке, прибыл на переговоры не для поиска компромисса, а с целью ультиматума. Как было показано выше, он требовал немедленного предоставления избирательных прав (пятилетний ценз) всем «уитлендерам», прекрасно понимая, что это приведет к быстрой политической

асси- милиции республики. Это косвенно подтверждается словами Чемберлена от 19 октября: «Как я уже показал, мы так же стремились к миру, как и любой другой член парламента или житель страны, но мы считали, что есть вещи, которые даже важнее самого мира, и для их достижения иногда необходимо быть готовым к войне» [22, р. 299]. Когда П. Крюгер предложил компромиссные варианты, Милнер демонстративно прервал переговоры. Более того, он категорически отверг идею международного арбитража, о котором просил Крюгер. Интересно, что французский историк Э. Галеви, анализируя британскую дипломатию того периода, отмечает поразительное противоречие. В то самое время, когда на Гаагской конференции британский представитель публично ратовал за установление регулярной процедуры международного арбитража, в Южной Африке сэр Альфред Милнер категорически уклонялся от подобного решения споров. Британская сторона заявляла, что арбитраж невозможен даже между дружественными государствами, если речь идет об обращении с подданными [2, С. 67].

Более того, когда в августе 1899 года президент П. Крюгер пошел на серьезную уступку и согласился на формирование третьей комиссии без участия «иностранцев» (допуская лишь англичан, буров и граждан Оранжевой республики), Лондон ответил эскалацией. Как дополнительно подчеркивает Э. Галеви, вместо поиска компромисса министр колоний Дж. Чемберлен в своей публичной речи обвинил бурского лидера в том, что тот «проводит реформы через час по чайной ложке», и открыто поставил вопрос: «К чему мы придем, к миру или войне?» [2, С. 67]. Этот факт ещё раз подтверждает, что арбитраж был заблокирован не из-за юридических препятствий, а из-за политической воли британского кабинета.

Кульминацией дипломатического противостояния стали события августа 1899 года. Осознавая нарастающую угрозу, Трансваальское правительство (при участии государственного прокурора Яна Смутса) пошло на беспрецедентные уступки. 19 августа Претория направила британскому агенту официальную ноту, в которой согласилась на главное требование Лондона, введение 5-летнего ретроспективного избирательного ценза для уитлендеров. Кроме того, буры обязались увеличить квоту представителей Витватерсранда в Фольксраде до 10 мест из 36, предоставив иностранцам реальные политические рычаги [19, р. 54].

В обмен на фактическое признание своего поражения в вопросе представительства, правительство Крюгера выдвинуло условия, которые касались исключительно суверенитета: 1) отказ от дальнейшего вмешательства во внутренние дела республики; 2) отказ от британских притязаний на «сюзеренитет»; 3) согласиться на международный арбитраж в случае возникновения будущих споров [19, р. 55-56].

Ответ Великобритании был однозначным. Министр колоний Чемберлен сообщил, что правительство Ее Величества не может оценить предложенные условия, и категорически отказался даже обсуждать их [19, р. 56]. Этот отказ фактически закрыл возможность для дальнейших переговоров.

Одновременно с дипломатическим давлением, Великобритания начала постепенно наращивать свой военный контингент в Южной Африке. Артур Конан Дойл, пытаясь оправдать имперскую политику, писал, что на 15 августа 1899 года британские силы были «абсолютно незначительны» и насчитывали всего около 6000 солдат, в то время как бурские стрелки составляли 40–50 тысяч [4, С. 62]. Однако, проанализировав источники, можно прийти к выводу, что этот аргумент является уязвимым, поскольку он фиксирует только один выгодный, но статичный момент времени, не учитывая динамику наращивания британского контингента.

В действительности процесс наращивания имперской мощи был непрерывным. Уже в июне 1899 года, сразу после провала конференции в Блумфонтейне, британский главнокомандующий в Южной Африке запросил экстренные подкрепления. К концу августа в Наталь

были переброшены 10 000 солдат, переброшенных из Индии, что увеличило британский контингент до 22 000–27 000 человек. В это же время с этим в самой Англии началась беспрецедентная мобилизация целого армейского корпуса численностью 47 000 человек, готового к немедленной отправке на Африканский континент [7, р. 50].

Есть основания полагать, что трансваальское руководство осознавало, что дипломатия Лондона - лишь ширма для завершения развертывания армии. Понимая, что время работает против них и британская «военная машина» вскоре будет полностью готова, буры решили использовать своё единственное преимущество, мобильность и знание местности. В этом смысле ультиматум от 9 октября 1899 года был последней отчаянной попыткой заставить Британию вернуться к переговорам на равных условиях. Отрицательный ответ Лондона стал формальным сигналом к началу боевых действий.

Подводя итог, можно отметить, что вопрос о *casus belli* во Второй англо-бурской войне не допускает однозначного ответа в рамках традиционной историографической дискуссии о «виновнике» конфликта. Применение двухуровневой методологии - разграничения формально-юридического (*de jure*) и материально-политического (*de facto*) измерений позволяет зафиксировать фундаментальный парадокс: процедурная агрессия и правовая правота в данном конфликте принадлежат одной и той же стороне.

На процедурном уровне инициатива, безусловно, принадлежала Претории. Бурский ультиматум и последовавший переход границы формально квалифицировали республику как нападающую сторону, что было эффективно использовано имперской пропагандой. Однако на нормативном уровне правовые позиции сторон выглядят принципиально иначе. Конституционная преемственность Трансвааля, восходящая к Грондвету 1858 года, подтверждает, что разграничение гражданских и политических прав являлось системным элементом государственного устройства, а не ситуативным инструментом давления. Лондонская конвенция 1884 года не содержала договорных оснований для вмешательства Британии в вопросы избирательного права. Более того, настаивая на международном арбитраже, Претория апеллировала к духу и букве Гаагской конвенции 1899 года - документа, подписанного самой Британской империей, но намеренно проигнорированного ею в южноафриканском контексте.

Анализ дипломатической переписки и динамики военного развертывания 1897-1899 годов демонстрирует стратегию «правового саботажа» со стороны Лондона. Британский кабинет последовательно блокировал все легальные пути урегулирования, прибегая либо к расширительному толкованию конвенционных норм, либо к их фактическому игнорированию. Параллельное наращивание военного контингента, темп которого прямо коррелировал с провалом переговоров, подтверждает, что дипломатия Лондона выполняла функцию оперативного прикрытия для подготовки вторжения.

В этом ключе бурский ультиматум октября 1899 года можно интерпретировать не как акт беспричинной агрессии, а как вынужденный шаг стороны, исчерпавшей все правовые инструменты защиты суверенитета. Традиционная постановка вопроса «кто начал первым», в данном случае оказывается методологически недостаточной для понимания природы этого столкновения. Ключом к раскрытию подлинного характера начала войны является признание того факта, что процедурная агрессия Трансвааля стала последней формой защиты его правовой правоты в условиях тотального имперского давления.

Библиографический список

1. Англо-бурская война 1899–1902 годов: опыт и перспективы исследования / отв. ред. Б. М. Горелик, В. В. Грибанова, А. А. Токарев. - М.: ИАФР РАН, 2023.
2. Галеви Э. История Англии в эпоху империализма / пер. с фр. под ред. и с предисл. Б. Вебера. - М.: Соцэкгиз, 1937.
3. Давидсон А. Б., Филатова И. И. Россия и Южная Африка: три века связей. - М.: ГУ- ВШЭ, 2010.
4. Конан Дойл А. Англо-бурская война: 1899–1902. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018.
5. Назин В. Ю. Голос империи: первая британская интерпретация второй англо-бурской войны // История. Общество. Политика. - 2024. - № 2(30).
6. Новичков А. В., Резников А. А. Пропаганда как инструмент воздействия на общественное мнение Великобритании в годы второй англо-бурской войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - 2017. - № 8(82).
7. Barbary J. The Boer War. - London: Puffin Books, 1975.
8. Convention for the Pacific Settlement of International Disputes // The Advocate of Peace (1894-1920). - 1919. - Vol. 81. - No. 12.
9. Hartesveldt F. R. The Boer War Historiography and Annotated Bibliography. - Westport: Greenwood Press, 2000.
10. Hattersley A. F. South Africa, 1652–1933. - London: T. Butterworth Limited, 1933.
11. Judd D. The Boer War. - London: William Clowes & Sons, 1977.
12. Kiewiet C. W. The Imperial Factor in South Africa. - London: Cambridge University Press, 1937.
13. Kuitenbrouwer V. War of Words: Dutch Pro-Boer Propaganda and the South African War (1899–1902). - Amsterdam: Amsterdam University Press, 2012.
14. Lesniewski M. A Few Thoughts on the Genesis of the Anglo-Boer War, 1899–1902 // Southern Journal for Contemporary History. - 2019. - Vol. 25. - No. 2.
15. Ralph J. Towards Pretoria. - New York: Frederick A. Stokes Company, 1900.
16. Reitz F. W. A Century of Wrong. - London: Review of Reviews Office, 1900.
17. Schreuder D. Gladstone and Kruger: Liberal Government & Colonial 'Home Rule' 1880-85. - London: Routledge, 2018.
18. Schütze R. Idealism after Kant: Nineteenth-Century Foundations of International Law // Journal of the History of International Law. - 2023. - Vol. 25. - No. 1.
19. Selected Official Documents of the South African Republic and Great Britain / ed. by H. Williams, F. C. Hicks // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. - 1900. - Vol. 16. - Suppl. 14.
20. The Constitution («Grondwet») of the South African Republic / transl. by F. H. Papenfus. - 3rd ed. - London: H. MacLeay, 1899.
21. The Milner Papers: South Africa 1897–1899 / ed. by C. Headlam. - Vol. I. - London: Cassell & Co., 1931.
22. The Parliamentary Debates (Authorised Edition). Fourth Series. Vol. LXXVII. - London: Wyman and Sons, Ltd., 1899.
23. The Times History of the War in South Africa 1899-1900 / ed. by L. S. Amery. - Vol. I. - London: Sampson Low, Marston and Company, 1900.

Сведения об авторе:

Назин Валерий Юрьевич, аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского (БГУ). E-mail: Jordan9000@list.ru

УДК 94(410)

В. Ю. Назин

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ АРТЕФАКТЫ И ВИЗУАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА АНГЛО-БУРСКОЙ ВОЙНЫ (1899-1902) КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: ВОЗМОЖНОСТИ И ИНТЕР- ПРЕТАЦИИ

Аннотация: Статья посвящена анализу информационного потенциала вещественных и визуальных артефактов периода Англо-бурской войны (1899–1902) как специфического исторического источника. Цель исследования заключается в выявлении уникальных возможностей интерпретации материальных объектов для реконструкции социокультурного измерения военного конфликта, которое зачастую остается вне рамок традиционных письменных документов. Научная новизна работы заключается в том, что материальные предметы были рассмотрены не просто как иллюстрации к историческим событиям, а как активные участники формирования реальности. Они способствовали формированию модели «патриотического потребления» и «одомашниванию» военного нарратива в частной жизни европейцев. В ходе исследования было установлено, что массовая коммерческая продукция, такая как сувениры и реклама, была нацелена на героизацию конфликта и формирование «патриотического потребления». В то же время карикатуры и визуальные свидетельства очевидцев, такие как медицинские зарисовки, подчёркивали трагизм и противоречивость восприятия войны. Было доказано, что вещественные источники служат уникальным связующим звеном между большой геополитической историей и личным опытом человека, восполняя пробелы, оставленные традиционными письменными документами.

Ключевые слова: англо-бурская война, вещественные источники, материальная культура, источниковедение, визуальные источники, история повседневности, пропаганда, частная жизнь, коммерческая реклама

Nazin V. Yu. Physical Artifacts and Visual Evidence of the Anglo-Boer War (1899-1902) as a Historical Source: Potentials and Interpretations

Abstract: This article analyzes the information potential of physical and visual artifacts from the period of the Anglo-Boer War (1899–1902) as a distinct type of historical source. The aim of the research is to identify unique opportunities for interpreting material objects to reconstruct the socio-cultural dimension of military conflict, which often remains beyond the scope of traditional written records. The scientific novelty lies in the fact that material objects are considered not merely as illustrations of historical events, but as active agents in the construction of reality. They contributed to the formation of a "patriotic consumption" model and the "domestication" of the military narrative within the private lives of Europeans. The study finds that mass commercial products, such as souvenirs and advertisements, were designed to glorify the conflict and foster "patriotic consumption." Conversely, caricatures and visual eyewitness accounts, including medical sketches, highlighted the tragedy and the contradictory nature of how the war was perceived. It is demonstrated that physical sources serve as a unique link between grand geopolitical history and personal human experience, filling the gaps left by traditional written documents.

Keywords: Anglo-Boer War, material sources, material culture, source studies, visual sources, history of everyday life, propaganda, private life, commercial advertising.

Англо-бурская война 1899-1902 гг. которая велась между Британской империей и бурскими республиками Трансваалем и Оранжевым Свободным государством на юге Африканского континента остается предметом активных исторических дискуссий. Несмотря на то, что события войны подробно описаны в обширном количестве отечественных работ, традиционный подход часто ограничивается анализом военно-политических и дипломатических документов. В частности, изучаются механизмы формирования общественного мнения через британскую прессу [5] и влияние периодики на конструирование

негативного стереотипа противника [6]. Важным направлением мысли стала история военной повседневности, в том числе глазами русских добровольцев [2]. Однако, несмотря на признание того факта, что конфликт позволил «по-новому взглянуть на сам феномен войны, которая обрела свой неповторимый зрительный образ» [4, с. 48] вещественные источники как инструменты пропаганды остаются малоизученными.

Цель данного исследования – раскрыть социальное измерение конфликта через призму вещественных источников, выступивших инструментами конструирования образа войны в массовом сознании рубежа веков. Для достижения этой цели решается комплекс исследовательских задач: от оценки потенциала артефактов из частных и музейных собраний до реконструкции «гибридного» фронтового быта и анализа механизмов визуальной пропаганды в игровой и рекламной продукции.

Множество вещественных свидетельств англо-бурской войны рассредоточено по частным и музейным собраниям. Масштабное исследование южноафриканских фондов, проведенное Й. С. Преториусом, выявило огромные коллекции неопубликованных дневников и фотографий, особенно ценных в контексте жизни в лагерях для военнопленных [22].

Сегодня поиск источников значительно упростился благодаря цифровым архивам и международным антикварным платформам, которые предлагают широкий выбор печатных материалов и элементов атрибутики из частных коллекций. Однако работа с предметами из частных коллекций или открытых онлайн-площадок требует от исследователя тщательной внешней критики источника. Верификация подлинности артефактов в виртуальной среде осуществляется методом перекрестного анализа: сопоставления частных находок с образцами из каталогизированных музейных фондов. Как отмечает Э. Фэй, продавцы часто используют расплывчатые формулировки, не предоставляя достоверной информации о происхождении предметов [13, р. 455–456]. С другой стороны, современный уровень цифровой визуализации позволяет проводить дистанционную проверку артефактов на основе анализа маркеров подлинности: специфических техник печати (хромолитография), клейм производителей, почтовых штемпелей с датировкой и характерных признаков старения материалов.

Таким образом, материалом для данного исследования послужили не только физические предметы из музейных собраний (Сидней, Лондон), но и верифицированные цифровые копии артефактов, прошедшие процедуру идентификации.

Научная новизна работы заключается в том, что вещественные артефакты впервые анализируются не как пассивные иллюстрации, а как активные агенты конструирования реальности, обеспечившие «одомашнивание» и геймификацию военного нарратива в частном пространстве современников. Практическая значимость исследования состоит в возможности интеграции его результатов в лекционные курсы по Новой истории, теории визуальных коммуникаций и истории журналистики.

Анализ репрезентации конфликта в материальной культуре целесообразно начать с методов исторической археологии. В современной науке археологические исследования полей сражений и военных лагерей рассматриваются не как вспомогательный инструмент, а как способ верификации письменных источников, которые часто сознательно или бессознательно искажают условия фронтовой повседневности.

К примеру, работы южноафриканского археолога А. ван Волленховена (на материале раскопок британских аванпостов в регионе Сабипурт, ЮАР) демонстрируют информационный потенциал остатков быта [26]. Если официальные отчеты Британии рисовали образ дисциплинированной и обеспеченной армии, то археологический контекст выявляет сложную «гибридную» реальность. В одном культурном слое соседствуют фрагменты предметов роскоши (карманные часы, импортный алкоголь) и пустые консервные банки армейских пайков,

а рядом - традиционная керамика коренного населения (басуто, зулусов), привлеченного к обслуживанию лагерей. Такая «археология повседневности» доказывает, что война на периферии велась не только оружием, но и за счет тотального присвоения гражданских ресурсов и эксплуатации местного населения. Этот методологический подход - «чтение» истории через физический след предмета - крайне важен для дальнейшего анализа. Если археологические находки позволяют реконструировать стихийную реальность фронта, то предметы, созданные и сохраненные намеренно (тиражная графика, сувениры), отражают процесс целенаправленного конструирования образа войны в массовом сознании. В этом смысле, важнейшим инструментом визуальной пропаганды на рубеже веков стали почтовые открытки, выступавшие полем идеологического противостояния.

В этом контексте важнейшим инструментом визуальной пропаганды на рубеже веков стали почтовые открытки, выступавшие не просто средством коммуникации, а полем острого идеологического противостояния [27, р. 441–442]. К примеру, в 1900 году на территории Франции выходила целая серия открыток под названием «La paix Anglo-Boer» («Англо-бурский мир» или «Англо-бурский договор») которые иронизировали над результатами англичан в этом конфликте. Изображая буров полными достоинства, а британских солдат - израненными и жалкими, эти открытки визуально утверждали идею о том, что война является несправедливой против равного народа. Данный тезис согласуется с оценкой российского посла в Великобритании Е. Е. Стаала, который определял конфликт как «борьбу двух белых рас за преобладание в Южной Африке» [1, с. 4]

Обратимся к открытке №1 [9] (Рис. 1.1). На ней двое мужчин, английский и бурский солдат,жимают друг другу руки. Английский солдат перебинтован и опирается на трость, что говорит о том, что битва далась ему нелегко. В левой руке он держит мешок с надписью "Bonne Galette" (Хорошая добыча). С другой стороны, заметно веселый и здоровый бурский солдат одет в традиционную одежду и вооружён винтовкой. В правом нижнем углу открытки есть надпись: «Enfin! La paix est faite. Les Anglais sont victorieux des Boers qui les ont battus. All right!» (Наконец-то! Мир заключён. Англичане победили буров, которые их побили. Отлично!). Другая открытка № 2 [10] (Рис. 1.2) изображает две группы солдат: английские и бурские. Английские солдаты, одетые в красную форму, выглядят потрепанными и израненными. У некоторых из них перебинтованы головы, руки или ноги, они опираются на трости. Один из солдат с перебинтованной головой держит в руке лавровый венок. Бурские солдаты, напротив, выглядят здоровыми и бодрыми. Они одеты в синюю форму, курят трубки и несут денежные мешки с надписью «1000000» Внизу расположена следующая заметка: «Les Anglais gardent les coups et les lauriers que les Boers leur ont gracieusement octroyes et donnent a ces derniers quelques compensations en échange» (Англичане оставили себе раны и почести, которыми их одарили буры, а взамен дали бурам некоторую компенсацию). Эта надпись, как и в предыдущем случае, иронична. В то время как метрополия получает лишь «раны и лавры», буры, даже признавая формальное поражение, сохраняют достоинство. Этот визуальный образ «здорового бура» имел под собой реальную почву. Российские военные агенты отмечали, что буры были превосходными стрелками [3, с. 38]. Их техническое превосходство в стрелковом оружии и привычка считать каждый патрон создавали у европейского обывателя образ почти мистического воина.

Еще одна открытка времен войны была издана в Германии [8], на ней изображена женщина, держащая в руках лавровый венок (Рис. 2). В верхней части открытки используется надпись: «UNSER MITGEFUHL DEM TREUEN VATER SEINES VOLKES» («Наше сочувствие верному отцу своего народа»). При взгляде на обратную сторону открытки становится понятно, для кого она предназначалась. Адресатом был президент Южно-Африканской

республики Пауль Крюгер. При этом типографический шрифт согласуется с остальным текст на открытке. Это говорит о том, что адрес был напечатан вместе с печатью открытки, а не добавлен позже от руки. Также почтовый штампель на обратной стороне помогает разобрать дату этого письма, «27.11.00» и указывает на ноябрь 1900 года. Таким образом, можно с уверенностью предположить, что данная открытка была частью массовой кампании по поддержке Пауля Крюгера и буров, организованной в Германии. Эти открытки, вероятно, распространялись через газету «Deutsche Zeitung» (она указана как пункт сбора) или другие каналы, которые позволяли людям выразить свою позицию.

Бурские и британские открытки уже попадали в оптику исследователей. Так в работе Иэна Макдональда «The Boer War in Postcards» (Бурская война в почтовых открытках) приводятся бурские открытки [19, p. 105] (Рис. 3), которые, как правило, были направлены на поддержание боевого духа и демонстрацию единства перед лицом британской агрессии. В отличие от рассмотренных выше французских карикатур, высмеивающих британскую армию, бурские открытки, описанные в работе Макдональда, фокусировались на героизме буров, их стойкости и праве на самоопределение.

Британская пропаганда, напротив, эксплуатировала образ льва как символа имперского величия и нерушимости. Так, на одной из открыток [19, p. 87] (Рис. 4) лев был изображен лежащим у подножия геральдического щита, поддерживаемого женской фигурой, олицетворяющей Британию. Эта композиция дополнена изображением солдат и кавалеристов. Эта открытка, выпущенная в период англо-бурской войны, носит выраженный пробританский характер, призвана поддерживать боевой дух и патриотические настроения, прославляет армию и символизирует силу и нерушимость империи.

С другой стороны, британская символика становилась объектом ироничной критики и в американской прессе, например газета Bedford Democrat (штат Вирджиния) отметила таким анекдотом: «“Могу я поинтересоваться” - спросил орел, - “почему вы несете этот штопор?” – “Это не штопор,” - прорычал Британский лев, - “Это мой хвост”» [12, p. 4]. В этой шутке Орел (США) выступает в роли стороннего наблюдателя, который с любопытством (и некоторой долей ехидства) смотрит на льва (Великобританию). Подобная метафора подчеркивала состояние имперского могущества еще до начала конфликта.

В целом анализ открыток из разных стран подтверждает их статус как эффективного инструмента пропаганды. Будь то французская сатира, немецкая солидарность или британский патриотизм, почтовые карточки не просто транслировали информацию, но активно формировали общественное мнение, адаптируя сложные политические смыслы для массового восприятия. Как отмечают исследователи, именно в этот период пропаганда превратилась в механизм информационной войны, главной целью которой было «создать среди британской общественности желание воевать против Южной Африки» [7, с. 137]. И если на страницах крупных газет этот процесс сопровождался масштабной дезинформацией, то в сфере повседневного потребления идеология упаковывалась в форму доступных визуальных образов и сувениров.

Таким образом, уникальным источником для исследователя выступают сувенирные предметы. Памятный платок «The Colonies Rally Round the Old Flag» («Колонии сплываются вокруг старого знамени Англии») служит ярким примером имперской пропаганды, направленной на демонстрацию единства метрополии и колоний [24] (Рис. 5). Фраза «Who's that calling? The voice of the Motherland» («Кто это зовет? Голос Родины-матери») подчеркивает роль Великобритании как центра, консолидирующего ресурсы империи перед лицом военного конфликта.

Аналогичную функцию выполняли массовые керамические изделия. Трехручная кружка-кубок, выпущенная в память об аннексии Трансвааля [25] (Рис. 6). содержит лозунги: «Equal rights for all» («Равные права для всех»), «Britannia tower of justice» («Британия - башня справедливости»), «Defender of the oppressed» («Защитник угнетенных»). Данные надписи отражают концепцию «бремени белого человека», оправдывая колониальную экспансию цивилизаторской миссией. Таким образом, через тиражируемые сувениры идеологические установки проникали в частное пространство повседневности. Коммерциализация охватывала самые прозаичные сферы быта. Историк Денис Джадд отмечает, что война оставила британскому обществу «массу эфемерных предметов» (host of ephemera), среди которых были популярны даже жестяные банки для печенья с портретами генерала Редверса Буллера [16, p. 191].

Помимо уже рассмотренных артефактов, особое значение для понимания многогранного восприятия англо-бурской войны имеют визуальные свидетельства очевидцев. Как метко выразился историк Кеннет Морган, это была «война, которую можно было видеть, а не только читать о ней» [20, p. 9]. Особое значение в этом контексте имеют графические работы очевидцев и художников-корреспондентов. В отличие от тиражируемых пропагандистских образов, эти свидетельства фиксировали реалистичные стороны конфликта: страдания, повседневные тяготы и индивидуальные переживания участников.

Ценный пласт подобных документов хранится в собрании Wellcome Collection (London). К примеру, акварель Ф. Дадда, изображающая прибытие санитарного поезда в Дурбан, датированная 1899 годом [11] (Рис. 8.1). Дадд, известный британский художник и иллюстратор, специализировавшийся на исторических и военных сценах, запечатлел момент, когда раненых солдат выносят из вагонов, отмеченных знаком Красного Креста. Художник фокусируется на фигурах солдат: одних несут на носилках, другие, опираясь на товарищей или костыли, с трудом передвигаются. Их лица выражают усталость и боль, что резко контрастирует с бравурными изображениями войны.

Другой пример из той же коллекции - рисунок пером и тушью, выполненный Перси Спенсом около 1900 года [23] (Рис. 8.2), демонстрирует переполненную палату военного госпиталя в Винберге, Южная Африка. На нем изображены медсестры, ухаживающие за многочисленными ранеными, лежащими на койках. Сцена передает атмосферу тесноты и напряженной работы медицинского персонала. Данные визуальные свидетельства возвращают войне человеческое измерение, демонстрируя реальную цену амбиций, скрытую за официальными отчетами.

Проникновение войны в массовую культуру не ограничивалось открытками и сувенирами. Конфликт стал настолько заметным явлением в европейском обществе, что его образы начали использоваться даже в коммерческой рекламе. К примеру, французский плакат Э. Оже «Превосходные пилюли доктора Трабанта» («Supremes Pilules du docteur Trabant») [21] (Рис. 8) формально рекламирует лекарства от кашля. Однако его истинный смысл раскрывается через едкую политическую карикатуру. Центральными фигурами композиции являются безошибочно узнаваемые карикатуры на британскую королеву Викторию и президента Трансвааля Пауля Крюгера. Королева, олицетворяющая всю Британскую империю, изображена больной, мучительно кашляющей в платок. Этот «кашель» является остроумной метафорой тех серьезных проблем и затянувшихся военных действий, с которыми столкнулась Британия в войне. В роли своеобразного «лекаря» выступает сам причина ее «болезни» - Пауль Крюгер, изображенный как стереотипный, но крепкий и уверенный в себе бур с винтовкой. Он иронично предлагает королеве «пилюли», которые становятся визуальной метафорой военных неудач и упорного сопротивления, с которыми столкнулась Великобритания в ходе конфликта. Ироничный подтекст изображения заключается в том, что имперский центр, представленный в

образе больной королевы Виктории, оказывается перед необходимостью вынужденного признания тактических поражений, навязанных действиями противника. Таким образом, плакат Э. Оже демонстрирует не только сатирическое отношение французского общества к британским амбициям, но и то, как сложный политический контекст адаптировался для массового восприятия через понятные обывателю бытовые метафоры.

Иной подход к рекламе демонстрирует британская сторона. Если во Франции конфликт стал поводом для сатиры, то в Великобритании он был использован для разжигания патриотических чувств и продвижения товаров, ассоциирующихся с силой и успехом империи. Ярким примером служит рекламное объявление компании Bovril опубликованное в британском журнале «The Sphere» 31 марта 1900 года [14, р. 1] (Рис. 9). Основным продуктом компании, названный соответственно «Bovril», это густой говяжий экстракт, который использовался как основа для питательного бульона или паста для бутербродов. Благодаря своей высокой калорийности и возможности долгого хранения, он стал неотъемлемой частью армейского рациона, что компания и использовала в своей маркетинговой стратегии.

Реклама вышла в момент национального триумфа, снятия осады с Кимберли и взятия Блумфонтейна армией под командованием фельдмаршала лорда Робертса, одного из главных героев войны в глазах британской общественности. Центральным элементом рекламы стала карта боевых действий, на которой маршрут победоносных британских войск был вычерчен так, чтобы образовать название продукта – «BOVRIL». Этот остроумный картографический прием должен был убедить читателя в почти мистической связи между победой британской армии и продуктом. Чтобы подкрепить эту идею, реклама прибегает к двум авторитетным источникам. Во-первых, она использует имя самого лорда Робертса, превращая его из полководца в невольного «промоутера» бренда. Во-вторых, приводит цитату из авторитетного медицинского журнала «The Lancet», в которой утверждается, что Королевский медицинский корпус использует «горячий Bovril и стимуляторы» для восстановления раненых. Таким образом, Bovril позиционировался не просто как еда, а как «жидкая жизнь» («Liquid Life»), жизненно важный ресурс, питающий армию и приближающий победу. В отличие от французского плаката, где «пилюли» были метафорой поражения, британский Bovril стал символом неминуемых побед.

Подобная визуализация военных действий не ограничивалась коммерческой рекламой, а активно внедрялась в сферу массовой информации, приобретая интерактивный характер. К примеру, газета Daily Mail, тираж которой к 1900 году достиг миллиона экземпляров, предлагала читателям специальные приложения в виде карт и наборов флажков на булавках для самостоятельного отслеживания хода кампании. Характерно свидетельство современника событий, британского служащего Артура Уитлока, который вспоминал, как он ежедневно передвигал эти флажки по карте на своем столе, «имитируя» управление войсками [15, р. 81]. Таким образом, через газетную графику и атрибутику далекий колониальный конфликт окончательно утрачивал статус абстрактного события, становясь элементом личного интеллектуального и эмоционального опыта европейского обывателя.

Однако этот упорядоченный, схематичный образ войны, транслируемый через карты в рекламе и прессе, резко контрастировал с условиями, в которых действовали регулярные войска на фронте. Пока потребители медийного контента отслеживали продвижение армий по детально прорисованным маршрутам, британское командование в Южной Африке зачастую вступало в бой на практически не нанесенной на карту территории. Как убедительно показывает историк Э. Либенберг, критическое отсутствие точных топографических данных стало одной из главных причин тяжелых поражений на начальном этапе войны [18, р. 930]. Подобный разрыв между «виртуальным» триумфом в массовом сознании и реальным «хаосом»

фронта еще раз подчеркивает инструментальную роль визуальных источников в конструировании мифологизированного образа колониального конфликта.

Таким образом, два приведенных примера, как две стороны одной медали, показывают, что англо-бурская война была не просто далеким колониальным конфликтом, а культурным феноменом, глубоко интегрированным в повседневную жизнь европейцев. Согласно исследованию В. Кёйтенбрауэра, названия брендов пива и лимонада, дизайн табачных изделий, курительных трубок и даже аксессуаров (кошельков) содержали прямые отсылки к знаковым фигурам конфликта, в частности к личности Пауля Крюгера [17, р. 143]. Таким образом, через маркировку предметов массового потребления именами политических лидеров, конфликт становился частью повседневного информационного поля европейского обывателя, приобретая статус актуального идеологического высказывания.

Подводя итоги исследования, можно утверждать, что Англо-бурская война 1899–1902 гг. стала важнейшей вехой в истории материальной культуры, ознаменовав переход к качественно новым формам репрезентации военного конфликта в массовом сознании. Анализ артефактов убедительно доказывает, что вещественные источники обладают уникальным информационным потенциалом, позволяющим верифицировать и дополнять официальную документальную историю.

Через тиражную графику и почтовые открытки война превращалась в понятный обывателю визуальный образ, становясь полем острого идеологического противостояния. Как показал анализ французских сатирических серий, визуальные источники служили инструментом легитимации «равенства» противников, апеллируя к вопросам европейской идентичности буров и подрывая моральные основания имперской экспансии Британии.

Другим фундаментальным процессом стала коммерциализация военного нарратива. Рекламные стратегии и массовое производство сувенирной продукции превратили войну в мощный маркетинговый ресурс. В этом контексте выбор товара, маркированного военной символикой или именами героев, становился актом идеологической самоидентификации потребителя. Таким образом, через предметы повседневного спроса идеологические установки проникали в обыденную жизнь общества, закрепляя определенные стереотипы восприятия конфликта на уровне бытовых привычек.

Наконец, исследование выявляет глубокую дихотомию между мифологизированным образом войны и её гуманитарным измерением. Если массовая продукция стремилась к героизации и упорядочиванию конфликта, то свидетельства очевидцев (медицинские зарисовки, фронтные эскизы) возвращали войне её «телесность» и трагизм. В конечном счете вещественные артефакты Англо-бурской войны выступают не просто пассивными иллюстрациями к политическим событиям, а активными участниками конструирования реальности. Они фиксируют рождение новой визуальной антропологии войны, где материальный предмет становится необходимым связующим звеном между большой геополитической историей и глубоко личным, человеческим опытом.

Библиографический список

1. Англо-бурская война 1899–1902 гг. По архивным материалам и воспоминаниям очевидцев / сост. Н. Г. Воропаева, Р. Р. Вяткина, Г. В. Шубин. - М.: Вост. лит., 2001.
2. Варакса А. Н. Англо-бурская война и ее повседневность глазами русских добровольцев // История повседневности. - 2018. - № 3 (8).
3. Дроговоз И. Г. Англо-бурская война 1899–1902 гг. - Мн.: Харвест, 2004.

4. Жуков А. В. Феномен фотофиксации англо-бурской войны (1899-1902 гг.) // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. - 2012. - № 3 (21).
5. Коршунов А. И. Англо-бурская война в зеркале английской прессы: пропаганда, восприятие, реакции // История. Общество. Политика. 2025. - № 1 (33).
6. Лужанский В. И., Шахбазян М. А. Специфика газетной публицистики А. К. Дойла периода англо-бурской войны // Казанская наука. 2022. - № 9.
7. Новичков А. В., Резников А. А. Пропаганда как инструмент воздействия на общественное мнение Великобритании в годы второй англо-бурской войны // Вопросы теории и практики. 2017. - № 8 - (82).
8. Почтовая открытка «Unser Mitgefuehl dem treuen Vater seines Volkes» (Наше сочувствие верному отцу своего народа). Deutsche Zeitung. [Берлин], 1900. (Частное собрание).
9. Французская сатирическая открытка «La paix Anglo-Boer» (Англо-бурский мир) (№ 1). Цветная литография. [Париж, ок. 1900]. (Частное собрание).
10. Французская сатирическая открытка «La paix Anglo-Boer» (Англо-бурский мир) (№ 2). Цветная литография. [Париж, ок. 1900]. (Частное собрание).
11. Dadd F. Boer War: wounded soldiers being escorted off the hospital train at Durban [Акварель]. 1899. Inv. No. 22528i. // Wellcome Collection (London). URL: <https://wellcomecollection.org/works/d4x5atxr> (дата обращения: 10.08.2024).
12. Don't be a voloano. // Bedford Democrat. - 1896. - 16 April.
13. Fay E. Virtual Artifacts: eBay, Antiquities, and Authenticity // Journal of Contemporary Criminal Justice. 2011. - Vol. 27. - № 4.
14. How Lord Roberts spells BOVRIL [Рекламное объявление] // The Sphere. 1900. 31 March.
15. Jackson T. The Boer War. - London: Channel 4 Books, 2001.
16. Judd D. The Boer War. - London: Book Club Associates, 1977.
17. Kuitenbrouwer V. War of Words: Dutch Pro-Boer Propaganda and the South African War (1899-1902). - Amsterdam: Amsterdam University Press, 2012.
18. Liebenberg E. The Cartographic Legacy of the Anglo-Boer War, 1899-1902 // Proceedings of the 21st International Cartographic Conference (ICC). - Durban: International Cartographic Association, 2003.
19. McDonald I. The Boer War in postcards. - Trowbridge: Bok Books International, 1990.
20. Morgan O. The Boer War and the Media (1899–1902) // Twentieth Century British History. - 2002. - Vol. 13. - № 1.
21. Oge E. Paul Kruger offering «Dum-dum» pills to Queen Victoria [Цветная литография]. [ca. 1900]. Reference: 676236i. // Wellcome Collection (London). URL: <http://catalogue.wellcomelibrary.org/record=b1676236> (дата обращения: 11.11.2024).
22. Pretorius J. C. Die Anglo-Boereoorlog (1899-1902) en Kultuurhistoriese Museums in Suid-Afrika: 'n Bronneverkenning // SA Tydskrif vir Kultuurgeskiedenis. - 2000. - Vol. 14. - № 1.
23. Spence P. F. S. Boer War: wounded soldiers in hospital at Wynberg [Рисунок пером]. [ca. 1900]. Inv. No. 23294i. // Wellcome Collection (London). URL: <https://wellcomecollection.org/works/d4x5atxr> (дата обращения: 11.01.2025).
24. The Colonies Rally Round the Old Flag of England [Памятный платок]. [S.l.], 1899. Inv. No. NAM. 1961-12-676-1. // National Army Museum (London). URL: <https://collection.nam.ac.uk/detail.php?acc=1961-12-676-1> (дата обращения: 07.08.2025).
25. Three-handled mug commemorating British victories [Кружка]. Spode Copeland, 1900. Inv. No. NAM. 1983-09-24-1. // National Army Museum (London). URL: <https://collection.nam.ac.uk/detail.php?acc=1983-09-24-1> (дата обращения: 07.08.2025).
26. Van Vollenhoven A. C. A historical archaeological investigation of Sardelli's shop, Sabiepoort, Kruger National Park // Koedoe. 2024. - Vol. 66. - № 2.
27. Van Wyk Smith M. The Boers and the Anglo-Boer War (1899–1902) in the Twentieth-Century Moral Imaginary // Victorian Literature and Culture. 2003. - Vol. 31. - № 2.

 Сведения об авторе:

Назин Валерий Юрьевич, аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского (БГУ). E-mail: Jordan9000@list.ru

Иллюстрации к статье

Рис 1. Французские сатирические почтовые открытки «La paix Anglo-Boer». Париж, ок. 1900 г. Цветная литография. Источник (слева-направо): 1. Французская сатирическая открытка «La paix Anglo-Boer» (Англо-бурский мир) (№ 1). Цветная литография. [Париж, ок. 1900]. (Частное собрание) 2. Французская сатирическая открытка «La paix Anglo-Boer» (Англо-бурский мир) (№ 2). Цветная литография. [Париж, ок. 1900]. (Частное собрание).

Рис 2. Немецкая почтовая открытка «Unser Mitgefühl dem treuen Vater seines Volkes», Берлин: Deutsche Zeitung, 1900 г. Источник: 1Почтовая открытка «Unser Mitgefühl dem treuen Vater seines Volkes» (Наше сочувствие верному отцу своего народа). Deutsche Zeitung. [Берлин], 1900. (Частное собрание).

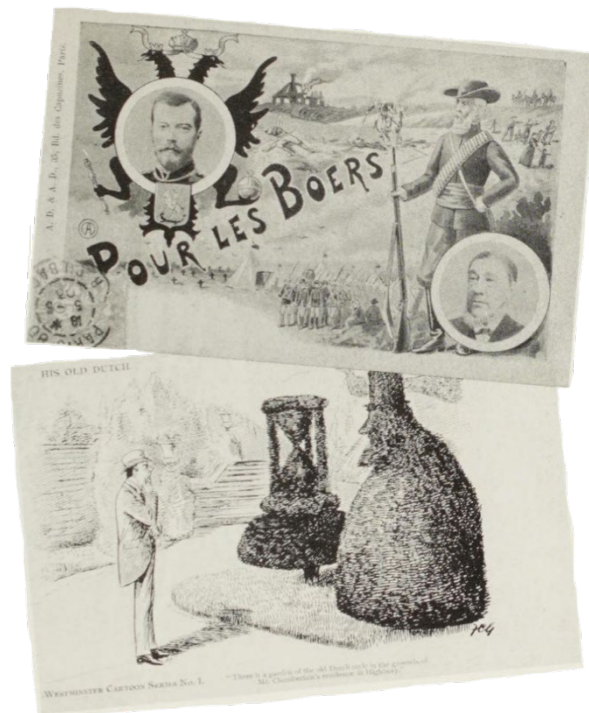

Рис 3. Пробурские почтовые открытки «Pour les Boers» и «His Old Dutch». Ок. 1900 г. Источник: McDonald I. The Boer War in postcards. - Trowbridge: Bok Books International, 1990. - р. 105.

Рис 4. Британская пропагандистская открытка с изображением имперского льва. Великобритания, ок. 1900 г. Источник: McDonald I. *The Boer War in postcards.* - Trowbridge: Vok Books International, 1990 - p. 87.

Рис 5. Памятный платок «The Colonies Rally Round the Old Flag of England». 1899 г. Источник: *The Colonies Rally Round the Old Flag of England* [Памятный платок]. [S.l.], 1899. Inv. No. NAM. 1961-12-676-1. // National Army Museum (London). URL: <https://collection.nam.ac.uk/detail.php?acc=1961-12-676-1> (дата обращения: 07.08.2025).

Рис 6. Трехручная памятная кружка, посвященная британским победам. Spode Copeland, 1900 г. Источник: Three-handed mug commemorating British victories [Кружка]. Spode Copeland, 1900. Inv. No. NAM. 1983-09-24-1. // National Army Museum (London). URL: <https://collection.nam.ac.uk/detail.php?acc=1983-09-24-1> (дата обращения: 07.08.2025)

Рис 7. Зарисовки очевидцев из собрания Wellcome Collection (Лондон). Слева-направо: 1) Ф. Дадд. Прибытие санитарного поезда. 1899 г. Акварель; Источник: Dadd F. Boer War: wounded soldiers being escorted off the hospital train at Durban [Акварель]. 1899. Inv. No. 22528i. // Wellcome Collection (London). URL: <https://wellcomecollection.org/works/d4x5atxr> (дата обращения: 10.08.2024). 2) П. Спенс. Палата военного госпиталя. Ок. 1900 г. Рисунок пером; Источник: Spence P. F. S. Boer War: wounded soldiers in hospital at Wynberg [Рисунок пером]. [ca. 1900]. Inv. No. 23294i. // Wellcome Collection (London). URL: <https://wellcomecollection.org/works/d4x5atxr> (дата обращения: 11.01.2025).

Рис 8. Э. Оже. Рекламный плакат «Supremes Pilules du docteur Trabant» (Превосходные пилюли доктора Трабанта). 1900 г. Цветная литография. Источник: Oge E. Paul Kruger offering «Dum-dum» pills to Queen Victoria [Цветная литография]. [ca. 1900]. Reference: 676236i. // Wellcome Collection (London). URL: <http://catalogue.wellcomelibrary.org/record=b1676236> (дата обращения: 11.11.2024).

March 31, 1900] THE SPHERE i

How Lord Roberts spells BOVRIL

Careful examination of this Map will show that the route followed by Lord Roberts in his historical march to Kimberley and Bloemfontein has made an indelible imprint of the word Bovril on the face of the Orange Free State. This extraordinary coincidence is one more proof of the universality of Bovril.

Amongst the numerous testimonials in its favour, the following extract from the "LANCET" of March 17th will be read with interest:—

"The end of the train of stretchers and waggons came into view. Hot Bovril and stimulants had already been prepared by the men of the Royal Army Medical Corps, great pots of the former resting in the kitchen."

Whether for the soldier on the battle-field, the patient in the sickroom, the cook in the kitchen, or for those as yet in full health and strength at home,

BOVRIL IS LIQUID LIFE.

Рис 9. Рекламное объявление «How Lord Roberts spells BOVRIL» в журнале «The Sphere». 31 марта 1900 г. Источник: How Lord Roberts spells BOVRIL [Рекламное объявление] // The Sphere - 1900 - 31 March – p. 1.

УДК 94 (430)

А. Е. Поронов

ОТ ПРОФСОЮЗА К ИНСТРУМЕНТУ ДИКТАТУРЫ: ГЕРМАНСКИЙ ТРУДОВОЙ ФРОНТ В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Аннотация: В статье исследуется процесс трансформации независимого рабочего движения Веймарской республики в инструмент контроля после прихода к власти НСДАП. В статье показано, как ликвидация плюралистической системы профсоюзов (социал-демократических, христианских, свободно-национальных) и создание Германского трудового фронта (DAF) стали ключевым элементом установления нацистской диктатуры. Также демонстрируется процесс уничтожения независимого рабочего движения, который было не единовременным актом, а постепенным процессом.

Ключевые слова: Нацистская диктатура, профсоюзы, Германский трудовой фронт, рабочее движение, социальная политика Третьего рейха, политические репрессии

Porunov A. E. From Trade Union to Dictatorship Instrument: The German Labor Front in Nazi Germany.

Abstract: The article examines the process of transforming the independent labor movement of the Weimar Republic into an instrument of control after the NSDAP came to power. It demonstrates how the liquidation of the pluralistic system of trade unions (social-democratic, Christian, free-national) and the creation of the German Labor Front (DAF) became a key element in establishing the Nazi dictatorship. It also shows that the destruction of the independent labor movement was not a single act, but a gradual process.

Keywords: Nazi dictatorship, trade unions, German Labor Front (DAF), labor movement, social policy of the Third Reich, political repression

Начиная с XIX века, в Европе происходит изменение общественного сознания в пользу осознания того, что не последнюю роль в политической и социальной жизни играет зарождающийся рабочий класс. Так, начиная с середины XIX века, происходит генезис идей теоретиков коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса, а также теоретиков анархизма М. А. Бакунина, Пьера-Жозефа Прудона, П. А. Кропоткина, что в свою очередь подталкивает рабочий класс Европы на борьбу за свои права.

Так, в Германии, с развитием политической мысли, происходит и разделение левых на коммунистов из «Союза Спартака», что после разгрома «Союза» создадут Коммунистическую партию Германии (КПГ), независимых социал-демократов (НСДПГ), которых в дальнейшем поглотят КПГ и умеренных социал-демократов (СДПГ). В свою очередь, данные левые течения в конце XIX- начале XX составляют костяк борцов за права рабочих в Германии.

Однако, не только левые организовывали союзы рабочих. В мае 1891 года, Папа Лев XIII издает энциклику *Recurvum Novarum*, которая обращала внимание на положение рабочего класса по всей Европе. И в конце XIX века, на фоне издания этой энциклики в Германии зародились и христианские профсоюзные организации. Такие как: христианские профсоюзы (*christliche Gewerkschaften*) и католические союзы рабочих (*katholische Arbeitervereine*). [7. С. 204]

Таким образом, к началу XX века, Германское рабочее движение подходит с двумя центрами, что защищают права рабочих.

Однако, с развитием реваншистских настроений после проигрыша в Первой Мировой войне, происходит развитие и правых идей. И на сцену политической и социальной жизни выходят и третий вид профсоюзов- свободно-национальные профсоюзы. Они были самые малочисленные из всех видов профсоюзов Германии. В 1919 г. они объединяли 189 931 человек,

а в 1920 г. — 225998. [1. С. 145] Таким образом, мы видим, что к 20м годам сложилось три вектора профсоюзной силы: 1. Левый 2. Центристский (христианский) 3. Правый.

Уже в 1929 г. во время Нюрнбергского съезда НСДАП была проведена организационная конференция, принявшая решение о создании на основе «Секретариата по трудовым вопросам» общенациональной «национал-социалистической организации производственных ячеек» - НСБО. [4. С. 166] Данная организация была создана по инициативе левого крыла. Руководителем НСБО был назначен Р. Мухов, который являлся сторонником Грегора Штрассера. [4. С. 166]

Однако с приходом к власти А. Гитлера, происходит изменение и курса проводимой внутренней политики. Началом объединения профсоюзов под эгидой одной организации следует считать письмо немецкой национальной ассоциации работников торговли. Именно они в письме-поздравлении о вступлении в должность рейхсканцлера А. Гитлера предложили все свои мощности для будущего сотрудничества с государством. Так, в этом письме от 01.02.1933 говорится: «Вам, господин рейхсканцлер, также как и нам, известно, что политические условия, при которых Вы были вынуждены принять должность, всей социальной реакцией рассматриваются как большая надежда для себя. Наш сорокалетний опыт социальной политики, который мы собрали в борьбе, всегда проходившей под ответственностью за весь немецкий народ, в любое время находится в Вашем распоряжении для Вашей работы». [1. Fol. 2]

В ответ на это, рейхсканцелярией создается справка, в которой говорится: «Немецкая национальная ассоциация работников торговли (DNV) является самой сильной организацией в Общесоюзном объединении немецких профсоюзов служащих (Gedag). Со своими 400 000 членов он является крупнейшим профсоюзом служащих в мире. Gedag принадлежит к Немецкому союзу профсоюзов (DGB)». [1. Fol. 6] А также: «Господин рейхсканцлер просит передать искреннюю благодарность за добрые пожелания по случаю вступления его в должность, а также за заявление о готовности к активному сотрудничеству, прежде всего в области социальной политики». [1. Fol. 6]

Правыми профсоюзами с великой радостью было встречено предложение об объединении в одну структуру: «Правление Профсоюзного объединения немецких рабочих, служащих и чиновников позволяет себе почтительнейше довести до сведения о резолюциях, которые 10 февраля сего года единогласно приняло заседание Имперского комитета Объединения». [1. Fol. 7]

В свою очередь, объединение правых профсоюзных организаций от 10 февраля заявляет: «Имперский комитет Профсоюзного объединения требует от нового правительства рейха не только безусловного сохранения всех прав и учреждений, гарантированных работникам конституцией рейха, но и их дальнейшего развития. Арбитражная служба, тарифное право, коллективное трудовое право, социальное страхование и государственная охрана труда являются сущностью высокоразвитого государственного порядка. Гарантирование этих прав требует наличия министерства труда, которому должен быть доверен защита трудящихся и всех экономически слабых слоев населения. Свободно-национальное Профсоюзное объединение поэтому решительно отвергает все планы по сокращению сферы задач Имперского министерства труда или его полной ликвидации.

Немецкое народное государство, для которого социальная и национальная воля являются предпосылкой, должно быть сохранено и развито. Только в духе свободы государство и экономика вновь оздоровятся!» [1. Fol. 7a]

Здесь мы видим, что предтече будущей организации Германского трудового фронта ратовало за передачу полномочий профсоюзов министерству труда, что в свою очередь идет в

противоположном векторе с развитием идей профессиональных союзов, суть которых заключалась в отстаивании прав рабочих «снизу», непосредственно на местах.

1 мая 1933 года был объявлен нацистами «Днем национального труда», что в свою очередь стало отправной точкой в уничтожении рабочего движения Германии. Так в данной демонстрации принимали участие представители рабочего и среднего класса, промышленники и люди, чей труд они нанимали. Данная акция превратила 1 мая, символизировавшее до сих пор классовую борьбу в символ общенационального единства.

Так, Геббельс в своем дневнике писал: «1 мая мы превратили в грандиозную демонстрацию немецкой народной воли. 2 мая будут захвачены Дома профсоюзов. Вероятно, несколько дней будет шум, но зато они будут принадлежать нам. В этом вопросе нельзя ни с чем считаться» [3. S. 299]

Второго же мая, нацистами были закрыты левые социал-демократические профсоюзы, а руководители этих профсоюзов были арестованы и заменены комиссарами из рядов НСБО. Соответственно, нацистами данный акт рассматривался нацистами, как «приведение в порядок» потенциально опасной для режима прослойки населения.

В тот же день всем остальным профсоюзам было приказано заявить о своем полном и безоговорочном подчинении НСДАП. 3 мая такие заявления были сделаны Объединением христианских профсоюзов, Объединением немецких союзов рабочих, служащих и чиновников (гирш-дункеровские профсоюзы). Подтверждением этого служит доклад организации о делах в Восточной Силезии от 30 мая 1933 года. В этом докладе говорится: «В начале мая состоялось поглощение организацией НСБО свободных профсоюзов и приведение в соответствие христианских и профсоюзов Гирш-Дункера». [1. Fol. 71 verso]

10 мая 1933 года произошло создание Германского трудового фронта. Это было отпраздновано с великим торжеством и на пост руководителя Трудового фронта был назначен один из самых ярких деятелей Третьего рейха — Роберт Лей. Данная организация постепенно поглощает профсоюзные организации, что были распущены 2 мая 1933 года.

23 мая 1933 года, состоялось первое заседание Большого трудового конвента. Глава трудового фронта Роберт Лей на этом конвенте объявил секретарем конвента Рейхнодльда Мухова. Сам же Лей случаю первого заседания, заявил: «В верной работе и радостной ответственности начинается дело, которое должно стать фундаментом для немецкого народа и государства на века. Все, что было создано до сих пор, можно рассматривать лишь как подготовку к этому великому делу. Немецкий трудовой фронт должен объединить все сословия немецкого народного сообщества. Национал-социалистическая революция нашла новые формы; формы, которые соответствуют сущности немецкого народа и которые останутся, в отличие от форм, заимствованных у других народов». [1. Fol. 70] Параллельно с этим на конвенте было заявлено: «ошибочную направленность прежних профсоюзов, которые организовывали в человеке низменное, партийное, вместо того чтобы опираться на присущее каждому человеку чувство общности, чтобы достичь благополучия общества. Исходя из этой основы, организации как работодателей, так и работников, которые раньше противостояли друг другу, теперь объединены в формы, созданные национал-социалистической революцией во имя блага всего народа». [1. Fol. 70] Также Лей заявлял о том, что нынешнее трудовое законодательство должно быть переработано. [1. Fol. 70]

В данном заявлении мы видим, что действительно нацисты ратовали за объединение среднего и рабочего класса в единый фронт, который бы подчинялся воле государства.

О том, как должен восприниматься трудовой фронт, было сказано так: «Немецкий трудовой фронт представляет собой основу для будущего строительства в целом. Воспитание общности, обучение является одной из важнейших задач [...] Социальные учреждения также

будут значительно расширены, все без вмешательства государства, через самоуправление организации труда, признанной корпорацией публичного права. Целью, прежде всего, является создание сословия, которое сознавало бы свою силу, свою честь и свою ответственность. Комплекс неполноценности, умышленно внедренный марксизмом, должен упорно устраняться. Качественное профессиональное обучение предоставит каждому способному рабочему возможность достичь уровня, который соответствует его способностям и призванию. Научное исследование производственных процессов будет проводиться в научных институтах по изучению труда, чтобы глубже понять сущность понятия «труд» как такового и сделать это знание полезным для общества». [1. Fol. 70]

Здесь мы видим, что нацистами выстраивалась цель воспитания нового человека, который должен воспитываться в духе национал-социалистической идеологии. Интересно так же то, что Лей в данном заявлении одновременно провозглашает отказ от левой, марксистской политики, и провозглашает создание качественного профессионального образования, что является весьма и весьма левой мерой.

Касаемо профсоюзов Лей в своем выступлении заявляет, что единственная профсоюзная организация, которая должна была быть сохранена – это НСБО. Задачи, которые решала бы НСБО виделась ему так: «НСБО должна стать сборным пунктом для офицеров и унтер-офицеров Немецкого трудового фронта. Тяжелая и полная лишений борьба НСБО на предприятиях найдет свое признание без ущемления прав других профсоюзов в том, что члены НСБО будут получать те же выгоды, что и члены профсоюзов. Рабочие и служащие будут объединены в НСБО, так что, возможно, в будущем она станет тем плавильным тиглем, из которого родится понятие «немецкий работник». [1. Fol. 70 verso]

Таким образом, мы видим, что организация Германского трудового фронта ставит своей задачей подчинение всех свободных национальных, левых и христианских профсоюзов, и консолидации сил вокруг правительства Гитлера и НСДАП.

Однако, международное профсоюзное движение, а в частности «Международная конфедерация профсоюзов» с центром в Париже была обеспокоена ситуацией в Германии, и рассылала свои послания в различные инстанции. [1. Fol. 74]

При этом, в это же время начинаются репрессии по отношению к лидерам левых профсоюзов. Например, Вильгельм Лейшнер был заключен под стражу в июне 1933 года. В последствии, Лейшнер, как ярый противник нацистского режима станет одним из участников «Кружка Крейзау», и лидером левого крыла в движении 20 июля. [5. С. 114] И конечно же, репрессии в начале правления нацистов это лишь одна из ступеней к тому, что Лейшнер стал членом круга сопротивления Х. Фон Мольтке.

В отчете 7 июля 1933 года, говорится о том, что строительные кооперативы были интегрированы в Германский трудовой фронт 2 мая 1933 года. Примечательно то, что в этом же отчете говорится о том, что данная организация была марксистского толка. И то, она боролась со средним классом из разряда строителей. [1. Fol. 77] Также здесь отмечено то, что такие методы недопустимы в новом нацистском государстве. [1. Fol. 77]

В этом же отчете говорится о потенциальных мощностях поглощенной организации: «В настоящее время на этих предприятиях работу находят 5000 соотечественников, занятость может быть предоставлена не менее чем 30 000 соотечественников». [1. Fol. 77]

Это нам говорит о том, что 1. Нацистское государство было заинтересовано в том, чтобы создать рабочие места для немцев. И это естественно для нацистской диктатуры в 1933 году, где главная задача стояла в выходе из экономического кризиса. 2. Германским трудовым фронтом шло поглощение не только профсоюзных организаций, но и левых промышленных

предприятий. Что в свою очередь это нам намекает на то, что правительство Гитлера было заинтересовано в уничтожении экономической и политической конкуренции.

Параллельно с поглощением национальных и христианских профсоюзных организаций трудовым фронтом, происходит уничтожение левых организаций. Так, 26 мая 1933 года, был издан закон о конфискации имущества коммунистических организаций. [1. Fol. 83] Данный закон конфисковывал имущество коммунистических организаций, но никак не в пользу ДАФ, а в пользу государства. [2. Fol. 111] Именно государство в дальнейшем распорядилось данным имуществом. И именно государство передало активы левых Трудовому фронту.

Однако, перед данной организацией стояла еще одна проблема – её юридическое признание. И таким образом 8 сентября 1933 года, был предложен законопроект, который говорил:

«Правительство Рейха постановило следующий закон, который здесь обнародуется:

Статья 1. Немецкий трудовой фронт является корпорацией публичного права.

Статья 2. Во главе Немецкого трудового фронта стоит Фюрер Немецкого трудового фронта. Он назначается Канцлером.

Статья 3. Фюрер Немецкого трудового фронта уполномочен представлять его в суде и вне суда.

Статья 4. Немецкий трудовой фронт принимает свой устав, который определяет круг возложенных на него задач. Устав требует утверждения Рейхом и публикуется в Имперском вестнике законов.

Статья 5. К исполнению этого закона привлекается Имперский министр внутренних дел.

Статья 6. Этот закон вступает в силу со дня его обнародования». [1. Fol. 82]

Данный законопроект, закреплял в себе правовые аспекты деятельности организации. И именно этот законопроект вошел в основу закона от 20 января 1934 года.

Параллельно с этим, происходит закрепление позиций организации. Так, на съезде НСБО и Германского трудового фронта в ноябре 1933, Роберт Лей заявил: «Подлинный великий этап борьбы Немецкого трудового фронта, завоевание вершин для национал-социализма, достигнут. Теперь предстоит укрепить завоеванные позиции. Мы должны во всех прочих действиях руководствоваться исключительно идеей национал-социализма». [1. Fol. 91] И самое главное, что мы можем увидеть, что именно здесь он объявил о том, что: «Марксизм разгромлен. Два миллиона противников, которые еще остались, нельзя рассматривать как оппозицию государству». [1. Fol. 91]

Таким образом, мы видим, что в ноябре 1933 года, Германский трудовой фронт полностью подчинил в себе трудовые организации и профессиональные союзы, что стало еще одной ступенью в устанавливающейся диктатуре Гитлера. И в своем заявлении, Лей открыто говорит о целях проводимой политики – уничтожение оппозиции национал-социалистам.

В воззвании Германского трудового фронта от 29 ноября 1933 года было заявлено: «Выборы 12 ноября показали, что за исключением ничтожного меньшинства все трудящиеся немцы, независимо от того, являются ли они предпринимателями, рабочими или служащими, добровольно встали за правительством Рейха под руководством Адольфа Гитлера и полны желания участвовать в строительстве нового государства и новой экономики. Признание нашего Фюрера для трудящихся означает отказ от марксистского основополагающего принципа классовой борьбы, означает признание духа народного сообщества, взаимного уважения и равноправия рабочих и предпринимателей. Этот поступок должен быть вознаграждён». [1. Fol. 93]

Данное воззвание показывает нам то, что в ноябре 1933 года Германский трудовой фронт объединил в себе все трудовые организации, и Лей триумфально заявлял о своей победе. Однако окончательно, данный триумф закрепился только в законе об организации национального труда от 20 января 1934 года. Но мы смело можем говорить о том, что конец свободному профсоюзному движению был поставлен именно в ноябре, на данной конференции.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что конец независимого рабочего движения в Германии происходил не в одночасье, в мае 1933. А плавно, начиная с февраля по ноябрь 1933 года. Однако следует отметить, что с февраля по май 1933 года, происходят подвижки на объединение национальных свободных профсоюзов. Но в начале мая происходят резкие события, которые полностью меняют положение рабочего движения в Германии. Так, левые профсоюзные организации были уничтожены физически, а профсоюзы, что не были левыми и не являлись радикальными политическими оппонентами режиму, были вынуждены объявить о своем слиянии с НСБО и DAF. Также, постепенно имущество профсоюзных организаций было передано в пользу организации Лея. А в ноябре 1933, на съезде НСБО и DAF было объявлена триумфальная победа над всеми оппозиционерами режиму, которая закрепилась в законе от 20 января 1934 года.

Библиографический список

1. ВArch: Berlin-Lichterfelde R 4-II/531
2. ВArch: Berlin-Lichterfelde R 43-II/1193
3. Göbbels J. Vom Keiserhof zur Reichskanzlei. München, Zentralverlag der N.S.D.A.P., F. Eher nachf. 1934.
4. Арапина Светлана Владимировна Политика НСДАП в отношении немецких профсоюзов до прихода А. Гитлера к власти // Вестник КузГТУ, 2006. №4. – С. 163 – 168.
5. Финкер К. Заговор 20 июля, 1944 года; Дело полковника Штауффенберга / Курт Финкер; Пер. с нем. Г. Рудого; Под ред. Е.А. Гнедина; Предисл. Д. Мельникова. — Москва: Прогресс, 1976. — 388 с.
6. Мордзилович А. А. Христианское профсоюзное движение Веймарской республики в оценках апостольского нунция Эудженио Пачелли// Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2024. – №2. – С. 202 – 207.
7. Шупляк, П.А. Германские профсоюзы в период становления Веймарской республики // Труды исторического факультета: научный сборник. Вып. 1// Минск: БДУ, 2006. — С. 143–152.

Сведения об авторе:

Порунув Артемий Владимирович, аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета, e-mail: porunov123@gmail.com

УДК 930.3:347:392(47+57)"1845/1910"

В. А. Аксенова

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ПОДДАННЫХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.)

Аннотация: В настоящей статье исследуется эволюция концепции «частной жизни» в правовом поле Российской империи второй половины XIX – начала XX веков. Предметом анализа выступают законодательные акты, представленные в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» (1845, 1885 гг.) и «Уголовном уложении» (1903 г.), а также сочинения правоведов, которые демонстрируют трансформацию восприятия данного феномена в российском обществе дореволюционной эпохи. Указанные правовые акты и мнения по этому вопросу дореволюционных юристов, как и архивные материалы – судебные дела конца XIX – начала XX вв., отражают изменение степени защиты частной жизни от посягательств государства и отдельных лиц, а также эволюцию представлений о границах личной сферы, неприкосновенность которой гарантировалась законом.

Ключевые слова: частная жизнь, неприкосновенность частной жизни, правовой институт, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, Уголовное уложение 1903 г.

Aksenova V.A. Private Life of Subjects of the Russian Empire (Based on the Legislation of the second half of the 19th – early 20th centuries)

Abstract: This article explores the evolution of the concept of "private life" in the legal field of the Russian Empire in the second half of the 19th and early 20th centuries. The article analyzes legislative acts presented in the "Code of Criminal and Correctional Punishments" (1845, 1885) and the "Criminal Code" (1903), as well as the writings of legal scholars that demonstrate the transformation of the perception of this phenomenon in pre-revolutionary Russian society. These legal acts and the opinions of pre-revolutionary jurists on this issue, as well as archival materials – court cases from the late 19th and early 20th centuries, reflect the changing degree of protection of private life from the encroachments of the state and individuals, as well as the evolution of ideas about the boundaries of the personal sphere, the inviolability of which was guaranteed by law.

Keywords: private life, inviolability of private life, legal institution, Code of Criminal and Correctional Punishments, Criminal Code of 1903

Вторая половина XIX – начало XX вв. – период в истории России, который характеризуется серьезными переменами в разных сферах государственного и общественного устройства. Масштабные реформы Александра II, бурное развитие процессов индустриализации и урбанизации, совершенствование системы образования, усиление общественной активности, преддверие революционных потрясений. Крупны социальные, экономические и политические преобразования оказывали неизбежное влияние на частную жизнь граждан, изменяя ее характер, границы и значение в правовом и общественном аспекте.

Изучение вопроса формирования института частной жизни в дореволюционной России предоставляет возможность более осознанно осмыслить современные процессы, связанные с приватностью, индивидуальностью человека в современном обществе ввиду развития новых технологий и цифровизации.

Исследование проблемы в указанный период позволяет не только проследить формирование прав и свобод личности в условиях глобальных перемен, а также увидеть взаимозависимость этих двух процессов, осознать значимость данного института через призму истории.

Целью исследования является изучение формирования и эволюции института частной жизни в российском обществе второй половины XIX – начала XX вв. по материалам нормативно-правовых документов.

В настоящее время понятия «частная жизнь» не имеет точного юридического содержания. Однако закон регулирует границы допустимого вмешательства в данную сферу и

обозначает основные элементы, составляющие частную жизнь отдельной личности. В статье 152.2 современного Гражданского кодекса РФ под частной жизнью гражданина понимается физическая и духовная сфера, которая контролируется самим индивидом, свободна от внешнего воздействия и включает в себя:

- сведения о его происхождении,
- о его месте пребывания или жительства,
- о личной и семейной жизни,
- иные сведения, которые гражданин считает конфиденциальными [7, ст. 152.2].

Частная жизнь – обширное и сложное понятие, которое отражает социальную, биологическую, психологическую сторону жизни человека и включает в себя множество элементов. Сложность данного термина также заключается в том, что субъект самостоятельно определяет границы своей частной жизни и несет ответственность за ее конфиденциальность. Однако, существуют два подхода к раскрытию данного понятия. Первый – подразумевает перечисление элементов содержания частной жизни, а во втором «установление содержания частной жизни отводится самому индивиду» [8, с. 61].

Конечно, понимание частной жизни современниками сегодняшнего и прошлого столетий существенно разнятся. Это объясняется не только развитием новых технологий, цифровизации, высокой мобильностью личности, скоростью коммуникации, но и иным мировоззрением и мировосприятием себя и общества. По мнению российского правоведа Г. Б. Романовского «Содержание, вкладываемое в понятие частной жизни, очень условно и зависит от исторического периода развития народа, господствующей религии, идеалов и многих других факторов» [14, с. 72].

Подобной точки зрения придерживается Б. Н. Кадников. Одной из причин становления концепции неприкосновенности частной жизни по мимо исторического развития общества, по мнению исследователя, является «желание человека иметь собственную индивидуальность, свой внутренний мир, о котором он не желает никому рассказывать, а также держать отдельные сведения в тайне и самостоятельно определять объем информации, подлежащей огласке» [9, с. 30].

Несмотря на то, что термин не получил правовой разработки в юридической науке, данное понятие использовалось в литературе еще с начала XIX в. [1, с. 76].

Наличие крепостничества в указанный исторический период, строгая сословная структура феодального общества, которая предопределяла характерные особенности частной жизни отдельных социальных групп, серьезно ограничивали права личности и тормозили процессы становления правовой защиты частной жизни. Именно демократические изменения в пореформенный период развития Российской империи предзнаменовали становление правового государства, а именно института частной жизни.

Одним из основополагающим нормативно-правовым документом, обеспечивающим конфиденциальность сведений частной жизни подданных Российской империи во второй половине XIX в. являлось «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», изданное в 1845 г. (далее также Уложение 1845 г.). В документе отсутствует специальная правовая норма, регулирующая эту проблему. Однако в отдельных главах законодатель гарантирует охрану служебную и деловую тайну вводя уголовную ответственность за их разглашение. Так, например, устанавливалась ответственность за разглашение служебных сведений, «дел и других принадлежащим к делам бумаг» (ст. 449, 450, 453, 454) [16, с. 198]. Ввиду того, что одним из важных средств коммуникации в указанный исторический период было почтовое сообщение государство устанавливало ответственность почтовым служащим за распечатывание «хотя бы из любопытства» писем, отданных для отправления (ст. 1530) [16, с. 608–609].

Отдельная глава в данном нормативно-правовом документе посвящена «оскорблением чести». В статье № 2019 законодатель приравнивает к оскорблению прецедент, в котором лицо, получило конфиденциальную информацию ввиду профессиональных или личных обстоятельств, пообещало хранить её в тайне, однако умышленно раскрывает эти сведения с целью причинения вреда гражданину [16, с. 788].

Исходя из содержания Уложения 1845 г. следует отметить, что законодатель вводит данные правовые нормы с целью не столько обеспечить защиту конфиденциальных сведений граждан, сколько установить контроль над бюрократическим аппаратом. Таким образом, в середине XIX в. государство находится на пути к признанию частной жизни граждан как к ценности и объекту правовой охраны.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. (далее также Уложение 1885 г.) сохраняются нормы, регулирующие вопросы защиты частной жизни граждан, а также происходит ужесточение наказания за совершенные преступления. В статье № 1530 Уложения 1845 г. за разглашение сведений из письма почтовый чиновник приговаривается к исключению из службы, почтальон – к определению на военную службу рядовыми. В Уложении 1885 г. в данной норме (ст. 1104) отсутствует дифференцируемая ответственность в зависимости от занимаемой должности. За совершенное преступление вводится новая санкция: «к заключению в тюрьме от четырех до 8 месяцев» [17, с. 424].

Ужесточение наказаний за разглашения секретных сведений наблюдается в ст. 423, которая предусматривает «заключение в тюрьму на время от 4 до 8 месяцев», вместо ранее установленного наказания в смирительном доме. [17, с. 265].

Данные примеры демонстрируют переход российского уголовного законодательства к более унифицированной и жесткой системе наказания за разглашение конфиденциальных сведений, в том числе о частной жизни граждан. Можно предположить, что вышеперечисленные изменения в законодательстве были связаны не только с усилением защитой приватности личности, но и с укреплением государственного контроля в контексте социальных, экономических и политических перемен, происходивших в стране.

Новое «Уголовное уложение», изданное в 1903 г. (далее также Уложение 1903 г.) не вступило в силу в полном объеме (за исключением Латвии, Литвы и Эстонии). Однако оно предоставляет возможность оценить уровень развития законодательства в соответствии с теми социальными, экономическими и политическими изменениями, которые получили реализацию в Российской империи в конце XIX – начале XX вв.

В главе № 28 «Об оскорблении», а именно в статье № 533, предусмотрена ответственность за разглашение позорящих сведений в том числе «публично выставленных произведений печати, писем или изображений» [15, с. 732]. В этой же главе впервые фигурирует понятие «частная жизнь», а также уделено внимание охране «семейной тайне». Согласно ст. 538 обвиняемый не сможет избежать ответственности путем предоставления доказательств истинности разглашенных сведений, если они относятся «к частной или семейной жизни опозоренного» [15, с. 735].

В главе № 29 Уложения 1903 г. существенно расширен круг наказаний и наказуемых. Раздел посвящен ответственности за разглашение личной, коммерческой, служебной, налоговой тайн: «сведений, касающихся имущественного положения, долговых обязательств, оборотов и прибылей плательщиков промыслового банка» (ст. 541–546) [15, с. 742–747].

Нормативно-правовой акт придает большее значение защите интимной сферы жизни граждан, считая ее неприкосновенной, а также демонстрирует адаптацию законодательства к новым формам распространения информации, которые могли быть менее актуальны или не так развиты к 1885 г.

Важным шагом на пути к правовому государству стал Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка». Впервые в российской истории было установлено конституционное право неприкосновенности личности, что заложило основу для развития и конкретизации других норм института частной жизни в начале XX в. [12].

Материалы Государственного архива Красноярского края (далее также ГАКК) содержат многочисленные примеры нарушений правовой защиты граждан посредством оскорблений. Данное правонарушение было широко распространено среди представителей различных сословий. Так, например, в 1879 г. коллежский советник Н.А. Никифоров обвинен в нанесении оскорблений губернскому секретарю Ледашневу [2]. В 1888 г. крестьянин В. Староверов был оскорблен офицером Гоштавтом и рядовым Зелинским [3]. В 1898 г. мещанин Константин Шехотанов подал жалобу на помощника пристава Чернушкина по причине оскорбления его действием [6]. Публичные посягательства на неприкосновенность частной жизни граждан посредством печатных изданий также отражены в делопроизводственной документации Енисейского губернского правления. Так, минусинский купец М. Попов подал прошение о привлечении к ответственности автора напечатанных в «Сибирской газете» статей, порочащих его честь [5]. В 1910 г. на редактора газеты «Красноярский вестник» А.А. Жалудского наложили взыскание за размещение ложных сведений о деятельности должностных лиц [4].

Следует отметить, большая часть дел и прошений относится к последней четверти XIX – началу XX вв. Несмотря на то, что материал имеет фрагментарный характер, можно предположить, что в конце XIX столетия частная жизнь граждан вне зависимости от сословия трактовалась через призму чести и репутации. Ввиду того, что правовой институт частной жизни находился в процессе формирования, иск об оскорблении выступал способом отстоять не только свою репутацию, но и личное пространство.

Помимо нормативно-правовых и архивных материалов в трудах российских правоведов можно наблюдать рассуждения о необходимости охраны конкретной личности «во всем богатстве ее своеобразных особенностей и творческих проявлений» [13, с. 121].

В конце второй половины XIX в. происходит осознание важности прав личности перед государством, признание за человеком личной автономии, которая предполагает обеспечение правовой охраны от посягательств государственных структур и посторонних лиц. Н. М. Коркунов в 1892 г. отмечает: «Личности нужно отмежевать себе определенную сферу самостоятельной деятельности, куда бы государственная власть и ее органы не вмешивались. Личность естественно противопоставляет интересу власти свои интересы, отстаивая и оберегая их. Это приводит к созданию юридических норм, разграничивающих интересы власти и отдельных личностей, так что государственная власть в своих проявлениях ограничивается правами гражданской свободы» [10, с. 446].

В начале XX века осуществляется формирование юридической основы защиты частных интересов и индивидуальной свободы личности. В работе «Основные проблемы гражданского права» 1917 г. И. А. Покровский иллюстрирует примеры вмешательства в частную жизнь граждан (переписка, фотографическая карточка) и приходит к выводу о целесообразности защиты интимной сферы от постороннего вмешательства поскольку «чуждость современной личности не может мириться с подобными посягательствами» [13, с. 125].

По результатам исследования нормативно-правовых документов, а также анализа юридической литературы следует отметить, что процессы становления института частной жизни в дореволюционной России можно назвать сложными и неоднозначными, которые были тесно взаимосвязаны как с внутренним, так и с внешним развитием общества. Общество и власть начинают признавать, что личная жизнь, переписка, изображение и внутренний мир человека являются ценными и уязвимыми аспектами, требующими активной защиты от непрошеного

вмешательства. Нормативно-правовые источники, а также юридическая литература свидетельствуют не только о развитии правового сознания личности к началу XX в., но и являются основополагающей юридической базой формирования института частной жизни граждан.

Библиографический список

1. Вахутин Н. А. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни: историко-правовой анализ // Молодой ученый. – 2019. – № 51 (289). – С. 76–78.
2. Государственный архив Красноярского края (далее ГАКК). Ф. 141. Оп. 1. Д. 687. Л. 2.
3. ГАКК Ф.595. Оп. 2. Д. 2236. Л. 2.
4. ГАКК Ф.595. Оп. 3. Д. 1818. Л. 1–2.
5. ГАКК Ф.595. Оп. 20. Д. 1732. Л. 1–2.
6. ГАКК Ф.595. Оп. 49. Д. 2458. Л. 2.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/9c307a0f2164645c15ca4e3146ff5f6e56060b23/ (дата обращения: 20.11.2025).
8. Зайцева Ю. П. Частная жизнь гражданина: понятие и содержание // Гуманитарные научные исследования: [электрон. науч.-практ. журн.]. – 2015. – № 4. – URL: https://gramota.net/articles/issn_2304-120X_2015_4_1_15.pdf (дата обращения: 14.11.2025).
9. Кадников Б. Н. О становлении и развитии законодательства об охране частной жизни граждан // Общество и право. – 2016. – № 2(56). – С. 30–33.
10. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 1: Введение и общая часть. – 6-е изд. СПб., 1909. – 630 с.
11. Корнакова С. В. Возникновение и развитие защиты информации о частной жизни в российском уголовном судопроизводстве // Lex russica. – 2025. – Т. 78, № 9. – С. 71–80.
12. Манифест об усовершенствовании государственного порядка // Конституция РФ URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/35000/> (дата обращения: 20.11.2025).
13. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1998. – 353 с.
14. Романовский Г. Б. Право на неприкосновенность частной жизни. М.: Статут, 2001. – 312 с.
15. Уголовное уложение 22 марта 1903 года. – СПб.: Изд. В. П. Анисимова, 1903. – 250 с.
16. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб.: Типография 2-го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1845. – [4], IV, 898, XVII с.
17. Уложение о наказаниях уголовных исправительных 1885 года / изд. проф. Имп. Училища правоучения Н. С. Таганцевым; сост. проф. С.-Петерб. ун-та Н. С. Таганцевым. – 5-е изд., доп. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1886. – [4], 714 с.

Сведения об авторе:

Аксенова Валерия Александровна, магистрант Гуманитарного института Сибирского Федерального университета (г. Красноярск), e-mail: leraxenova@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 327

А. А.Слюнкин, Ф. Е. Евстифеев

БРЯНСКИЙ КРАЙ XVII ВЕКА И ЕГО ЖИТЕЛИ В ВОСПРИЯТИИ АРХИДИАКОНА АНТИОХИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

Аннотация: В рамках данной статьи рассматривается проблематика, связанная с путешествием Антиохийского Патриарха Макария по Брянскому краю в 1754 году, причины этой трудной и опасной поездки и восприятие сопутствующих путешествию обстоятельств: образа жизни людей того времени, личности Патриарха Макария, природы Брянщины и влияния природных условий на то, что путешествие по Брянскому краю стало самым трудным на всем пути гостей с арабского Востока, Чин приёма в городах в восприятии сына Патриарха Макария архидиакона Павла Алеппского. Также в статье присутствует соотнесенность данных, приводимых архидиаконом Павлом, с источниками и литературой, доступными автору, проблема языка общения антиохийской делегации в России.

Ключевые слова: Патриарх Макарий, Антиохийская Церковь, архидиакон Павел, путешествие, Брянский край, Чин приема, Церковное Око, Библия

Slyunkin A. A., Evstifeev F. E. Bryansk region of the 17th century and its inhabitants in the perception of the Archdeacon of the Church of Antioch

Abstract: This article examines the issues surrounding the journey of Antiochian Patriarch Macarius through the Bryansk region in 1754, the reasons for this difficult and dangerous journey, and the perception of the circumstances surrounding it: the lifestyle of the people of that time, the personality of Patriarch Macarius, the natural environment of the Bryansk region, and the influence of natural conditions on the journey through the Bryansk region being the most difficult on the entire route for guests from the Arab East. The rite of reception in cities as perceived by Patriarch Macarius's son, Archdeacon Paul of Aleppo, is also discussed. The article also compares the data provided by Archdeacon Paul with sources and literature available to the author, and the problem of the language of communication of the Antiochian delegation in Russia.

Keywords: Patriarch Macarius, Antiochian Church, Archdeacon Paul, journey, Bryansk region, rite of reception, Church Eye, Bible.

Брянский край середины XVII века, народ, его населяющий, главное и второстепенное в образе жизни того времени, природная среда, причины путешествия патриарха Макария в Россию, условия пути по Брянщине, язык общения с русскими переводчиками... На эти и многие другие вопросы нам позволяет ответить единственный в своем роде исторический источник: "Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским". Под этим именем известен русскому читателю шаммас Канисса Мадиина Антакайят аль-Узма уа Шарк аусат Булус ибн аз-За'им аль-Халяби (диакон Церкви града Божия Антиохии Великой и всего Востока Булус (Павел) сын аз-За'има (родовая фамилия, по-арабски означает "вождь, руководитель... "аль-Халяби (нисба, т.е. указание на то место, откуда человек происходит. В данном случае, из Халеба (в русском произношении Алеппо).

Архидиакон Павел был сыном Антиохийского Патриарха Макария аз- За"им, который в начале своего служения был женатым священником и затем овдовел. Архидиакон Павел об этом пишет: "Я был воспитан при отце в тесной привязанности к нему и ничьё общество не было для меня сладостнее его общества с того времени, как я, отторгнутый от груди матери моей ее кончиной, был обречен на горе и печали и, кроме отца, не имел никого, перед кем бы мог изливать свои огорчения. Я непрестанно питался пищей его оживляющих слов и утолял жажду водой его освежающих наставлений, починяясь ему во всем и следуя за ним безотлучно и неотступно, где бы он ни был и когда бы то ни случилось". (1, с.12).

Со временем отец Павла стал архиереем и затем Патриархом Антиохийским. И в этом звании "... рука Провидения ... направила его к посещению отдаленных стран, селений и островов... Поехал он против воли, не по собственному хотению, а потому, что долги, тяготевшие над упомянутым престолом (Антиохийским - А. С) и перешедшие от покойного патриарха, Кир Евфимия Хиосского, удвоились... Паства его была не в состоянии уплатить этих огромных долгов. Тогда он впал в раздумье и, удрученный горем при виде такой беды... не нашел иного способа, как, подобрав полы с ног старания, сесть на коня трудов и усилий" (1, с.12).

Это в очередной раз характеризует Патриарха Макария как усердного служителя Церкви Христовой, соответствующего тем высоким требованиям, которые Священное Писание и Священное Предание налагает на епископа: апостол Павел пишет: "Таков бо нам подобаше архиерей: преподобен, незлобив, безсквернен, отлучен от грешник и выше небес бывый... (2 послание к Евреям, 7 глава, 26 стих), о требованиях к носителю епископского сана говорят и правила Константинопольского собора, бывшего в храме святых апостол (3, с. 579-583) и правило Поместного Собора Сардикийского (3, с. 347-365).

Важно заметить, что у Патриарха Макария не было сначала намерения ехать в Москву, об этом говорит и первоначальное название путевых заметок Павла Алеппского "Мин Халеб фи Билад кузаки", т.е. из Халеба в Страну казаков, как архидиакон Павел называет Украину. Причины, побудившие Патриарха Макария отправиться в такой далекий и опасный путь, в течение этой части путешествия не разрешились, и он вынужден был продолжить свой путь и отправиться дальше - в Россию.

При Патриархе Макарии неотлучно был его сын, архидиакон Павел, обладавший редкой наблюдательностью, что мы постоянно видим в описании им путешествия Патриарха Макария, умением описывать то, что он видел, слышал и переживал, языком, который даже в переводе удивителен, добрым характером и искренностью там, где она была позволительна в то время и при тех обстоятельствах, что располагало к нему его собеседников в России и глубокой порядочностью. Даже уехав из России и будучи уже у себя на Родине, архидиакон Павел, систематизируя свои путевые записки и рассказывая, в том числе, о различных секретах, которые сообщали ему его московские друзья, он не называет ни одного человека по имени и даже не говорит о званиях, в которых они находились!

Было и ещё одно обстоятельство, благодаря которому архидиакон Павел был свидетелем и участником многих событий. В России того времени крайне подозрительно относились к иностранцам, особенно к инославным и иноверным. Немецкий географ и путешественник Адам Олеарий, посетивший Россию в первой половине того же XVII века, рассказывает, что после того, как он посетил избу одного русского крестьянина, тот сразу пригласил священника, чтобы совершить Чин освящения жилища, будучи, разумеется, убежденным, что оно осквернилось от посещения инославного гостя. Архидиакон же Павел был не только православным, но и высокопоставленным клириком Антиохийской Церкви - одной из древнейших на Земле и ему было доступно совершенно свободное общение с людьми самых различных

слоев общества - от крестьян до царя. На Русь приезжали архиереи и Патриархи с Востока и ранее, но ни при ком из них не было такого удивительного летописца, как архидиакон Павел.

"Сочинение Павла Алепского, - справедливо замечает современный автор, - изобилует такими подробностями и сведениями, каких нельзя найти больше нигде. С этой точки зрения " Путешествие" - уникальный источник церковной и гражданской жизни"(4, с. 194).

"Путешествие Патриарха Макария совпало с огромными событиями середины XVII века. Когда Патриарх Макарий прибыл в Молдавию, там происходило восстание великого лагофета и отрешение от власти господаря Василия, а в Валахии в то время умирает господарь Матфей..." (1, с.3). К границам России Патриарх Макарий со спутниками прибыли только через три года после того, как покинули родину, совершив огромный путь через пределы Турции, Валахии, Молдавии и Украины.

О путешествии антиохийцев к границам Российского государства в Москве было известно заранее. 20 мая 1653 года, когда Макарий и его спутники были еще в Молдавии, царь Алексей Михайлович писал в Путивль: "... Окольниковому и воеводам нашим князю Федору Ондреевичу Хилкову, да Петру Даниловичу Протасьеву. Ведомо нам учинилось, что Антиохийский Патриарх (зачеркнуто "митро"-А. С.) Макарий приехал из Царягорода в Молдавскую землю (зачеркнуто "Волосскую землю"- А. С.), а из молдавской Земли хочет ехать к нам к Москве. И как вам ся наша грамота придет, а Антиохийский Патриарх Макарий в Путивль приедет: и вы б его велели принять и из Путивля к нам к Москве отпустили, и пристава, и корм, и подводы дати (зачеркнуто:" велели принять во всем против нынешнего приезда Царегородского" - А. С.) против того ж, как принят и отпущен к нам к Москве в нынешнем ... году Царегородский бывший Патриарх Афанасий... А приставу, который будет с Патриархом, приказали б есте накрепко(зачеркнуто " именно" - А. С.), как он в Колугу (зачёркнуто " Карачев" - А. С.), приедет и он бы отписал нам тотчас(зачёркнуто " и с Колуги шел неспешно" - А. С.)... А без нашего указа с подхожего стану к Москве не ездил..." (5, с. 101-102).

В приведенном документе мы видим неуверенность Русской государственной власти в отношении чина приема гостей с православного Востока, потому что сам чин встречи, размеры "корма" и его разнообразие, вид конных экипажей и их количество... говорили о том, какой статус имели в глазах Москвы путешественники, въезжавшие на территорию государства Российского. Сомнения были даже в самом сане Патриарха Макария, который первоначально назван митрополитом. Все это говорит о том, что гости из Дамаска, бывшего в то время и до сих пор являющегося первопрестольным градом Антиохийских патриархов, были великой редкостью в России того времени. И хотя Антиохийский Патриарх Иоаким V Дау приезжал в Москву в 1586 году, память об этом событии изгладилась.

По выяснении статуса Патриарха Макария, ему, начиная с Путивля, через который въезжали в то время в Россию все гости с Востока, оказывался должный прием. В Путивле Патриарха Макария и его спутников встречал воевода и, по оказании положенного Чина приема, Патриарх Макарий со спутниками продолжили свой путь в направлении Брянского края.

Основной трудностью путешествия от Путивля до земли Брянской и далее по территории Брянщины (затем антиохийские путешественники ехали на судах по Оке) архидиакон Павел называет дороги, по которым они проезжали: "Одному Всевышнему Богу известно, до чего трудны и узки здешние дороги: мы, проезжая по разным дорогам от своей страны до сих мест, не встречали таких затруднений и таких непроходимых путей, как здешние, от которых бы поседели и младенцы. Рассказать - не то, что видеть собственными глазами: густота деревьев в лесах такова, что земля не видит солнца. В эти месяцы, в июле и августе, дожди не переставали лить на нас, вследствие чего все дороги были покрыты водой: на них образовались ручьи, реки и непролазная грязь. Поперёк узкой дороги падали деревья, которые были столь велики,

что никто не был в силах их разрубить или отнять прочь; когда подъезжали повозки, то колеса их поднимались на эти деревья и потом падали с такой силой, что у нас в животе разрывались внутренности. Мы добирались к вечеру не иначе, как мертвые от усталости, ибо одинаково терпели и ехавшие в экипаже и всадники, и пешие. (1, с.205). Удивительно, но при таких трудностях пути архидиакон Павел сохраняет способность восхищаться природой нашего края: "Ежедневно мы въезжали в леса новой породы: в один день ехали среди деревьев малул (дуб?), в другой - следы тополей, диких и персидских, одинаковой высоты, как в саду, - вид прелестный! В иной день - среди высоких кедровых (сосновых) деревьев, в другой - среди елей, похожих на кедр, из которых делают корабельные мачты - диковинные, удивительные деревья!" (1, с.205).

По дороге к Севску архидиакон Павел упоминает названия некоторых селений, передавая их так, так он это воспринимал и переводчик Джирджис Муркос и дает предположительные названия этих сел и деревень. Некоторые из них сейчас можно идентифицировать. "...прибыли, - пишет автор, - в ... селение с большим озером называемое Брутики (Прудки?)" (1, с. 206). Речь идет, очевидно, о ныне существующем селе Пруды Путивльского района. В этом месте река Сейм образует ряд небольших озер и заболоченных мест. Отсюда и название. "Проехав по длинному деревянному мосту, который проходит над водой, болотами и большими зарослями, мы прибыли в город по имени Измиников (Позднякова?), где и ночевали" (1, с. 206). В данном случае, по нашему мнению, автор говорит о селе Поздняшовка (прежнее название Позднякова), которое упоминается с 1643 года как село с храмом во имя великомученика Димитрия Солунского (7, с. 245). Удивительно, что архидиакон Павел не упоминает храм, в то время бывший в селе. Причиной этого видится крайнее утомление антиохийских путешественников в это день, в который они проехали 80(!) верст и на заре уже покинули селение.

На следующий день Патриарх Макарий со спутниками приехали с город Севск, где их, как и в Путивле, встречал воевода. Современных ему воевод государства Российского архидиакон Павел характеризует очень высоко: "Знай, - пишет он, - что воеводы в этой стране люди ученые, законоведы, философы, логично рассуждающие, любящие тонкие вопросы, глубокомысленные споры. Они приобретают знания от наставников, к ним приезжающих, от патриархов и архиереев, коих они обыкновенно расспрашивают и, когда ответят на их вопросы, подчиняются; если кто из них воспрещает им что-либо, то воздерживаются от этого, не упорствуют, но стремятся увеличить свои знания, ибо мы видели у каждого из них тысячи больших книг, кои они охотно читают днем и ночью. Они не имеют пристрастия к вину и веселью. У воевод киевских мы видели целые возы книг, но что Киев в сравнении с Москвой? Все это происходит от их любви к знанию; они знают по пядям даже нашу страну и ее историю" (1, с. 217).

Эта соотнесенность повседневной жизни с церковным Уставом, в описываемое в время это - "Церковное Око"(8), была характерна для всего русского общества того времени. "Русские согласовали свой домашний образ жизни с богослужебным порядком и в этом отношении сделали его похожим на монашеский", - писал историк Н.И. Костомаров, описывая распорядок дня русского человека в XVI - XVII веках (9, с. 29).

Один из храмов Севска описан особо: "... ввели нас в высокую церковь, как бы висящую на прочных основаниях, во Имя Успения Владычицы, кругом нее идет галерея, господствующая над окрестностями, на ней стоят женщины. В церкви три двери, как обыкновенно бывает в их церквях, о чем мы уже упоминали"(1, с. 207). В данном случае архидиакон Павел описывает Успенскую церковь на Гостином дворе, которая "впервые упоминается в переписной книге 1646 года... В 1683 году церковь была сооружена заново с приделом Николая Чудотворца" (7, с. 469).

Затем воевода проводил Патриарха за городские ворота, а священники прошли дальше на значительное расстояние. Антиохийские гости продолжали свой путь среди полей, лесов и встречавшихся изредка селений, переехали "... большую реку Надрус (Нерусса), через которую весной переплавляются на судах, а мы переехали ее по особому длинному мосту, тянущемуся на значительное расстояние. Число больших досок только на поверхности его, от начала до конца, широких и длинных, две тысячи четыреста сорок одна, как мы точно сосчитали. Весь он без гвоздей, только из одного дерева" (1, с. 210), - замечает поражающий наблюдательностью архиерей Павел.

Далее, сравнивая условия путешествия в "стране казаков", т.е. на Украине и России, архиерей Павел пишет: "Знай, что в земле казаков евреи во время владычества ляхов устраивали внутри своих жилищ род постоянных дворов из дерева, обширных и высоких, для путешественников в зимнее время, чтобы по своей пронырливости попользоваться от них, продавая им сено для животных, пищу для них самих, получая за постой, хотя бы на один час, за водку и другие напитки и за все, в чем они нуждаются. В этой же стране московитов ничего подобного нет, но путешественники останавливаются в домах у жителей; по этой причине назначают к патриарху и другим (важным приезжим) пристава, т.е. конакджи (квартирмейстера). Когда мы, случалось, путешествовали летом, то останавливались (на ночлег) за городом ради пастбы животных, но много терпели от обильных дождей и всяких беспокойств" (1, с. 211). Мы видим, какая простота и невзыскательность были присущи образу жизни Патриарха Макария, который провел в этом путешествии ровно семь лет. Первосвященник одной из древнейших на планете Земля Церквей часто имел ночлег в открытом поле.

"Затем мы въехали в село с озером, называемое Хородиш (Городище). Близ него небольшая, сильная крепость. В селе у дороги церковь во имя Космы и Дамиана. Обрати внимание, читатель, до какой степени эта страна, имеющая столь огромные размеры, строго охраняется, ибо входить нельзя, как только через середину города и крепости и селения; непременно бывает узкий проход по мосту, ведущему через озеро, а других, объездных путей вовсе нет. Никакому шпиону, хотя бы он был из туземцев, совершенно невозможно проникнуть. Обрати внимание на эту чрезвычайную строгость!" (1, с. 210). В данной случае автор описывает, как мы видим, село Городище в современном Брасовском районе, в котором находились и существуют до сих пор два селения с таким названием. Архиерей Павел описывает, без сомнения, так называемое Городище 2-е, находящееся у западной окраины поселка Летча. Городище 2-е "... упоминается с начала XVII века как Иванидинский острожек в составе Глодневского стана Комарицкой волости. В 1628 году упоминается как село (Городище, Иванидинское Городище, Новое Городище) с церковью во имя бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана. Храм в 1806 году был приписан к селу Авчухи, а в 1823 году окончательно разобран и Городище 2-е стало деревней в приходе села Авчухи (6, с. 73).

"Затем мы сделали еще верст тридцать... и прибыли в селение, которое теперь вновь строят; оно называется Жанки (Чайки?). Мы ночевали на некотором расстоянии от него в поле ради пастбы животных" (1, с. 211). Здесь мы вынуждены не согласиться с предположением Джирджиса Муркоса о том, что село, возможно, называлось Чайки. В данном случае Павел Алеппский пишет о селе Чайка современного Брасовского района, упоминаемого в источниках "... с 1-й половины XVII века, сначала в составе Карачевского уезда, затем Глодневского стана Комарицкой волости (6, с. 335). В " Путешествии" мы находим указание на обстоятельство, которое отсутствует в других источниках - о том, что село в 1754 году заново отстраивалось.

Через десять верст антиохийские гости "... прибыли на берег большой реки, по имени Нафля (Навля). Здесь есть деревня, место остановки для переправы на судах, называемая

Самох (Сомово) " (1, с. 213). В данном случае архидиакон Павел, без всякого сомнения, говорит о нынешнем селе Сомово, находящемся сейчас в Шабликинском районе Орловской области, в 30 километрах к Югу от Карачева, "...упоминаемое впервые в 1614 году как приходское село с разоренной Никольской церковью (6, с. 292-293), которое до XVII века называлось "Сасово"- историческая частность, которой, разумеется, не мог знать Джирджис Муркос, назвав село Сомово.

Через реку Навля антиохийские путешественники переправлялись на судах целый час. Хотя архидиакон Павел и определяют реку как самую большую из встречавшихся им до этого, столь долгая переправа была обусловлена, несомненно, тем, что моста через реку в этом месте не было и переправлялись на паромах, на которых нужно было разместить экипажи, вещи и т.д. Лошади переправлялись вплавь.

Через тридцать верст Патриарх Макарий со спутниками "...прибыли в большой город с сильной крепостью, называемый Каражава (Карачев)... Раньше, чем достигли города, мы посетили монастырь поблизости него, у самой дороги, он в честь Пасхи, называемой на их языке (т.е. на русском - А. С.) Фаскарисанья(Воскресение). Монастырь окружен рощей кедров (сосен), удивительных по своей высоте и прямизне, и все они равны - да будет благословен их Творец! (1, с.212). Здесь мы в очередной раз, даже в переводе, чувствуем особенности одного из языков Востока, где до сих пор даже в самых обыденных обстоятельствах говорят в высшей степени изящно и образно!

Говоря о путешествии Патриарха Макария через пределы современной Брянской области, естественно возникает вопрос: на каком языке происходило общение между гостями с арабского Востока и сопровождавшими их русскими людьми? Ответ мы находим в одной из грамот, посланных уже воеводе Калуги Богдану Ивановичу Комынину 4 августа 1654 года: "...дати посольского приказа переводчику Ивану Боярчикову, от Москвы до Колуги, подводу с седлом и уздою, да подводу с телегой и проводником, а от Колуги до Коломны, водяным путем, в готовое судно кормщика и гребцов... Послан на встречу к Антиохийскому Патриарху, и с приставех велено быти ему ж" (5, с.110-111). Иван Боярчиков был опытным переводчиком с греческого языка. Но ведь родным языком Патриарха Макария и его спутников был арабский, на уровне родного они знали и турецкий язык по понятным историческим причинам. Ответ находим в описании архидиаконом Павлом царского приема в Москве, где он говорит: "Наш учитель (Патриарх Макарий- А. С.) говорил с драгоманом на греческом языке, ибо...мы хорошо научились ему, когда находились в обществе людей этого языка (т.е. во время путешествия до пределов государства Российского, в течение 3-х лет, не больше, что удивительно-выучить греческий язык на уровне свободного им владения среди великих тягот пути, при этом Патриарх Макарий был уже человеком пожилого возраста...- А. С.). То была нам великая милость от Бога, ибо здесь совсем не терпят турецкой речи и слышать ее не могут, думая, что осквернится их слух. Все драгомены предостерегали нашего учителя, чтобы он отнюдь не говорил по-турецки. Разговаривая с драгоманом, он запинаясь, ибо греки говорят быстро, а мы, хотя и научились их языку, не в состоянии говорить на нем также бегло, как они, так как язык у них очень подвижен. Царь спросил драгомана: "Почему патриарх не говорит быстро?". Тот отвечал: "Потому, что он стал обучаться этому языку недавно, но он знает турецкий язык и, если царю угодно, будет говорить на нем". Царь сказал: "Нет, нет! Боже сохрани, чтобы такой святой муж осквернил свои уста и язык этой нечестивой речью! "Ненависть их к туркам очень велика. При вратах царя есть семьдесят переводчиков, знающих все языки, но арабского не знают. Бог оказал нам милость знанием греческого языка, иначе мы попали бы в большое затруднение (1, с.280).

После обозрения основанного в конце XVI века иеромонахом Тихоном (ум. в 1609 году), бывшего, по преданию, столпником, Воскресенского монастыря, "...находившегося в бывшей городской слободе Бережок, все постройки которого в то время были деревянными" (7, с. 264) и привели в совершенное восхищение архиерея изысканностью внутреннего убранства и внешнего вида, антиохийские гости выехали из брянских пределов и, совершив долгий переезд, достигли города Болхова.

Заклучив описание Брянского края середины XVII века архиереем Павлом Алеппским в той степени, в которой это позволяет формат статьи и соотнося это с имеющимися у нас источниками, полагаем возможным сделать следующие выводы:

1. Причиной, побудившей Патриарха Макария отправиться в Россию и, естественно, путешествовать по части современного Брянского края - иного пути не было, было то, что он не смог в Молдавии, Валахии и на Украине разрешить те вопросы, ради которых он отправился в это трудное и непредсказуемое путешествие, а именно - не смог собрать необходимое количество милостыни, чтобы уплатить огромные долги, тяготевшие над Антиохийским Патриаршим Престолом.

2. Путешествие по Брянскому краю было самым трудным на всем пути Патриарха Макария и его спутников до Москвы (от Калуги они ехали на судах по Оке) по причине природных условий Брянщины, особенно знаменитых Брянских лесов, которые, как мы видели, и приводили путешественников в восхищение и доставляли великие мучения.

3. В этот период путешествия мы видим крайнюю непритязательность и скромность Патриарха Макария: Антиохийский Первосвятитель часто ночует в открытом поле(!), в домах крестьян... в тех же условиях, что и его спутники.

4. Образ жизни русских людей того времени - от воевод, сочетавших в то время гражданскую и военную власть и до крестьян, был полностью подчинен церковному Уставу.

5. Чин приема, оказываемый Патриарху Макарию в городах, соответствовал его высокому статусу Первосвятителя одной из древних Церквей, входящих в Пентархию.

6. Поскольку каждый народ живет в своем языке, удивительным является, что языком общения в России для гостей с арабского Востока был, по указанным причинам язык греческий, никто из русских переводчиков арабского языка не знал.

7. Данные, приводимые архиереем Павлом, практически всегда совпадают с нашими источниками (5, с. 81-141).

8. Патриарху Макарию суждено было принять участие в важнейших событиях в истории Русской Православной Церкви и Государства Российского, но это уже тема для иных исследований и выходит за границы темы данной статьи.

Библиографический список:

1. Павел Алеппский (архиерей). Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архиереем Павлом Алеппским/ Пер. с араб. Г. Муркоса. М.: О-во сохранения лит. наследия, 2005.-728 с.
2. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Любое издание.
3. Кормчая (Номоканон). Отпечатана с подлинника Патриарха Иосифа. Санкт-Петербург, Воскресение, 2004,-1481с.
4. Протоиерей Лев Лебедев. Москва патриаршая. - М.: " Вече", 1995.- 384 с.
5. Слюнкин А. А. Взаимоотношения России и Антиохии в XVI - XVII вв.: развитие церковно - государственных связей. Монография. Брянск: РИО БГУ, 2011.- 228с.

6. Населенные пункты Брянского края. Энциклопедический словарь. Брянск: Группа компаний "Десяточка"(изд - во " Белобережье"), 2010.- 402 с.
7. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Брянская область. - М.: Наука, 1998 - 640 с.
8. Церковное Око. Верещагино, 2009.- 1194 л.
9. Кожурин Кирилл. Духовные учителя сокровенной Руси. - (б. м.): Издательские решения, 2016 - 418 с.

Сведения об авторах:

Слюнкин Александр Александрович, к. и. н., ст. преподаватель кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета, e-mail: trubchevsk-sobor@mail.ru

Евстифеев Филипп Евгеньевич, студент 2 курса магистратуры Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева, e-mail: filipp562872@gmail.com

УДК 391.2

М. А. Умерова

СУФИЙСКАЯ ОБИТЕЛЬ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВПАТОРИИ

Аннотация: Статья посвящена исследованию архитектурных особенностей, исторического контекста и культурного значения Текие дервишей в Евпатории (Кезлеве) – единственной на сегодняшний день сохранившейся суфийской обители на территории Крымского полуострова, так как суфийские ордена играли важную роль в духовной жизни Крыма начиная с XIII века. Для исследования данной темы необходимо провести анализ источников, изучить историографию данного вопроса и подвести итог.

Ключевые слова: суфизм, Текие дервишей, обитель, Евпатория (Кезлев), Крым

Umerova M. A. Sufi monastery on the territory of Yevpatoria

Abstract: The article is devoted to the study of architectural features, historical context and cultural significance of Tekiye Dervishes in Yevpatoria (Kezlev) — the only surviving Sufi monastery on the territory of the Crimean Peninsula today, since Sufi orders have played an important role in the spiritual life of Crimea since the 13th century. To explore this topic, it is necessary to analyze sources, study historiography and draw conclusions.

Keywords: Sufism, Tekiye Dervishes, Monastery, Yevpatoria (Kezlev), Crimea

Целью данной работы является систематизация и обобщение информации о суфизме и Текие дервишей в Евпатории (Кезлеве). Говоря об историографии данной темы, выделим основных авторов, которые исследовали интересующий нас вопрос: Н. Абдульваапов, А.Н. Сухоруков, С. Н. Цалик, А. Яшлавская и др. [2; 7 - 9; 10].

Суфизм представляет собой исламскую систему ценностей и практику, в ходе которой мусульманин стремится достичь довольство Аллаха и постижение Его сущности путем специальных духовных ритуалов и аскетического образа жизни. Суфизм надрелигиозен, но возник в контексте ислама, тогда же сформировались учения и практика суфиев, возникли первые школы и сообщества. Дервиш (персидск. «бедняк») — религиозный подвижник, живущий в уединении, подобно христианским монахам, стремящимся отказаться от всех земных благ и целиком посвятить свою жизнь поклонению Всевышнему. Несмотря на то, что отрешенность от всего земного не особо поощрялась в ранние годы распространения ислама, на территории Арабского халифата стали возникать первые братские сообщества. Как правило, они формировались вокруг духовного лидера – суфийского шейха, исполняющего роль учителя и руководителя всей общины. Все дервиши подразделяются на две группы: странствующие и проживающие в общинах. Первая категория дервишей, оставаясь преданными своему ордену и руководителю, странствуют по миру, занимаясь миссионерской деятельностью среди местных жителей. Периодически они возвращаются к своему наставнику, чтобы почерпнуть мудрость. Вторая группа живет постоянно в обители, называемом ханакой или текие, неотлучно находясь возле своего шейха. Для вступления в ряды дервишей каждый желающий должен пройти обязательное обучение от 8 до 12 лет, но не каждый прошедший обучение может называть себя суфием, решение принимает суфийский шейх и после его заключения суфий проходит церемонию инициации (посвящения), включая в себя облачение в специальную одежду с капюшоном – хирку, также одевалась на голову черная шапочка, считающаяся самим шейхом и обозначающая мудрость.

Дервиши исповедовали принцип: «В миру, но не от мира сего». Они врачевали, толковали сны, предсказывали будущее, переписывали книги, продавали магические амулеты. Но при этом жили по собственным законам, стараясь сохранять независимость от мирских суждений и общественной иерархии. В восточных странах и Крыму они пользовались особым

уважением, считаясь чуть ли не святыми. Не они кланялись могущественному султану, а он им. [8, с. 51].

Суфизм в Крыму играл важную роль в общественно-религиозной жизни населения с начала активной исламизации полуострова (XIII в.), вплоть до падения Крымского ханства в 1783 году [2, с. 140]. О роли суфизма в Крымском ханстве говорит тот факт, что целый ряд правителей Крыма исповедовали ислам именно суфийского толка и принадлежали к тарикату (ордену) мевлеви [5, с. 11–12]. Более того, они выступали покровителями для шейхов, по их приказу строились суфийские обители (текие) [1, с.11]. Так, традиция связывает появление первых мусульман на Крымском полуострове с именами двух сподвижников пророка ислама - Малик Аштера и Гази Мансура. Имеющиеся данные и исторические свидетельства не позволяют однозначно подтвердить или опровергнуть эту легенду. Даже если эти сподвижники пророка и оказались в Крыму, это не привело к исламизации населения. Построение первой мечети в Крыму относят к 1221/1222 году, когда турки-сельджуки захватили Судак и всего за две недели построили мечеть, поставили кади, муэдзина и хатиба [5, с. 103]. Важным периодом в процессе исламизации Крыма стало непродолжительное, но очень богатое событиями время правления хана Берке (1255-1266 гг.), младшего брата золотоордынского хана Батыея, внука Чингизхана. Джузджани, персидский историк XIII века, передаёт, что Берке с юных лет обучался Корану под руководством одного имама в Ходжете, проникся исламом и, после достижения 30-летнего возраста, не скрывал своих убеждений. Эвлия Челеби сообщает, что при хане Берке в главном городе Крыма - Солхате, в 1262-1263 гг. была построена мечеть силами Бей-Хаджи Умара Бухари [6, с. 83]. Сам хан Берке стал первым чингизидом, принявшим ислам. А 1265/1266 году, возвращаясь в Крым после удачного похода, хан Берке (Баракат-хан) привёл с собой, как об этом сообщает «История Тохта-бая» в передаче Э. Челеби, около 1800 учёных-шейхов (бабайи) из Балха и Бухары, построил им соборные мечети и медресе и наделил их имуществом [7, с. 5]. В середине 1260-х годов в Крыму оказывается ещё одна крупная группа мусульман-суфиев, прибывших с другой стороны, а именно из Коньи и Анатолии, входивших в состав Сельджукского султаната. К XVII в. суфийские братства функционировали во всех значимых центрах полуострова, «Крым был регионом достаточно широкого распространения суфийских идей и располагал довольно разветвленной сетью соответствующих организационных структур» [1, с. 180]. Турецкий путешественник Эвлия Челеби, побывавший в Крыму в середине XVII века (был дервишем и среди прочего выполнял задания разведывательного характера), обнаружил в Кезлеве несколько обителей дервишей [6, с.40].

В конце XIII века обитель возникла вблизи города Кезлев (современная Евпатория) в западной части Крымского полуострова. Первоначально текие дервишей было деревянным, а когда Кезлев перешёл под управление крымских ханов, то на прежнем фундаменте вместо деревянного текие было возведено каменное [7, с.9]. Основали Текие дервишей выходцы из турецкого города Конья (в тот период столица могущественного государства турок-сельджуков), принадлежавшие к ордену, то есть братству, Мевлана. Основателем этого самого влиятельного в мусульманском мире ордена считается выдающийся мыслитель и гуманист XIII века Мевлана Джалаледдин Мухаммед Руми [8, с.56].

Историко-культурный комплекс включает три сооружения: текие, мечеть и медресе. Текие выделяется строгими формами и отсутствием декора как снаружи, так и внутри здания. Планировка близка к квадратной форме, верхушка выполнена в виде восьмиугольника, завершающегося массивным куполом диаметром 9,5 метра. В каждой стене расположено по два окна с арочными сводами, освещение недостаточное, создавая мрачный интерьер, что типично для подобных сооружений. Общая высота строения достигает приблизительно 20 метров. Комплекс насчитывает 19 помещений, исключая угловые комнаты и вестибюль главного

входа. Уровень пола в комнатах находится ниже поверхности улицы. С запада к текие значительно позднее (конец XVII в.) была пристроена небольшая мечеть Шукурулла Эфенди, о которой сейчас напоминают стены и находящийся у восточной стены частично обрушившийся минарет и медресе (XVIII в.), в котором после проведения реставрационных работ расположен музей крымскотатарской культуры. По южной стороне мечети расположены захоронения, перенесённые сюда с древних городских мусульманских захоронений, одно из которых ранее находилось непосредственно на территории комплекса.

Обители дервишей на территории Крымского полуострова перестали существовать после присоединения Крыма к Российской империи в XVIII столетии. Обитель дервишей в Евпатории постепенно прекратила свою деятельность, продолжили работу только мечеть и медресе. После прихода советской власти все религиозные учреждения были закрыты, духовенство подверглось репрессиям, некоторые представители были казнены. Здания использовались в хозяйственных целях, включая склады и подсобные помещения.

Землетрясение 1927 года сильно повредило сооружение, ранее стоявшее несколько столетий. После официального закрытия текие в 1930-х годах оно осталось без ремонта и пришло в аварийное состояние. Лишь в начале 2000-х годов был проведен незначительный косметический ремонт. Несмотря на разрушения, текие и медресе сохранили свою первоначальную структуру, хотя мечеть оказалась полуразрушенной.

На сегодняшний день данный исторический комплекс признан памятником архитектуры федерального значения и включен в список достопримечательностей туристического маршрута Евпатории. На территории текие находится национальный культурно-просветительский центр крымских татар, которым длительное время управляла историк, кандидат социологических наук Алифе Яшлавская, со временем принадлежащая к суфийскому ордену (единственная в Крыму женщина-суфий, посвящена в дервиши в 2010 году в турецкой Конье Назимом, шейхом Накшбандийского ордена). Внутри комплекса действует небольшая музейная выставка, посвященная истории и культуре региона. В настоящее время текие дервишей в Евпатории считается единственным в Европе, сохранившим свой первоначальный вид. Таким образом, несмотря на пережитые сложные времена, текие продолжает оставаться значимым символом духовного и исторического наследия полуострова.

Библиографический список

1. Абдульвапов Н. Актуальные проблемы изучения истории суфизма в Крыму // Учёные записки Таврического национального университета имени В.И.Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. — 2005. — Т. 18(57), № 3. — С. 179–192.
2. Абдульвапов Н. Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // Культура народов Причерноморья. — 2006. — № 79. — С. 140–149.
3. Драчук В., Кара Я., Челышев Ю. Керкинитиды – Гезлев – Евпатория. — Симферополь: Таврия, 1977. — 192 с.
4. Евпатория – 2500 / Коллектив авторов. — Симферополь; Ялта: Издательство "Сонат", 2003. — 236 с.
5. Зайцев И. В. Ислам в Крыму в XIV–XVIII вв. // Золотоордынское обозрение. — 2015. — № 2. — С. 103–128.
6. Книга путешествий. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.). — Симферополь: Дар, 1999. — 345 с.
7. Сухоруков А. Н. Суфийский орден мевлеви в Крыму в XIV–XIX вв. // Научный вестник Крыма. — 2019. — № 2(20). — С. 5–12.

8. Цалик С. Н. Евпатория. Прогулки по Малому Иерусалиму. — Симферополь: Оригинал-М, 2008. — 224 с., илл.

Сведения об авторах:

Умерова Медине Арифовна, магистр Крымского инженерно-педагогического университета им.Февзи Якубова, младший научный сотрудник Крымскотатарского музея культурно-исторического наследия г. Симферополь, e-mail: umerova_medine@mail.ru

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКУ

УДК 94(100)“1914-1918”

И. А. Ельонышев

«ЧАСТИ 18-ГО ИЮНЯ» КАК ПОПЫТКА БОРЬБЫ С РАЗЛОЖЕНИЕМ РУССКОЙ АРМИИ

***Аннотация:** В предлагаемой статье рассматривается феномен наименования частей, принявших участие в Июньском наступлении, «частями 18-го июня». Приводится краткий обзор судьбы частей, поддержавших призыв Временного правительства, их дальнейшего состояния и участия в военных конфликтах. Особое внимание уделяется сопоставлению списка соответствующих формирований со списками «частей смерти», характеризуется процесс определения частей, достойных получения наименования, а также приводится попытка определения применимости к этим частям общих тенденций разложения русской армии.*

***Ключевые слова:** Первая мировая война; Июньское наступление; «части 18-го июня»; «части смерти»*

Elonyshev I. A. «The units of June 18» as an attempt to combat the disintegration of the Russian army

***Abstract:** The article focuses on the issue of naming units that took part in the June Offensive as “June 18th units”. The article provides a brief overview of the destiny of the units that supported the call of the Russian Provisional Government, their further condition and participation in military conflicts. Special attention is paid to the comparison of the list of relevant units with the lists of “units of death”. The process of units identifying being worthy of receiving the name is being analyzed. The author makes an attempt to determine the applicability of the general trends of decay of the Russian Army to these units.*

***Keywords:** Russia; World War I; June Offensive; “June 18th units”; “units of death”*

Летне-осенняя кампания 1917 г. включала генеральное наступление русских, которое привело к ряду наступательных операций Четверного союза и мирным переговорам, а также к последовавшим событиям 1918 г. Эта кампания стала одним из ключевых периодов разложения русской армии в ходе Первой мировой войны [1, с. 295; 2, с. 346 – 347]. Указанные события подробно описаны как в советской, так и в современной отечественной историографии. Существуют исследования о состоянии армий к началу наступления русских войск, о ходе кампании и ее последствиях [3, с. 130 – 136; 4, 413 – 418].

Стоит отметить, что с ноября 1916 г. союзниками считалось необходимым провести наступление на Западном и Восточном фронтах весной 1917 г., впоследствии время было уточнено: совместное наступление было назначено на 8-е апреля по новому стилю. Однако прошедшая в России Февральская революция в значительной мере снизила боевой дух и без того уставших от войны русский войск. В связи с этим было принято решение, что армия сможет восстановиться только к июню-июлю. В то же время обострились отношения между нижними чинами и офицерами. Военный министр А. И. Гучков и многие другие члены Временного правительства считали спасительной для армии ее «демократизацию», очистку от неугодных лиц. По подсчетам К. А. Тарасова, к маю воинскую службу вынуждены были оставить свыше 120 высших должностных лиц, в т. ч. 75 начальников дивизий, 35 командиров корпусов, 2 главнокомандующих армиями фронтов и один помощник главнокомандующего, 8 командующих армиями, 5 начальников штабов фронтов и армий [4, с. 413].

Ситуация непосредственно на фронте накануне наступления может быть охарактеризована описанием из мемуаров бывшего начальника штаба 11-й армии генерал-майора В.

Б. Геруа: «число корпусов и дивизий перестало иметь определенное значение. Играло роль число надежных, в смысле настроения, единиц, их было меньше половины» [5, с. 78].

18-го июня военный и морской министр А. Ф. Керенский телеграфировал Временному правительству о «великом торжестве революции», о том, что «русская революционная армия перешла в наступление и доказала России и всему миру свою беззаветную преданность революции и любовь к свободе и родине». В той же телеграмме военный и морской министр просил Временное правительство срочно разрешить ему «вручить от имени свободного народа полкам, участвовавшим в бою 18-го июня, красные знамена революции... и присвоить всем полкам, начавшим наступление, наименование “полков 18-го июня”» [6, л. 66 – 66 об.].

Разрешение было дано, и главнокомандующему армиями Юго-западного фронта было поручено представить списки полков, принимавших участие в наступательном бою 18-го июня, и тех полков, которые первыми начали наступление. Впоследствии Временное правительство распространило разрешение о переименовании и на всю артиллерию, принявшую участие в бою 18-го июня, о чем Верховному главнокомандующему генералу от кавалерии А. А. Брусилову телеграфировал А. Ф. Керенский [6, л. 29].

Ранее вопросу появления и судьбы «частей 18-го июня» не было посвящено фактически ни одного исследования. Сам по себе феномен упоминается лишь в нескольких работах [7; 8]. Р. М. Абинякин дает наиболее подробную, хотя и недостаточно аргументированную и развернутую оценку воодушевления этих частей, называя его «не массовым и очень быстротечным» явлением [9, с. 24].

В фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) хранятся списки частей, направленные командующими 7-й и 11-й армиями, а также соответствующая переписка дежурного генерала при Верховном главнокомандующем генерал-майора Г. И. Кортацци и проект приказа о закреплении перечня частей, получивших наименование «частей 18 июня». Примечательно, что ходатайства командиров частей через командующих армиями и штаб Юго-западного фронта направлялись Кортацци вплоть до декабря 1917 г. и отмены чинов, погон и внешних отличий в форме [6, л. 103 – 105].

Список представленных к переименованию частей 7-й армии, направленный 30-го сентября, содержал 39 формирований, 11-й армии – 52 формирования. Всего в двух списках значились: 21 пехотный полк (среди них 4 второочередных, 4 третьеочередных и 4 полка 4-й очереди), 21 стрелковый полк (среди них 7 второочередных и 4 полка 4-й очереди), 1 ударный батальон, 30 батарей (в т. ч. одна Бельгийского броневое дивизиона), 5 артиллерийских бригад, 2 мортирных дивизиона, 3 инженерные роты, 1 подрывная команда, 2 авиационных отряда, 1 казачья сотня, 3 броневых отделения, 1 автомобильный взвод [6, л. 68 – 70].

Заметим, что среди «частей 18-го июня» представлено большое разнообразие частей по времени их формирования: это как старейшие полки русской императорской армии (например, 4-я пехотная дивизия), ведущие свою историю с петровских времен, так и части, сформированные во время Первой мировой в рамках второй, третьей и четвертой очередей (в т. ч. 12-я Сибирская стрелковая, 108-я пехотная и 6-я Финляндская стрелковая дивизии соответственно).

Впоследствии в штаб Верховного главнокомандующего поступали ходатайства о присвоении названия «частей 18-го июня» еще по меньшей мере 9 частям [6, 75 – 103 об.], 4 из них были указаны в проекте приказа начальника штаба Верховного главнокомандующего.

Сам проект приказа имеет следующее содержание: «Объявляю список частей войск[,] коим Верховный Главнокомандующий присваивает наименование “частей 18 июня”.» Он не имеет даты, номера и подписи начальника штаба, однако на листе обозначены ноябрь 1917 г. и чин генерал-лейтенанта [6, л. 107].

С П И С О К
частей войск, коим присвоено наименование "частей
18 июня".

№ по порядку	Наименование частей.	Отбытие.
1.	13-я пехотный Вислогорский полк.	
2.	14-я " Олонский "	
3.	15-я " Шкотовский "	
4.	16-я " Ладомский "	
5.	4-я Артиллерийская бригада.	
6.	1-я батарея 6-го Юргинского артиллерийского дивизиона.	
7.	2-я и 3-я батареи 6-го Юргинского артиллерийского дивизиона.	
8.	Инженерная рота 4-й пехотной дивизии.	
9.	1-й Гвардейский авиационный отряд.	
10.	5-я финляндский стрелковый полк.	
11.	7-я " " "	
12.	8-я " " "	
13.	2-я Финляндская стрелковая артиллерийская бригада.	
14.	4-я Финляндская инженерная рота.	
15.	13-й финляндский стрелковый полк.	
16.	14-й " " "	
17.	15-й " " "	
18.	16-й " " "	
19.	4-я Финляндская стрелковая артиллерийская бригада.	
20.	21-й финляндский стрелковый полк.	
21.	22-й " " "	
22.	1-й Чешско-Словацкий полк.	
23.	2-й " " "	
24.	3-й " " "	
25.	325-й пехотный Кюлявский полк.	

Рисунок 1. Список частей войск, коим присвоено наименование «частей 18-го июня». С. 1. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 770. Л. 107 об.

105

26.	325-й пехотный Вислогорский полк.	
27.	327-й " Борусский "	
28.	328-й " Новокузнецкий "	
29.	Гвардейский батальон 62 пехотной дивизии.	
30.	32-я Артиллерийская бригада.	
31.	32-я Инженерная рота.	
32.	14-я Донская отдельная сотня.	
33.	1-й Гвардии 2-ой артиллерийской бригады.	
34.	1-й Гвардии 2-ой юргинский артиллерийский дивизион.	
35.	14-й отдельный тяжелый артиллерийский дивизион.	
36.	5-я и 7-я батареи 2-го Отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона лт."А".	
37.	2-я батарея Белынского броневого дивизиона.	
38.	1-я и 2-я батареи 13 Отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона.	
39.	Батарея 15-го тяжелого артиллерийского дивизиона.	
40.	1-я батарея 1-го Сибирского тяжелого артиллерийского дивизиона.	
41.	8-я батарея лт."А".	
42.	4-я батарея 19-го отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона.	
43.	2-я батарея 19-го отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона, батарея лт."Т".	
44.	1-я батарея 11-го Особого дивизиона.	
45.	15-е броневое отделение.	
46.	38-е " " "	
47.	" " " "	
48.	41-й броневый автомобильный взвод.	
49.	XIII-й армейский авиационный отряд.	
50.	86-й пехотный Вислогорский полк.	
51.	90-й " Онежский "	
52.	92-й " Печорский "	
53.	75-й Сибирский стрелковый полк.	

Рисунок 2. Список частей войск, коим присвоено наименование «частей 18-го июня». С. 2. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 770. Л. 108.

54.	76-я	Сибирский отдельный полк.
55.	17-я	Замурский пограничный пехотный полк.
56.	18-я	" " " " " "
57.	19-я	" " " " " "
58.	20-я	" " " " " "
59.	205-я	пехотный Шемахинский полк.
60.	207-я	" " " " " "
61.	45-я	Сибирский отдельный полк.
62.	46-я	" " " " " "
63.	48-я	" " " " " "
64.	49-я	" " " " " "
65.	50-я	" " " " " "
66.	51-я	" " " " " "
67.	52-я	" " " " " "
68.	425-я	пехотный Ржевский полк.
69.	430-я	" " " " " "
70.	431-я	" " " " " "
71.	432-я	" " " " " "
72.	Батарея 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7 первой Финляндской стрелковой артиллерийской бригады.	
73.	Батарея 1, 2, 3, 4, 5 и 6 третьей Финляндской стрелковой артиллерийской бригады.	
74.	Батарея 1, 2 и 3 двадцать второго Морганского артиллерийского дивизиона.	
75.	Подрывная команда 52-я отдельной инженерной роты.	
76.	2-е Кабельное отделение 7-й Сибирской отдельной телеграфной роты.	
77.	13 Сибирская отдельная артиллерийская бригада.	
78.	Инженерная рота 13 Сибирской стрелковой дивизии.	
79.	7 Сибирский корпусный воздухоплавательный взвод.	

Вр. и. А. Дежурного Генерала при Верховном Главнокомандующем,
Генеральному Штабу Полковник
За Начальника Организационного отдела
Генерального Штаба Давыдович
За Начальника 2-го отделения
Прапорщик *И. В. Зенит*

Рисунок 3. Список частей войск, коим присвоено наименование «частей 18-го июня». С. 3. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 770. Л. 108 об.

Можно прийти к выводу, что приказ был, скорее всего, напечатан при генерал-лейтенанте Н. Н. Духонине не ранее 22-го октября, когда в штаб поступило наиболее позднее из отраженных в приказе ходатайств, и не позднее 5-го ноября, т.к. на листе расположена карандашная надпись «подождать 6/XI». Приказ так и не был опубликован. Также возникает предположение, что после Октябрьской революции было неуместным упоминание частей, поддержавших Временное правительство, и, вероятно, рамки создания этого документа можно сузить до 22–25-го октября.

Как было отмечено ранее, общий ход «наступления Керенского» хорошо изучен, в связи с чем здесь имеет смысл описать лишь действия конкретных частей, впоследствии названных «частями 18-го июня». Примечательным источником для такого описания, а также для анализа хода переименования частей является телеграмма командира 22-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Н. А. Обручева начальнику штаба 7-й армии генерал-майору А. А. Незманову. В ней к награждению красными знаменами и наименованию «полками 18-го июня» представляются 10-й, 12-й и 18-й Финляндские стрелковые полки, начавшие наступление. Отмечается, что 3-й и 4-й Финляндские стрелковые полки не удостоиваются награды как залегшие перед окопами противника. А также командир корпуса отмечает, что 17-й, 19-й и 20-й Финляндские стрелковые полки, «во исполнение словесного приказа командующего армией», не представляются к награде как отказавшиеся встать на позицию уже в последующие за наступлением дни [6, л. 63].

В ответ на эту телеграмму, переданную главнокомандующему армиями Юго-западного фронта Л. Г. Корнилову, 18-го июля поступил следующий ответ: «Входить с представлением до окончания операции и выяснения[,] как держали себя представляемые части в последних боях[,] не считаю возможным» [6, л. 62]. В списках, направленных 30-го сентября дежурному генералу при Верховном главнокомандующем из штаба фронта, не было ни одного стрелкового полка 22-го армейского корпуса, а лишь значительная часть его артиллерии.

Возможно, это связано с последовавшим 22-го июля рапортом командующего 7-й армией, в котором спрашивалось у главнокомандующего армиями Юго-западного фронта, «до какого же периода эти действия надо принимать во внимание для награждений названиями и знаменами» [6, л. 61], и на обороте копии этого рапорта, направленного в штаб Верховного главнокомандующего, есть карандашная надпись «Главковерх приказал с этим вопросом не спешить».

Общий анализ журналов боевых действий ряда полков показывает, что наименование «частей 18-го июня» присваивалось и полкам, в день начала наступления остававшимся на позиции, как и требовало командование. Это характерно, например, для частей 4-й пехотной дивизии.

Наступление, начатое 18-го июня, позволило некоторым полкам избежать планировавшегося расформирования или избавиться от недоверия со стороны командования в связи с неподчинением в них. Так, например, в «Русском инвалиде» описан случай, когда части 12-й и 13-й Сибирских стрелковых дивизий незадолго до наступления отказались выполнить боевое задание, отказались вслед за тем расформироваться. 15-го июня они были окружены конницей, и лишь к позднему вечеру приведены к повиновению (однако важно отметить, что без кровопролития). И уже 18-го июня полки приняли участие в наступлении, за что 7 Сибирских стрелковых полков (45-й, 46-й, а также с 48-го по 52-й – 7 из 8 полков двух дивизий) были удостоены наименования «полков 18-го июня», а позднее такое наименование было пожаловано 13-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригаде и инженерной роте 13-й дивизии [10, с. 1 ; 11, л. 11 ; 6, л. 68 – 79 ; 12].

Подобное явление описывает сообщение «собственного корреспондента» «Русского инвалида», служившего в одном из Заамурских пограничных пехотных полков: «Сегодня, 18 июня, в 10 часов утра, наши полки под ураганный огонь нашей артиллерии перешли в наступление... В бою принимают участие полки – о расформировании которых правительством было отдано приказание. Инцидент исчерпан» [13, с. 1].

Стоит отметить, что из гвардейских частей к наименованию «частей 18-го июня» были представлены пять: 1-й гвардейский авиационный отряд, 2-я гвардейская артиллерийская бригада, 2-й гвардейский мортирный артиллерийский дивизион, 1-я саперная рота Гвардии Саперного полка и команда траншейных орудий Гвардии Гренадерского полка. Присвоение названия «1-й саперной роты 18-го июня Гвардии Саперного полка» подтверждается последним командиром полка Г. С. Габаевым [11, с. 145], и, что является примечательным и выдающимся случаем, Габаев ходатайствовал о «помещении на линейный значок роты даты $\frac{18}{VI}$ », что было закреплено приказом по полку от 1917 г. № 376 [6, л. 88 ; 16, с. 101].

О вкладе в наступление гвардейских артиллеристов, служивших в «частях 18-го июня», можно судить по выданным Георгиевским крестам. Так, канонир 3-й батареи 2-го гвардейского мортирного артиллерийского дивизиона был награжден за то, что 18-го июня выстрелом подбил приносящий ущерб нашей пехоте действующий пулемет противника, а также три канонира той же батареи были награждены за то, что, будучи ранеными, остались в строю 17-го июня; фейерверкер той же батареи был награжден за то, что 23 июня, будучи раненым в голову, остался в строю для руководства обеспечением батареи снарядами.

И в последующие дни служившие в дивизионе награждались за несение службы с тяжёлыми ранениями, за отличия, оказанные при проводившемся отступлении. Командир 1-й батареи 2-го гвардейского мортирного артиллерийского дивизиона полковник Г. Шпигель был награжден Георгиевским крестом с лавровой ветвью в т. ч. за то, что вверенная ему батарея разрушила железобетонные укрепления противника, позволив пехоте занять их [17, с. 72 – 78].

Последние два из перечисленных выше гвардейских формирования действовали при армейских частях: команда траншейных орудий Гвардии Гренадерского полка – при 14-м Финляндском стрелковом полку (тоже удостоенном наименования «полка 18-го июня»), гвардейские саперы – при Чешско-Словацкой стрелковой бригаде. Последние внесли весомый вклад в наступление уже 19-го июня, когда бригада совместно с 4-й Финляндской стрелковой дивизией была брошена в атаку, и к утру следующего дня ее передовые цепи прорвались далеко за третью линию окопов противника, где из перемешавшихся рот и батальонов образовывались группы солдат, действовавшие под командованием случайных начальников. Как впоследствии отмечал командир 3-го Чешско-Словацкого стрелкового Яна Жижки полка полковник Н. П. Мамонтов, «высокий боевой дух и интеллигентность чешского солдата обеспечивали успех даже при таком ведении боя» [15, с. 737 – 738].

Вполне вероятно, что удачное и слаженное участие чехословаков в катастрофическом наступлении во многом поспособствовало ускоренному разворачиванию бригады – к концу августа 1917 г. чехословацкие силы составляли две дивизии, в которых, не считая артиллерийских подразделений, находилось в строю уже свыше 15 тыс. человек. К концу сентября было дано распоряжение о разворачивании дивизий в Чехословацкий корпус [7, с. 41].

Наравне с присвоением наименования «частей 18-го июня» важным предприятием, направленным на поддержание боевого духа армии, в т.ч. со стороны самих частей, стало обретение наименований «частей смерти», действовавшее вплоть до заключения перемирия. В приказе Верховного главнокомандующего генерала от кавалерии А. А. Брусилова от 15-го июля 1917 г. № 634, помимо прочего, было написано: «Объявляю... список доблестных могучих частей славной революционной Русской армии, записавшихся в части смерти... в их лице вижу и приветствую героизм всего народа свободной России. Низко Вам кланяюсь, богатыри родной земли» [18, л. 461].

Среди «частей смерти» были 15 «частей 18-го июня» [18, л. 462 – 463; 19, л. 109]. Среди них и части 4-й пехотной дивизии, которая была всецело объявлена ударной частью. Был создан нагрудный знак дивизии в форме креста, на котором изображались «адамова голова», название дивизии, надписи «ударная», «18 июня 1917 г» [8, с. 123].

Ошибочно считать, что части, перешедшие в наступление в июне 1917 г., делали это в полном составе: так, например, в Чешско-Словацкой стрелковой бригаде насчитывалось около 200 дезертиров, а один из батальонов 2-го полка бригады отказался выступать на фронт. Аналогично 28-го июня 8-я рота 15-го пехотного Шлиссельбургского полка отказалась выступить для занятия новой позиции, вследствие чего не состоялась и другая смена в полку [7, с. 40 – 41; 20, л. 38].

Уже 19-го июня 1917 г. в «Русском инвалиде» была напечатана статья «Наступление»: «Русская революционная армия перешла в наступление! ... Армия великой революции, свободное войско от свободного народа, самая свободная армия мира – она грудью своей встала на защиту революции и ее идеалов» [21, с. 1].

В выпуске газеты, вышедшем 21-го июня, сообщалось, что «честь произвести первый удар революционной армии» выпала на 49-й и 6-й армейские корпуса 11-й армии и 41-й, 34-й и 22-й армейские и 7-й Сибирский армейский корпуса 7-й армии. Также упоминалось, что «всем полкам этих корпусов отныне присвоено почетное название “полков 18-го июня” и от

имени свободного народа Временное правительство вручает им Красные Знамена» [13, с. 1]. Причем примечательно, что в ранее упомянутых списках вместо 22-го армейского корпуса был 3-й Кавказский армейский корпус.

Нетрудно видеть, что официальная сводка об «Июньском наступлении» в значительной мере скрывала тот факт, что далеко не все части указанных корпусов приняли участие в наступлении. Однако в прессе, не относившейся в Временному правительству, все же появились некоторые упоминания этого факта.

Так, в «Правде» 22-го июня упоминалось об общем заводском собрании оружейной фабрики И. Ф. Петрова, которая, «узнав о расформировании 5 полков за отказ идти в наступление, с негодованием протестует против таких мер» [22, с. 3]. В тот же день в «Солдатской правде» отмечалось, что «наступление на немца – это насос, посредством которого всю энергию рабочих и солдат отводят от настоящего рабочего и крестьянского дела в сторону внешнего врага» и что наступление – единственный способ, позволяющий буржуазии удерживать свою власть.

В статье писали: «Им (солдатам – И. Е.) завязали глаза черной лентой английских и французских нот и вслепую повели на смерть, давая в награду этим полкам красные знамена. Зачем давать знамена, когда их уже взял, уже завоевал сам народ? Не надо, чтобы Временное правительство дарило красные знамена, благословляя этими знаменами братоубийственную бойню» [23, с. 126 – 127].

28-го июня в меньшевистской газете «Вперед» была опубликована статья Л. Д. Троцкого «Наступление и наступленцы» [24, с. 138 – 140]. В ней Троцкий писал: «мы еще ничего не знаем об австро-германских контр-атаках на нашем фронте, как ничего не знаем о дальнейшей судьбе брусиловского наступления. Но для нас уже и сейчас несомненно, что революционное “наступленчество” будет самой короткой главой в истории иллюзий русских народных масс и, прежде всего, самой армии». Во многом автор статьи угадал те явления, которые к 28-му июня уже начались на фронте.

О дальнейшей судьбе «частей 18-го июня» осенью 1917 г. свидетельствуют сведения о настроении в полках и дивизиях, еженедельно направлявшиеся в штабы армий. Среди абсолютного большинства таких сообщений прослеживается тенденция желая скорейшего заключения мира, которое могло сопровождаться низкой боеспособностью частей и периодическими отказами от работы.

Характерно описание ситуации в 13-м пехотном Белозерском полку: «Были случаи упорного отказа от работ, но после усиленных и долгих объяснений к работам приступали» [25, л. 278]. Однако в том же полку отмечалось отсутствие братания и настроение против него, что выделяет этот полк среди многих других частей русской армии.

Как было упомянуто выше, среди «частей 18-го июня» были части иностранного происхождения – три Чешско-Словацких стрелковых полка и 2-я батарея Бельгийского бронированного дивизиона. Последний был подарком короля Бельгии Николаю II в 1915-1916 гг., и после Февральской революции не раз поднимался вопрос о его отзыве, однако само руководство бельгийской военной миссии отстаивало необходимость сохранения дивизиона в действующей армии, считая «ошибкой отзыв из русской армии живого образа бельгийского героя, которого русский солдат ставит выше всех других». Широко известно, что все указанные формирования сохранили боеспособность в последовавшие годы, а чехословаки и вовсе приняли активное участие в Гражданской войне.

Также относительно хорошо известна судьба полков ранее не раз упоминавшейся 4-й пехотной дивизии: 13-й пехотный Белозерский полк был возрожден в Добровольческой армии во время боев за Донецкий бассейн. Полк рос из небольшой группы офицеров, постепенно

пополняясь бывшими служащими 13-го Белозерского, 14-го Олонецкого, 15-го Шлиссельбургского и 16-го Ладожского пехотных полков., а также добровольцами, мобилизованными и пленными. Белозерский полк внес значительный вклад в штурм Чернигова, захватив множество военной добычи, в т.ч. несколько тысяч пленных. Но штурм Чернигова оказался последним победным делом полка. Вооруженные силы на Юге России стали преследовать неудачи, и полк отступил в Польшу, где был в лагерях вплоть до августа 1920 г., откуда остатки полка были переброшены через Румынию в Крым [26, с. 381].

Рисунок 4. Савицкий Г. К. Стихийная демобилизация старой армии. ГМПИР. Ф. ИЗО и авторская графика. Ед. хр. Ф.IV-75.

Проведенное исследование не дает возможности проследить судьбу всех «частей 18-го июня», особенно тех, что остались верны Советской власти, ибо в т.ч. в связи с объявленной мобилизацией становится тяжело проследить движение столь большого числа солдат и офицеров. Однако исследование позволяет понять, что судьбы этих частей разнообразны и что их не объединяет ничто, кроме самого обретенного наименования. И все же возможно проследить некоторые общие для упомянутых частей тенденции: их дух «преданности революции» и готовность идти в бой были сильно переоценены А. Ф. Керенским, что демонстрируют и стихийное Тарнопольское отступление, и анализ настроений в полках осенью 1917 г.

Временное правительство посредством активного обсуждения Июньского наступления в целом и, в частности, посредством чествования «частей 18-го июня» смогло лишь на несколько дней создать определенный подъем духа в тылу, в столице России. Провал наступления и его критическая оценка со стороны обретавших популярность в печати оппозиционных сил обратили наименования «частей 18-го июня» и дарованные им красные знамена в бесполезный факт, не позволивший нисколько приблизиться к предотвращению начавшегося в армии катаклизма.

Для большинства «частей 18-го июня» характерны те проблемы, что охватили армию задолго до Июньского наступления. Это упадок дисциплины, недоверие к офицерам и стойкое желание мира. Хотя, безусловно, были и сохранившая стройности Чешско-Словацкой бригады, поддерживавшая дисциплину 4-я пехотная дивизия. Однако эти случаи единичны и не остановили процесс разложения русской армии.

Библиографический список

1. Нелипович С. Г. Периодизация боевых действий на русском фронте Первой мировой войны // Исторический вестник. – 2023. – № 2. – С. 292 – 393.
2. Ипполитов Г. М. О периодизации процесса разложения русской армии в 1917 году. К постановке проблемы // Известия Самарского научного центра РАН. – 2017. – № 3 (2). – С. 345 – 356.
3. Зайончковский А. М. Мировая война 1914-1918 гг. – [3-е изд.] – М. : Воениздат, 1938. – Т. 2. – 288 с.
4. Россия в 1917 году : энциклопедия / [отв. ред. А. К. Сорокин]. – М. : РОССПЭН, 2017. – 1093, [2] с.
5. Лаптев В. А. Офицеры ударных частей русской армии во время подготовки и проведения летнего наступления 1917 г. // История : факты и символы. – 2020. – № 2 (23). – С. 76 – 87.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 770 // Памяти героев Великой войны, 1914–1918 : [портал]. URL: <https://gwar.mil.ru/documents/view/58012037/> (дата обращения: 08.07.2025).
7. Недбайло Б. Н. Чехословацкий корпус в России (1914-1920 гг.) : историческое исследование : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. – М., 2004. – 228 с.
8. Иванов Д. «Рожденный на заре свободы — за нее умрет»: части смерти в русской армии 1917 // Военный сборник. – М., 2004. – С. 113 – 125.
9. Абинякин Р. М. Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение, 1917–1920 гг. : монография. – Орел : издатель А. Воробьев, 2005. – 204 с.
10. Русский инвалид. – 1917. – 18 июня. – № 141.
11. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 599 // Памяти героев Великой войны, 1914–1918 : [портал]. URL: <https://gwar.mil.ru/documents/view/58024640/> (дата обращения: 09.07.2025).
12. Российский М. А. 7-й Сибирский армейский корпус в июньском наступлении 1917 года (по материалам личного фонда В. П. Кравкова в НИОР РГБ) // Официальный сайт ИНИОН РАН. URL: https://legacy.inion.ru/index.php?page_id=528 (дата обращения: 19.08.2025).
13. Русский инвалид. – 1917. – 21 июня. – № 143.
14. Габаев Г. С. Отчет перед Родиной о работе и жизни и об испытаниях военного историка Георгия Габаева // Звезда. – 2009. – № 11. – С. 134 – 159.
15. Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914-1920 : документы и материалы. – Т. 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России, 1914-1917 гг. – М. : Новалис, 2013. – 1016 с.
16. Клочков Д. Гвардейские саперы в Первую мировую войну. Из архива Г. С. Габаева // Старый Цейхгауз. – 2016. – № 2 (70). – С. 95 – 104.
17. Патрикеев С. Б. Сводные списки кавалеров Георгиевского креста, 1914–1922 гг. IV степень. №№1000 001–1299 150. – М. : Духовная Нива, 2014. – 1148 с.
18. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 7 // Памяти героев Великой войны, 1914–1918 : [портал]. URL: <https://gwar.mil.ru/documents/view/58009681/> (дата обращения: 06.05.2025).
19. РГВИА. Оп. 2. Д. 352 // Памяти героев Великой войны, 1914–1918 : [портал]. URL: <https://gwar.mil.ru/documents/view/58007472/> (дата обращения: 17.08.2025).
20. РГВИА. Ф. 2629. Оп. 2. Д. 200 // Памяти героев Великой войны, 1914–1918 : [портал]. URL: <https://gwar.mil.ru/documents/view/51510150/> (дата обращения: 30.07.2025).
21. Русский инвалид. – 1917. – 19 июня. – № 142.
22. Правда. – 1917. – 22 июня. – № 77.
23. Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году : сборник материалов и документов / Ленингр. ин-т истории ВКП(б), Ленингр. отд-ние Центр. ист. архива РСФСР. – [Ленинград] : Лениблиздат, 1932. – XXXIII, 402 с.
24. Наступление и наступленцы / Л. Д. Троцкий // Троцкий Л. Д. Сочинения. – Т. 3. – Ч. 1. – М. ; Л., 1925. – С. 138 – 140.

25. РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 817 // Памяти героев Великой войны, 1914–1918 : [портал]. URL: <https://gwar.mil.ru/documents/view/58014342/> (дата обращения: 18.08.2025).
26. Горяйнов И. 13-й пехотный Белозерский генерал-фельдмаршала князя Волконского полк в гражданскую войну // Возрожденные полки русской армии в Белой борьбе на Юге России. – М. : Центрполиграф, 2002. – С. 381 – 183.

Сведения об авторе:

Ельонышев Игорь Андреевич, учащийся Аничкова лицея Санкт-Петербургского городского Дворца творчества юных (Санкт-Петербург, E-mail: i.elonyshev@mail.ru)

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru
Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru